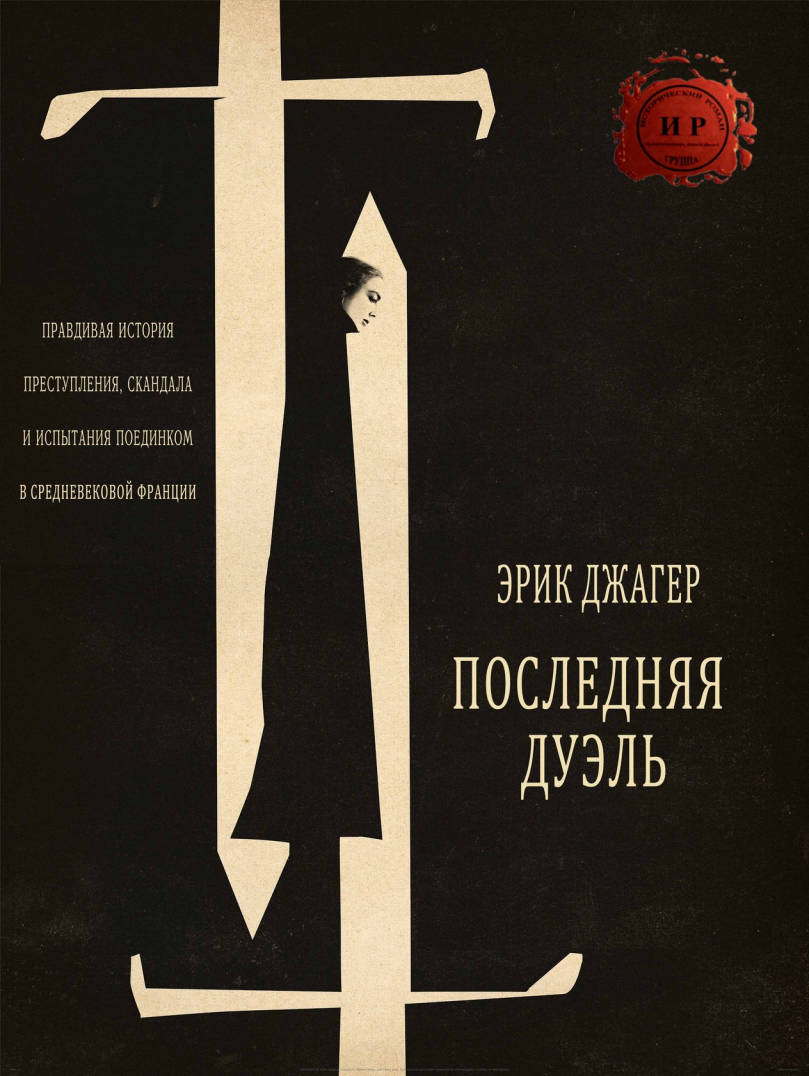

ИР
ГРУППА
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СКАНДАЛА
И ИСПЫТАНИЯ ПОЕДИНКОМ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ
ЭРИК ДЖАГЕР
ПОСЛЕДНЯЯ
ДУЭЛЬ

Последняя дуэль

Эрик Джагер

Аннотация
ОТ АВТОРА
ПРОЛОГ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
ЭПИЛОГ
ДОПОЛНЕНИЕ:
ПРИМЕЧАНИЯ
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
БЛАГОДАРНОСТИ
ОБ АВТОРЕ
ПОБЛАГОДАРИТЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аннотация

Пока огромная толпа бурлила в предвкушении, два заклятых врага внимательно изучали друг друга, их горячее дыхание вырывалось из под забрал облачками пара. Они жаждали уничтожить друг друга, словно водный поток и бушующий пожар. Огороженное поле, вначале ставшее для них тюрьмой, теперь превратилось в тигель, а соперники – в элементы, один из которых будет уничтожен, чтобы полностью очистить другой в священном огне правосудия. В их жестоком поединке не будет ни пощады, ни правил. И ужасная судьба ожидает даму, если её муж проиграет....

Захватывающая, атмосферная и правдивая история дуэли, положившей конец всем судебным дуэлям в Средневековой Франции: испытание поединком, где рыцарь бросит вызов сквайру, обвиняемому в изнасиловании его молодой супруги. В 1386-ом, через несколько дней после Рождества, огромная топа соберётся на ристалище парижского монастыря, чтобы наблюдать смертель-

ный поединок двух соперников, и лишь Божественное проведение решит на чьей стороне правда. Реальная историческая драма разворачивается на фоне опустошительной Столетней войны между Англией и Францией: вражеские войска грабят страну, французский двор обуяло безумие, в Церкви наметился очередной раскол, мусульманские армии угрожают всему христианскому миру, заговоры, мятежи, и чума делают людей жалкими игрушками в руках судьбы. В центре повествования Жан де Карруж, нормандский рыцарь, недавно вернувшийся из Шотландской кампании, чтобы услышать от своей супруги ужасающие признание в изнасиловании, совершенном над ней придворным Жаком Ле Гри, его старым другом и боевым товарищем. Рыцарь предстанет перед юным королём Карлом VI, верховным судьёй Франции. На фоне громогласных заявлений Ле Гри о своей невиновности и посеянных сомнениях в отцовстве ребёнка Маргариты (которая теперь беременна) суд заходит в тупик и выносит решение, ставящее судьбу дамы под угрозу. Если её супруг и защитник проиграет дуэль, женщину сожгут за

лжесвидетельство. Облачившись в доспехи, во всеоружии Карруж и Ле Гри сойдутся на огороженном ристалище в Париже, перед огромной толпой, в присутствии короля и всего цвета французской знати. Завязывается жестокий конный, а затем пеший бой, в ходе которого оба дворянина получат ранения, но лишь одно из них будет смертельным. Этот жестокий и трагический эпизод изрядно прогремел в своё время из-за характера преступления и юридического тупика в который зашло следствие, дав добро испытанию поединком, довольно сомнительному судебному институту, который впоследствии был упразднён. Основанная на многолетних исследованиях парижских и нормандских архивов, «Последняя дуэль» оживляет перед нами красочную и бурную эпоху, в которую жили три главных персонажа, оказавшиеся в роковом треугольнике преступления, скандала и мести. Это одновременно и трогательная человеческая драма, и захватывающий детектив и авантюрный исторический роман, до конца сохраняющий интригу.

Переведено группой «Исторический роман» в 2021 году.
Домашняя страница группы ВКонтакте: **http://vk.com/translators_historicalnovel**
Над переводом работали: zvejnieks78, gojungle
Подписывайтесь на нашу группу ВКонтакте!

Тщательно продуманные правила судебной дуэли исключали любую случайность, кроме самого исхода, разумеется.
— МАРТИН МОНЕСТЬЕ,
Дуэли: les combats singuliers

Эта дуэль была последней, из всех когда либо санкционированных Парижским Парламентом.
— Дж. А. БУШОН, РЕДАКТОР
Хроник ЖАНА ФРУАССАРА

Никто не знал, что там случилось на самом деле.
— ЖАН ЛЕ КОК, ПАРИЖСКИЙ АДВОКАТ,
КОНЕЦ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ВЕКА

ОТ АВТОРА

Мысль о написании этой книги пришла мне в голову лет десять назад, после прочтения средневековой повести о ссоре между Жаном де Карружем и Жаком Ле Гри. В итоге мне пришлось отправиться в Нормандию с целью изучить хранящиеся в архивах старинные рукописи и лично побывать в местах, где более шести веков назад разыгралась эта драма. Получившаяся в итоге книга представляет собой реальную историю, основанную на исторических источниках: летописях, юридических описях и прочих дошедших до нас документах. Все лица, места, даты и прочие детали, включая разговоры и поступки определённых персонажей: их зачастую противоречивые показания в суде, уплаченные или полученные ими суммы, даже погода, реальны и основаны на достоверных источниках. Если документы противоречат друг другу, я привожу наиболее вероятный вариант развития событий. Там, где молчат исторические летописи, я даю волю собственной фантазии, дабы восполнить

образовавшиеся пробелы, внимательно прислушиваясь к голосам далёкого прошлого.

ПРОЛОГ

Холодным утром 1386 года, спустя несколько дней после Рождества, в Париже на площади за монастырём собралась многотысячная толпа, дабы посмотреть, как два рыцаря сойдутся в смертельном поединке. Прямоугольное ристалище было огорожено высоким деревянным забором и взято в кольцо стражниками-копейщиками. Карл VI, восемнадцатилетний король Франции, расположился со своими придворными на украшенных трибунах, растянувшихся вдоль одной стороны, всё остальное пространство по периметру поля заполняла огромная толпа зевак.

Два рыцаря в полном рыцарском облачении, с мечами и кинжалами на поясе сидели лицом друг к другу на троноподобных креслах напротив тяжёлых ворот по разные стороны ристалища. Стоящие у каждых ворот слуги держали под уздцы боевых коней, а священники торопливо убирали с поля распятие и алтарь, на котором только что присягали дуэлянты.

По сигналу распорядителя рыцари вскочат

на коней и, вооружившись копьями, выедут на ристалище. Стражники замкнут за ними тяжёлые ворота, заперев двух мужчин за высоким забором. Там они сойдутся в жестоком поединке без малейшего шанса на спасение, пока один не убьёт другого, в зависимости от того, на чью сторону встанет Господь в этом споре.

Возбуждённая толпа внимательно наблюдала не только за вооружёнными рыцарями и юным королём в окружении расфуфыренных придворных, но и за красивой молодой женщиной, одиноко восседавшей на задрапированном чёрной тканью эшафоте, что возвышался над ристалищем. Женщина была с головы до ног облачена в траур и окружена стражниками.

Готовясь к суровым испытаниям, ощущая на себе пристальные взгляды толпы, она смотрела на гладкое, как чистый лист, поле битвы, где вскоре перст судьбы кровью начертает её будущее.

Если её защитник выиграет бой, она получит свободу. Но если его убьют, ей придётся заплатить собственной жизнью за ложные обвинения.

Это было в День священномученика Фомы Кентерберийского, и дама подозревала, что праздной, алчущей развлечений толпе, пожалуй, будет мало убитого на турнире рыцаря, они и сожжение

клятвопреступницы примут на ура.

Парижские колокола возвестили о том, что час пробил. На ристалище вышел королевский маршал и поднял руку, призывая к тишине. Битва вот-вот начнётся.

Часть Первая

1

КАРРУЖ

В четырнадцатом веке рыцарям и паломникам требовалось несколько месяцев, чтобы добраться из Парижа или Рима до Святой земли, а монахам и торговцам — год, а то и больше, дабы пересечь Европу и достигнуть Китая по Великому Шёлковому пути. Азия, Африка и ещё не открытая Америка тогда не были колонизированы европейцами. А саму Европу практически полностью оккупировали конные полчища мусульман, которые вторглись в седьмом веке из Аравии, приплыли из Африки, чтобы покорить Сицилию и Испанию, и скрестили мечи с христианами на севере, вплоть до французского Тура, прежде чем повернули назад. К четырнадцатому веку христианский мир уже более шестисот лет подвергался мусульманским набегам, предпринимая неоднократные Крестовые походы против неверных.

Всё свободное от коалиционных войн с мусульманами время христианские государи проводили

в бесконечных междоусобных распрях. Короли и королевы Европы с многочисленным выводком братьев и сестер, опутанных сложной сетью брачных союзов, непрестанно грызлись друг с другом за земли и престолы. Частые войны между враждующими европейскими монархами превращали города и деревни в дымящиеся руины, навлекая на подданных голод и нужду, заставляя правителей залезать в гигантские долги, которые те гасили, повышая налоги, обесценивая монеты, а то и просто обирая наиболее подходящих на эту роль жертв, вроде евреев.

СОЛДАТЫ ГРАБЯТ ДОМ

Английские солдаты разграбили многие французские земли во время Столетней войны. Хроники Сен-Дени. MC. Royal 20 C VII., фол 41стр.

Печатается с разрешения Британской библиотеки.

В центре Европы располагалось королевство Франция. Требовалось двадцать два дня, чтобы пересечь это обширное государство с севера на юг и шестнадцать — с востока на запад. Без малого десять веков Франция держала славу кузницы феодализма. Основанная на руинах Римской Галлии в пятом веке, в девятом она была крепостью Карла Великого против исламской Испании— , а в начале четырнадцатого стала самым богатым и могущественным государством Европы. Но буквально за несколько десятков лет удача отвернулась от Франции, и страна находилась практически на грани выживания.

В 1339-м англичане пересекли Ла-Манш и вторглись во Францию, положив начало продолжительному и разрушительному конфликту, названному впоследствии Столетней войной. Вырезав при Кресси весь цвет французского рыцарства в 1346-м, англичане захватили Кале. Десять лет спустя, при Пуатье, устроив французским рыцарям очередную кровавую баню, англичане пленили короля Иоанна и увезли его в Лондон, освободив царственного пленника лишь в обмен на обширные французские терри-

тории, а помимо короля взяли многих знатных заложников и гигантский выкуп в три миллиона золотых экю.

Ошеломлённая вначале утратой своего короля, а затем ценой его возвращения, Франция впала в смуту. Мятежная знать предала короля Иоанна и присоединилась к английским захватчикам, разъярённые новыми налогами крестьяне восстали против своих лордов, а возмущённые парижские массы разделились на враждующие фракции и резали друг друга прямо на улицах. Продолжительные засухи и неурожаи лишь усугубляли положение простолюдинов. А разразившаяся в 1348-1349 годах Великая чума и вовсе выкосила треть Европы, усеяв улицы и поля непогребёнными трупами, и продолжала возвращаться за своим скорбным урожаем примерно каждые десять лет.

Художники того времени изображали смерть в виде закутанного в саван скелета с огромной косой, что бродил по земле средь чёрных стягов, развевающихся на колокольнях чумных земель. Казалось, сам Господь оставил Францию, когда в 1378 году Европу потряс Великий раскол, разделив христианский мир на два враждующих лагеря, возглавляемых соперничающими

Папами в Риме и Авиньоне. Римский Папа благословил жестокую и грабительскую военную кампанию англичан против Франции, ибо английские священники проповедовали новый Крестовый поход и продавали индульгенции, подкармливая убийц французских «еретиков».

Вслед за воинственной английской армией во Францию ринулись преступники и разбойники со всей Европы, орды дикарей всех мастей, известные как «рутьеры», или «бич Божий». Они рыскали по стране, грабя города и деревни, запугивали жителей и заставляли их платить дань. Среди этих бесчинств и анархии Францию охватило новое безумие — строительство укреплений. Перепуганные жители деревень делали земляные насыпи и рыли оборонительные рвы. Отчаявшиеся крестьяне окружали свои дома и амбары каменными башнями и рвами с водой. Города и монастыри надстраивали и утолщали крепостные стены. Церкви укреплялись так, что вскоре стали напоминать неприступные бастионы.

Кровопролитные войны вкупе с духом Крестовых походов и Великим расколом привели ко многим бедствиям. Даже монастыри утратили статус святынь. В июле 1380-го английские войска

совершили жестокий набег на Бретань, во время которого ворвались в монастырь, насиловали и пытали монахинь, а некоторых несчастных женщин забрали себе на потеху в качестве трофеев.

Осенью 1380-го король Карл V умер, оставив королевство своему одиннадцатилетнему сыну Карлу VI. К тому времени Франция составляла около двух третей её современного размера, напоминая лоскутное одеяло, сшитое из разрозненных вотчин без малейшего намёка на национальное единство. Огромные территории либо принадлежали пяти алчным дядьям молодого короля, назначенным регентами на время его несовершеннолетия, либо были оккупированы противником. Бургундия принадлежала Филиппу Смелому, самому могущественному королевскому дяде, основателю династии, и вскоре стала соперничать с самой Францией. Анжу принадлежал другому королевскому дяде, герцогу Людовику. Прованс был отдельным графством, пока ещё не включённым в состав Французского королевства, а часть Гиени находилась под английским владычеством. Бретань была практически независимым герцогством, в то время как Нормандия также находилась под английским гнётом, и враги использовали

её как форпост для совершения опустошительных набегов на остальную Францию, вербуя для этих целей множество нормандских ренегатов. Стратегически важный порт Кале давно уже был английской крепостью и, ощетинившись несметными войсками, словно острый кинжал, целил в самое сердце Франции — Париж.

Под властью мальчишки-короля, окружённого врагами и завистниками, формально находилось около десятка миллионов подданных. Все они принадлежали к трём основным сословиям или социальным классам: солдаты, священники и трудовое население, то есть, те, кто сражался, молился или работал. Самый многочисленный класс составляло трудовое население, среди которого затесались и горожане-лавочники, но подавляющее большинство были крестьянами или вилланами, возделывающими земли в имениях своих сеньоровгосподин. В обмен на защиту в случае войны и скудный земельный надел они пахали, сеяли и жали на полях своего господина, заготавливали дрова для его очага и отдавали ему определённую долю своего скота и урожая. С рождения привязанные к земле, они говорили на местных диалектах и блюли собственные провинциальные традиции и обычаи, без малейшего

намёка на национальную идентичность.

ФРАНЦИЯ В 1380-М

Король Карл VI, коронованный в 1380 году, одиннадцати лет от роду, унаследовал обширные

феодальные владения, многие из которых были либо под властью его могущественных родственников, либо оккупированы вражескими войсками.

Как крестьянин служил своему господину, так и его сеньор также подчинялся своему сюзерену. Мелкий дворянин мог быть просто рыцарем, имеющим во владении одно или пару поместий, зато более знатные, носящие титулы герцогов или графов, были наделены в обмен на верную службу обширными феодальными наделами. Вассал{1} — тот, кто подчиняется своему господину в соответствии с данной ему клятвой верности и уважения (оммажем). Для этого вассал становился на колени и, держась за руки своего сеньора, произносил: «Монсеньор, отныне я — Ваш подданный». Затем он вставал и получал поцелуй в губы, обещая служить своему господину до самой смерти. Подобные ритуалы скрепляли взаимные союзы, цементируя общество.

Пожизненная связь между вассалом и сюзереном базировалась в основном на земельных владениях. Ибо феодальный закон гласил: «Нет сеньора без земли; нет и земли без сеньора».

{1} Комментарии: 1

Слово «почтение»(«homage») происходит от французского «homme» («человек»), «верность» от фр.слова «fealte»(«вера»).

Земля приносила жизненно важный урожай, а также ренту, как в виде звонкой монеты, так и натурой, наряду с воинами для рыцарских отрядов. Таким образом, земля была главным источником богатства, власти и престижа феодальной знати и величайшей ценностью, передаваемой по наследству. Самые ценные и лакомые куски этих земель так же становились причиной многочисленных распрей и смертельной вражды.

Нигде люди не дрались за земли столь же ожесточённо, как в Нормандии, этом кровавом перекрёстке завоевательных походов ещё со времён античности. Кельты бились здесь с римлянами, римляне — с франками, франки — с викингами, и, вот, наконец, столкнулись лбами французы и англичане в период Столетней войны. Викинги, или «норды», «норманны», в конце концов осели там, захватили франкские земли и местных женщин и превратились во франкоговорящих нормандцев. Герцоги Нормандские, чей род ведёт начало с 911-го года, стали вассалами французских королей.

В 1066-ом герцог Нормандский Вильгельм с армией рыцарей пересёк Ла-Манш и, разбив короля Гарольда в битве при Гастингсе, провозгласил себя королём Англии, войдя в историю

как Вильгельм Завоеватель. Став английским королём, герцог Нормандский теперь мог на равных соперничать с королём Франции. На протяжении следующих полутора веков Нормандия, с её процветающими городами и богатыми монастырями, оставалась под властью английской короны.

В начале 1200-х король Франции отвоевал бóльшую часть Нормандии у англичан в результате продолжительной войны. Но нормандская кровь в жилах английских королей всё ещё бурлила мечтами о Нормандии, и многие представители знатных нормандских семейств, отказывавшиеся признавать себя французами, с надеждой поглядывали на Англию и держали нос по ветру.

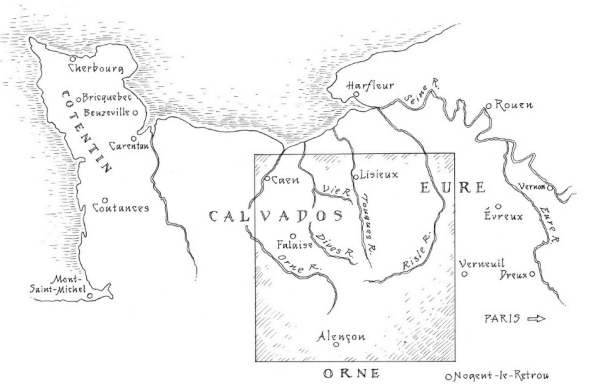
Когда разразилась Столетняя война и англичане стали отвоёвывать Нормандию, многие нормандские дворяне предали французского короля, вступив в союз с английскими захватчиками.

Среди верных нормандцев, присягнувших в 1380-ом году на верность молодому королю Карлу, был старинный дворянский дом Карружей. Сир Жан де Карруж III, который на тот момент разменял уже седьмой десяток, достиг совер-

шеннолетия в самом начале Столетней войны и участвовал во многих кампаниях против англичан. Рыцарь был вассалом графа Першского, который назначил его военным капитаном Беллема, стратегически важной крепости. Также он являлся виконтом Беллемским, местным королевским представителем — эквивалентом английского наместника или шерифа. В 1364 году он помогал собирать деньги для выкупа короля Иоанна. Почтенный рыцарь был женат на Николь де Бушар, знатной придворной даме, от которой имел как минимум троих детей. Родовым гнездом семейства был городок-крепость Карруж, что располагался на вершине холма в пятнадцати милях к северо-западу от Алансона.

По легенде, род Карружей был основан на крови и насилии. Рассказывали, что их далёкий предок граф Ральф влюбился в колдунью и назначал ей свидания на лесной поляне у источника, пока однажды ночью влюблённых не подкараулила ревнивая жена графа с кинжалом в руке. На следующее утро графа нашли в лесу с перерезанным горлом. Графиня избежала подозрений, несмотря на кроваво-красное пятно на лице. Вскоре после этого она родила сына Карла, у которого на лице проявилась та же странная кровавая отметина,

едва ему исполнилось восемь лет, за что он и получил прозвище Карл Ле Руж. В течение семи поколений все отпрыски семьи носили эту кровавую метку, пока проклятие колдуньи не ослабело. Имя Карл Ле Руж в итоге трансформировалось в «Карруж», по крайне мере, так гласит легенда. Красный цвет также фигурировал в их фамильном гербе: пурпурное поле, усыпанное серебряными лилиями.


Cherbourg
Briquebec
Beuzeville
COTENTIN
Carentan
Coutances
Mont-Saint-Michel
Harfleur
Seine R.
Rouen
Caen
Lisieux
Vire R.
Touques R.
EURE
Vernon
Évreux
Eure R.
CALVADOS
Falaise
Dives R.
Orne R.
Risle R.
Verneuil
Dreux
PARIS
Alençon
ORNE
Nogent-le-Rotrou

Caen
Crèvecœur-en-Auge
Lisieux
Caponnesuil
Fontaine-le-Sorel
Vire R.
Saint-Pierre-sur-Dives
Livarot
Touques R.
Falaise
Dives R.
Trun
Orne R.
Argentan
Risle R.
Exmes
Aunou-le-Faucon
Sées
La Ferté-Macé
PARIS
Carrouges
Alençon
Bellême
Leagues
0 1 2 3 4 5 6 7
Miles
0 5 10 15 20

НОРМАНДИЯ В 1380-М ГОДУ

Семейство Карруж, вассалы графов Першских и Алансонских, владело землями в частях Нормандии, ныне известных как Кальвадос и Орн. Показанные здесь дороги существовали в средневековье.

Кровавая родословная Карружей, возможно, не более чем народное предание, но этот род подарил миру немало свирепых воинов. Одним из первых Карружей был сир Робер де Виллер, воевавший под знамёнами короля Филиппа II в начале 1200-х за возвращение Нормандии французской короне. В 1287-ом один из его потомков, Ричард де Карруж, выступал в качестве поручителя на судебном поединке, дав клятву сражаться вместо своего доверителя, если тот не явится на битву.

Старший сын Жана III, Жан IV, был прирождённым воякой. Его воинственный лик некогда смотрел со стен аббатства Сен-Этьен в Кане. Фреска изображала его стоящим в полном рыцарском облачении, с копьём в одной руке и обнажённым мечом — в другой, рядом со своим боевым конём. Но этот образ давно уже канул в лету, а вместе с ним и резкие воинственные черты, унаследованные от свирепых северян. Воспитанный в седле

Жан младший, вероятно, получил поверхностное образование, ибо сохранившееся документы заверены лишь его печатью, но не подписью. В 1380-м он получил звание сквайра{2}. Это был отнюдь не «галантный юноша», образ которого сразу приходит на ум при упоминании данного термина, а закалённый в боях ветеран, в сорок лет уже «матёрый вояка, истинный рыцарь по духу, но, увы, не по титулу». Вероятно, он был суровым, амбициозным, а то и жестоким человеком, подверженным вспышкам неконтролируемого гнева ко всякому, кто вставал на его пути, и явно не из тех, кто забывает старые обиды.

К 1380 году Жан уже возглавлял отряд собственных сквайров, насчитывающий от четырёх до девяти человек, во время кампаний по освобождению Нормандии от англичан. На войне он старался прославить своё имя и обогатиться, захватывая многочисленные трофеи и пленных с целью дальнейшего выкупа, что в четырнадцатом веке было довольно прибыльным делом. Возможно, он пытался заслужить рыцарское звание, которое удвоило бы его доход от кам-

{2} Комментарии: 2

Существовало три основных ранга дворянства: барон (пэр), рыцарь (шевалье), и сквайр или эсквайр. Графы Першские принадлежали к первому рангу, Жан III — ко второму, а его сын Жан IV — к третьему.

пании. Родовое поместье Карружей приносило около 400-500 ливров ренты в год, в то время как дневное жалованье рыцаря в военном походе составляло один ливр, сквайр же получал вдвое меньше.

В двадцать один год Жан получил часть наследства и свою долю земель, приносящих ренту. После смерти отца ему причиталась оставшаяся часть, за исключением малой доли наследства, отписанного его младшему брату Роберу и сестре Жанне. Робер, как и все младшие знатные отпрыски, мог надеяться лишь на малую часть наследства, а потому решил стать священником. Жанна вышла замуж за рыцаря, получив в качестве приданого часть отцовских земель. Их мать Николь владела собственными землями, которые сохранялись за ней вместе с рентой в случае, если супруг умрёт раньше. Но все прочие земли перейдут Жану, как продолжателю рода Карруж, а тот, в свою очередь, завещает их своему наследнику.

Самым лакомым куском наследства был фамильный замок и прилегающие к городку Карруж земли. Городишко на вершине холма возвышался над широкой равниной плодородных полей, простиравшихся на северо-восток в сторону Аржантана. Замок в Карруже был основан в 1032

году Робером I, герцогом Нормандским, отцом Вильгельма Завоевателя, и неоднократно подвергался осаде. Расположенный на перекрёстке важных дорог и на пути паломников к святыне в Мон-Сен-Мишель, Карруж был процветающим центром местных ежегодных ярмарок.

К 1380-му году семейство Карружей покинуло городской замок, атакованный и сожжённый англичанами, и поселилось в близлежащем форте. Это строение было воздвигнуто около 1367 года по приказу короля Карла V, дабы усилить оборону Нормандии против англичан — ещё одно доказательство того, что семья верна короне. Внушительный донжон, оставшийся от старого замка, и по сию пору высится на холме, как часть элегантного замка де Карруж, большинство построек которого датируется гораздо более поздними сроками.

ЗАМОК ДЕ КАРРУЖ

Семья Карружей построила этот грозный донжон и использовала его для защиты своих земель от английских захватчиков. Стены высотой пятнадцать метров и трехметровой толщины у основания, к тому же башня оснащалась парапетом с отверстиями для сброса снарядов. (Фотографические архивы, Coll. M.A.P.(c) CMN,

Париж)

Старый замок возвышался над землёй более чем на пятнадцать метров, с гранитными стенами в три метра толщиной у основания. Большинство его первоначальных защитных сооружений сохранилось и поныне: сделанное под углом основание, чтобы противостоять атакам, бойницы для стрельбы по врагу и нависающий парапет с прорезями в полу, чтобы сбрасывать на головы осаждающим тяжёлые камни и лить кипяток. Верхние этажи замка включали кухню, жилые комнаты, помещения для прислуги и уборную, выходящую на стену. Водоснабжение во время осады обеспечивал внутренний колодец. В казармах по обе стороны крепости размещалась прислуга и военный гарнизон. Сама крепость состояла из двух примыкающих друг к другу квадратных башен, а в их массивных подвальных стенах бойницы и дверные проёмы располагались столь хитроумно, что позволяли отступать из большого помещения в малое, простреливая освобождённое пространство. Суровая военная архитектура — немое, но веское свидетельство того, в каких тяжёлых условиях приходилось жить феодальному дворянству тех времён, когда в Нормандии бесчинствовали вражеские войска,

наряду с опустошающими деревни разбойничьими шайками.

Помимо замка и земель Жан Карруж также рассчитывал унаследовать от отца вожделенный чин капитана Беллема, а возможно, и титул виконта. Беллем — крепость, основанная в одиннадцатом веке на вершине холма, в сорока милях к востоку от Карружа, была под властью англичан до 1229 года, когда она была отбита французами в результате длительной зимней осады. Французский король пожаловал Беллем графам Першским, которые могли по своему усмотрению назначать капитана этого ключевого форта.

В ожидании остальной части наследства Жан увеличил своё состояние благодаря выгодному браку. Его невеста Жанна де Тилли была дочерью богатого сеньора Шамбуа, владеющего гигантской квадратной крепостью со стенами толщиной три и высотой тридцать метров. В качестве приданого Жанна принесла часть денег и земель своего отца, обогатив Жана и укрепив его связи в среде нормандской знати. И задолго до того, как Жан полностью получил наследство, Жанна подарила ему наследника — сына, родившегося, вероятно в конце 1370-х.

Жан IV и его отец преданно служили своему

сюзерену, графу Роберу Першскому, унаследовавшему титул в 1367 году. Граф, четвёртый сын Карла Валуа, был членом французской королевской семьи, двоюродным братом нескольких королей. Он держал двор в Ножан-Ле-Ротру, городе-крепости примерно в десяти милях к юго-востоку от Беллема, древней столице графства Перш. Робер стал графом Першским в возрасте чуть более двадцати лет, и старый и молодой Карружи преклонили колени перед сеньором, который был гораздо моложе их, и принесли ему присягу (оммаж), произнеся: «Монсеньор, отныне я — Ваш подданный», скрепив клятву верности поцелуем в губы. В течение последующих десяти лет они посещали двор сюзерена, выплачивали ежегодную ренту, претворяли в жизнь его указы и участвовали в сражениях с англичанами по первому зову своего сеньора.

Однако в 1377 году граф Робер внезапно скончался в возрасте тридцати трех лет, не оставив наследника. По феодальным законам контроль над землями и замками Робера Першского переходил к его сюзерену, королю Карлу V. По обычаю, король передал Перш старшему брату Робера, графу Пьеру Алансонскому. Так в одночасье Жан и его отец приобрели нового сюзерена, которому

они отныне должны были присягать на верность и выказывать всяческое почтение, отдав в его руки свою жизнь и судьбу.

Граф Пьер Алансонский был одним из самых богатых и могущественных баронов Франции. Третий сын Карла Валуа, Пьер также приходился двоюродным братом нескольким королям. В 1363 году, в двадцать с небольшим лет, его отправили во Францию вместе с другими молодыми дворянами в качестве заложников, дабы обеспечить выплату выкупа за короля Иоанна. Затем, прожив в Англии более года, после смерти Иоанна Пьер вернулся во Францию.

Как третий сын, Пьер имел мало шансов унаследовать графский титул своего отца. Но вскоре после возвращения из Англии колесо фортуны сделало неожиданный оборот, вознеся его к богатству и славе, поскольку оба его старших брата пошли по церковной стезе и быстро преуспели, став архиепископами, но вынуждены были отказаться от унаследованных титулов и земель. В 1367 году, когда ему было всего двадцать семь лет, Пьер стал графом Алансонским, владельцем обширного домена. В 1371-м он удвоил свои богатства, женившись на Мари Шамайяр, виконтессе, принёсшей ему с приданым пять феодальных

вотчин. Владения и богатства графа прирастали год от года за счёт выплачиваемой ему ренты. Когда в 1377--м умер его брат, Пьер получил ещё и Перш, вместе с крепостями в Беллеме и Эксме.

Но огромные богатства Пьера не могли утолить его жажду наживы, и он замахнулся на большее. Главным его приобретением был Аржантан, укреплённый город в двадцати пяти милях к северу от Алансона. Красивый город и стратегически важная точка, Аржантан был любимой резиденцией короля Генриха II, когда Нормандия была ещё под английским владычеством. Граф желал заполучить его любой ценой, и в 1372 году купил город, замок и прилегающие к ним земли за шесть тысяч ливров золотом.

Пьер немедленно перестроил старый дворец в Аржантане и переехал туда вместе со своим двором из Алансона. Дворец представлял собой довольно внушительное четырёхэтажное строение с романскими окнами и тремя квадратными башнями, увенчанными остроугольными крышами, он сохранился и до наших дней. На втором этаже располагается большой зал, где граф проводил судебные заседания, расположившись в кресле с витиеватой резьбой на фоне украшенных дорогими гобеленами стен. Там он отдавал

распоряжения, выносил приговоры и принимал посетителей. В полдень в зале устанавливали столы, и граф обедал там в окружении рыцарей, сквайров, церковных клириков и гостей. Здесь, по слухам, он предавался оргиям со своими любовницами, в числе которых была и Жанна де Могастель, жена одного из вассалов, от которой он прижил внебрачного сына. Помимо этого граф Пьер исправно исполнял свои супружеские обязанности, жена Мари родила ему восемь детей за первые четырнадцать лет брака.

Не подумайте, что граф помышлял лишь о том, как бы расширить свои земли да поразвлечься с любовницей, обрюхатив её очередным бастардом. Как королевский кузен и принц крови, граф Пьер был одним из самых доверенных вассалов французского короля в Нормандии и поклялся вместе с другими рыцарями постоянно стоять на страже этих земель. Он участвовал во многих королевских военных кампаниях, был тяжело ранен во время одной осады и некоторое время служил королевским лейтенантом в Нижней Нормандии — провинции, расположенной к западу от Сены.

Недавно присягнувшие графу Пьеру Жан IV и его отец частенько наведывались в Аржан-

тан, чтобы проведать своего сюзерена, принять участие в заседаниях сеньориального суда и ответить на военный призыв во время очередной кампании. Свободное от светских мероприятий и военных походов время Жан III проводил в основном в Беллеме, где ему, как капитану крепости, приходилось поддерживать её обороноспособность и следить за обеспечением гарнизона, насчитывавшего несколько десятков солдат. По этой причине рыцарь сделал Беллем своей главной резиденцией и поселился там с женой Николь.

Наследник, проживающий со своей супругой Жанной, маленьким сыном и собственной свитой в родовом поместье Карружей, проводил при дворе в Аржантане больше времени, чем его отец. Карруж был гораздо ближе к Аржантану, нежели Беллем, чуть больше двенадцати миль против почти сорока, около двух часов езды в седле по сравнению с целым днём пути. К тому же Жан занимал должность камергера графа Пьера, которую ему предоставили вскоре после поступления на службу к сюзерену в 1377 году.

Изначально камергер имел право встречаться наедине со своим господином, что означало высшую степень доверия. Но со временем это

превратилось в чистую формальность. Тем не менее, будучи придворным рыцарем, вассал мог быть призван ко двору своего сюзерена по особому поручению или в связи с важным событием. За свою камергерскую службу ежегодно Жан получал небольшое жалованье, а также право принадлежать, хотя бы номинально, к ближнему кругу придворных и советников графа Пьера.

Среди камергеров, коллег Жана при Аржантанском дворе графа Пьера, числился также Жак Ле Гри. Он был примерно того же возраста, что и Карруж, они дружили. Их дружба началась ещё на службе у графа Першского, потому что Ле Гри до 1377 года также был вассалом графа Робера. После смерти Робера все его земли и подданные перешли к графу Пьеру. Итак, оба сквайра прибыли в Аржантан, став новыми вассалами графа Пьера, и оба из кожи вон лезли, стараясь доказать ему свою преданность.

Несмотря на высокое положение, семья Ле Гри была не столь родовита и не могла похвастать такой выдающейся родословной, как у Карружей. Первое упоминание о них датируется 1325 годом, когда в хартииуставе встречается имя Гийома Ле Гри, отца Жака. Но в течение последующих пятидесяти лет эта семейка проницательных

и амбициозных карьеристов стремительно богатела, неуклонно расширяя свои владения и поднимаясь в рядах местной знати. Герб Ле Гри был в тех же цветах, что и у Карружей, только наоборот — серебряное поле, пересечённое пурпурной полосой{3}.

Жак Ле Гри был довольно крупным и сильным мужчиной, известным своей железной хваткой. Сквайр и наместник, он был капитаном главной крепости в Эксме с 1370 года. Ле Гри, в отличие от своего друга и брата по оружию, слыл образованным человеком и имел младший церковный чин, а это означало, что он умел читать и мог прислуживать при проведении мессы, хоть и не принимал обета безбрачия. Ле Гри был женат и имел нескольких сыновей. Предполагаю, он считался сердцеедом, что было не такой уж редкостью среди сквайров и клириков при дворе любвеобильного графа Пьера.

Дружба Жака Ле Гри и Жана де Карружа длилась уже не первый год. К моменту поступления на службу к графу Пьеру между ними установились теплые, доверительные отношения. Когда жена

{3} Комментарии: 3

Оба герба явно намекают цветом поля (фона) на фамилии своих владельцев: красный (rouge) у Карружа и серебристый или серый (gris) у Ле Гри.

де Карружа Жанна родила сына, Жан попросил Жака стать крёстным отцом. В средние века это было большой честью, особенно среди знати, для которой крёстный отец становился практически членом семьи. На крестинах, с которыми тогда не затягивали, чтобы охранить хрупкую младенческую душу, Жак держал ребёнка на руках у крестильной купели. Когда священник окунал младенца в святую воду, Ле Гри поклялся беречь крёстного сына от козней дьявола и защищать его в течение семи лет «от воды, огня, лошадиных копыт и собачьих клыков».

Если при графе Робере Жак Ле Гри процветал, то при Пьере его доходы просто взлетели. Как и его старый друг Карруж, Ле Гри вскоре после поступления на службу был назначен одним из графских камергеров. Но богатый сквайр был столь незаменим, что в какой-то момент даже одолжил графу Пьеру почти три тысячи франков, снискав особое расположение благодарного сюзерена.

В 1378 году, спустя год после того, как оба сквайра присоединились к его двору, граф Пьер сделал Ле Гри довольно ценный подарок — поместье Ону-ле-Фокон, недавно приобретённое сюзереном. Подарок с лихвой компенсировал Ле Гри

его преданную службу и недавний довольно крупный кредит. Поскольку подарок последовал сразу же за выданным кредитом, можно предположить, что деньги Ле Гри понадобились графу Пьеру для покупки Ону-ле-Фокон. Получается, Жак профинансировал сделку своего сюзерена.

Столь показательный знак внимания неизбежно вызвал ревность и зависть других придворных в Аржантане, соперничающих за графскую милость. Должно быть, этим был весьма недоволен и старый друг Жака, Жан де Карруж. Род Жана был гораздо древнее и знатнее, чем у Жака, но звезда Ле Гри сияла при дворе графа Пьера намного ярче остальных. Оба были камергерами, с той лишь разницей, что Ле Гри был капитаном форта в Эксме. Будучи графским протеже, Ле Гри довольно часто посещал королевский двор в Париже, и, как новый фаворит графа, богател день ото дня. Несмотря на продолжительную дружбу двух сквайров, успех и процветание Ле Гри раздражали Жана де Карружа, и их отношения начали портиться.

В конце 1370-х, вскоре после того, как оба сквайра поступили на службу к графу Пьеру и присоединились к его двору в Аржантане, Жан де Карруж понёс тяжёлую утрату: его жена Жанна

заболела и умерла. Но беда не приходит одна: родившийся у супружеской четы несколькими годами ранее сын, крестник Ле Гри, отправился вслед за матерью. Вот так одним махом Жан потерял жену и единственного наследника.

Причиной этой двойной трагедии в семье Жана могла стать любая из многочисленных болезней, с завидной регулярностью опустошавших средневековую Европу: чума, тиф, холера, оспа и дизентерия, от которых тогда ещё не было лекарств. Возможно, Жанна умерла во время родов, что было довольно частой причиной смерти у женщин Средневековья, которым приходилось рожать в антисанитарных условиях без должного медицинского ухода. В итоге множество женщин просто умирало от полученной при родах инфекции.

Вскоре после смерти родных Жан де Карруж покинул дом, бросившись в горнило очередной войны. В 1379 году смертельно больной Карл V решил очистить Нормандию от англичан, прежде чем оставить королевство своему десятилетнему сыну. Он собрал армию под командованием Жана де Вьена, легендарного адмирала Франции. Жан де Карруж присоединился к королевской кампании осенью 1379 года, поступив с собственным

отрядом сквайров в распоряжение адмирала де Вьена в Нижней Нормандии. Каждый мужчина, подобно Жану, должен был прибыть со своими доспехами, слугами и лошадьми, получая за это ежедневное жалованье в пол-ливра.

Кампания длилась почти пять месяцев и охватила весь полуостров Котантен, который активно грабили англичане из своей крепости в Шербурге. Многочисленные военные манёвры и сборы с конца октября 1379-го по март 1380-го показывают, что Жан и его войско довольно неровно продвигались через Котантен, по диагонали — до Бозевиля на северо-востоке, потом на юг до Карентана, а затем на северо-запад до Брикебека, что неподалёку от Шербурга, и наконец, на юг до Кутанса, примерно на середине пути от Шербурга до Сен-Мишеля. Отряд Карружа вырос с четырёх сквайров в октябре до девяти в январе месяце, затем снова сократился в марте, вероятно, из-за военных потерь.

Несмотря на риск умереть в любую минуту, Жану, похоже, нравилось воевать. Котантенская кампания вырвала овдовевшего сквайра из его одинокой жизни в Карруже и бросила в волнительный водоворот жарких баталий и приключений со своими братьями по оружию,

людьми из собственной свиты и прочими воякаами, которых он, должно быть, хорошо знал.

Но поскольку Карруж неоднократно рисковал жизнью, воюя с англичанами, и даже потерял близких ему людей, он знал, что подвергает опасности весь свой род, который может на нём же и пресечься. Если его убьют, то и его фамилия умрёт вместе с ним, и земли больше не будут принадлежать роду Карружей. Если он выживет, ему придётся как можно быстрее снова жениться, и желательно удачно. Его братья были священниками и не оставили законных наследников, а сестра, выйдя замуж, более не была носительницей фамилии. Именно от Жана зависело, продолжится ли род Карружей.

По мере продвижения Жана по Котантену ему приходилось останавливаться между сражениями в городах и замках Безвиля, Карентана и Кутанса, где он высматривал подходящих молодых дворянок. Будучи случайным гостем в Большом зале местного сеньора или капитана крепости, сквайр имел возможность познакомиться за столом с молодыми девушками из нормандской знати, рассматривая их как претенденток на роль будущей супруги.

За улыбками и комплиментами скрывался

холодный расчёт, связанный не с любовью или романтикой, а с землями, деньгами, властью, семейными союзами и рождением наследников. Идеальной невестой для сквайра была бы девушка знатного происхождения, с богатым приданым, которое увеличило бы его земли и доходы. Помимо этого, она должна быть молодой и плодовитой, чтобы нарожать здоровых сыновей, хотя с девственницей не могло быть уверенности в этом. К тому же она должна быть добродетельной и целомудренной, чтобы не оставалось сомнений в законности наследников. Не помешает, если эта девушка вдобавок ко всему будет ещё и красива.

2

РАЗЛАД

В 1380 году на французский трон взошёл новый король, а матримониальные планы Жана де Карружа наконец-то увенчались успехом. Вскоре после возвращения с Котантенской кампании овдовевший сквайр женился на девушке по имени Маргарита. Единственная дочь, потомок древнего нормандского рода, Маргарита до этого не была замужем, и возможно, на момент помолвки была ещё подростком. Молодая, знатная, богатая, к тому же очень красивая, она казалась идеальной невестой для дворянина, стремящегося продолжить свой род и обеспечить его процветание. Как единственная наследница своего отца, Маргарита принесла мужу щедрое приданое, а со временем ей предстояло унаследовать ещё больше.

Судя по всему, Маргарита была утончённой юной особой. «Молода, красива, умна, добра, скромна...» — такими терминами награждает её один из современников в своих воспоминаниях.

Последний термин подразумевает, что девушка не была жеманницей или кокеткой. Другой описывает её как «очень красивую и сильную духом женщину». Лишь одно описание, составленное монахом-женоненавистником, ставит под сомнение её внешние данные и характер. Сам Жан де Карруж впоследствии заявлял в суде, что его вторая супруга была «молода и красива», а также «добродетельна и целомудренна», впрочем, его мнение предвзято, и вряд ли стоит принимать его в расчёт.

Портрет Маргариты некогда украшал стену монастыря в Кане, рядом с изображением её мужа в полном рыцарском облачении, но время стёрло её черты, и ни одного достоверного описания её внешности, увы, не сохранилось. Однако мы вполне можем составить предтавление о канонах женской красоты того времени благодаря писателям и художникам. У идеальной француженки-северянки были светлые волосы, ослепительно белый лоб, изогнутые брови, серо-голубые глаза, тонкий нос, маленькие, пухлые и алые губы, лёгкое дыхание и ямочка на подбородке. Помимо этого, у неё должна быть длинная тонкая шея, белоснежная грудь и «стройный, гибкий стан». Она должна носить длинное льняное

платье, как правило белое, а для торжественных случаев цветное. Многие дворянки носили украшения: брошь или ожерелье, возможно, золотое кольцо с драгоценными камнями.

Как хозяйка замка, Маргарита должна была вести хозяйство и помогать мужу в управлении поместьем. Хотя, вероятно, она была ещё в нежном возрасте и брала на себя бремя правления замком лишь на время отлучек Жана по делам при дворе или в периоды военных кампаний, нацепив на поясок своего длинного прямого платья огромную связку ключей от многочисленных подвалов, сундуков и кладовых. В её обязанности входило отдавать приказы слугам, приглядывать за детьми, заботиться о прибывших гостях и сидеть во главе стола во время трапез в Большом зале. Возможно, с глазу на глаз она обсуждала с мужем его карьеру при дворе, поскольку имела там некоторое влияние, благодаря высокопоставленным друзьям и родственникам.

Маргарита должна была вести себя, как подобает истиной даме, то есть безупречно. Быть вежливой, набожной, заниматься благотворительностью (как говорится, «положение обязывает»), скромной, а главное, преданной своему мужу. Голубая кровь требовала, чтобы в жизни

образцовой аристократки был один единственный мужчина — её муж, дабы в древние фамилии не затесались всякие бастарды сомнительного происхождения. Какие бы вольности ни позволяли себе мужья с селянками или городскими шлюхами, от собственных жён они требовали исключительного целомудрия.

Женившись на девушке, воспитанной в строгих правилах, сочетающей красоту и добродетель, Жан де Карруж надеялся, что Маргарита станет ему верной женой и нарожает законных наследников. Маргарита была гораздо моложе Жана, и сквайру, видимо, неоднократно приходилось слышать старинную поговорку: «Старый конь глубоко не пашет». Тем не менее, дворяне почтенного возраста частенько находили себе жён намного моложе, ведь молодость подразумевала плодовитость и считалась залогом рождения здоровых наследников.

У Маргариты был лишь один существенный недостаток, который поначалу мог вызвать у Жана сомнения относительно их брачного союза. Она была дочерью печально известного Робера де Тибувиля, нормандского рыцаря, дважды предававшего французских государей. Факт двойной измены сира Робера случился задолго

до рождения Маргариты в начале 1360-х, но его предательство бросало тень на всю семью, и девушка выросла с клеймом «дочери предателя».

Род Тибувилей был древнее Карружей, их родовой замок по сию пору украшает нормандский пейзаж. Семья Маргариты происходила из Эра, области с влажным климатом и плодородными землями к югу от того места, где Сена, огибая Вернон и Лез-Андели, стремится к морю. Замок её отца, Фонтейн-Ле-Сорель, располагался в живописной долине, пойме реки Риль, рядом со старым Римским трактом, ведущим на запад из Эврё в Лизьё.

Родом из этих мест был и первый Робер де Тибувиль, чей сын сражался под знамёнами Вильгельма Завоевателя в битве при Гастингсе. В 1200 году Робер де Тибувиль II выступал поручителем или вторым секундантом в некоей судебной дуэли. Примерно в это же время и был создан фамильный герб Тибувилей: серебряное поле, разделённое надвое по горизонтали синей полосой, на каждой стороне по три красных горностая — геральдических символа, напоминающих перевернутый цветок лилии.

Отец Маргариты Робер де Тибувиль V практически полностью лишился богатств, столь кро-

потливо собираемых его родом на протяжении трёх столетий, когда в 1340-х годах присоединился к нормандским мятежникам, восставшим против короля Филиппа VI. Попав в плен в бою, он предстал перед королём и его советниками на суде по обвинению в измене. Робер едва избежал смерти и провёл в тюрьме три позорных года. Несмотря на это десять лет спустя, он вновь изменил клятве, на сей раз королю Иоанну, встав на сторону короля Наварры Карла Злого, претендовавшего на французский престол. Но Роберу вновь удалось обмануть смерть, и в 1360-м он был помилован в числе более трёх сотен нормандских мятежников.

Вскоре Робер вернул утраченное. К 1370 году он стал военным капитаном Вернона, стратегически важной крепости на берегу Сены, с огромной круглой башней в двадцать два метра высотой, примерно в тридцати милях к югу от Руана. В том же году Робер женился на Мари де Клер. Получается, что к тому времени первая его жена умерла, и Маргарита в возрасте восьми-десяти лет осталась без матери.

Маргарита родилась после того, как закончилось тюремное заключение отца, но потеря матери и жизнь в доме, управляемом мачехой,

по всей видимости наложили на неё свой отпечаток. К тому же второй брак отца уменьшал её наследство, ведь мачеха Мари тоже имела право на часть имущества Тибувиля. Однако, будучи единственным ребёнком в семье, Маргарита была довольно лакомым кусочком, суля своему избраннику богатое приданое.

Жан де Карруж, скорее всего, познакомился с Маргаритой через её кузена Гийома де Тибувиля, бывшего тогда правителем Кревекёр-ан-Ожа, важного форта в нескольких милях к северу от Капомесниля, одного из фамильных владений Карружей. Богатство Маргариты, вероятно, сильно привлекало Жана, быть может, даже сильнее, чем её красота и благородное происхождение. И всё же поначалу Жан, возможно, тянул с обручением из-за сомнительной репутации семьи Маргариты. У него были опасения, что это поставит под угрозу его положение при дворе нового сюзерена, графа Пьера, где он числился всего три года. Оказавшись во время войны заложником и как двоюродный брат короля, Пьер, разумеется, люто ненавидел всех нормандских мятежников. И, вероятно, он задавался вопросом, почему Жан де Карруж, его личный камергер и приближенный вассал, выбрал себе в жёны одну из

Тибувилей, рода дважды предававшего королей Франции и присягнувшего их врагам.

Но Тибувиль был одним из заложников, сопровождавших Пьера в Англии. Да и сам Пьер недавно приобрёл у отца Маргариты имение Ону-ле-, позднее подаренное им Жаку Ле Гри. Возможно, жажда приобрести эти желанные земли, граничащие с его владениями, оказалась сильнее ненависти к старому врагу. Или, может быть, он глубоко уважал королевское милосердие, проявленное к сиру Роберу двадцать лет назад, если к тому же того требовала столь выгодная сделка. Во всяком случае, не сохранилось никаких свидетельств, что граф Пьер возражал против женитьбы своего вассала.

Жан и Маргарита сыграли свадьбу весной 1380-го. Вероятно, церемония проходила в церкви Святой Маргариты Карружской, всего в двух милях от замка Жана, носящей то же имя, что и невеста. Святая Маргарита жила в Антиохии в третьем веке и помимо красоты отличалась редкостным благочестием, сохраняя целомудрие перед лицом домогательств и угроз со стороны грозного эпарха. И когда в тюрьме к ней явился Дьявол в образе дракона и проглотил её, она рассекла его чрево крестным знамением. Также она

слыла покровительницей рожениц и способствовала плодородию.

Церковь Святой Маргариты была выстроена в форме латинского креста с закруглёнными романскими окнами и квадратным нормандским шпилем. Здесь Жан и Маргарита стояли перед алтарём при свете сальных свечей в благоухающем облаке ладана, соединив правые руки под взглядами многочисленных родственников и друзей. Священник, держа в руках молитвенник, трижды осенил новобрачных крестным знамением, произнося слова, освящающие их союз: «Ego conjungo vos in matrimonium, in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen».»{4} За мессой последовало более мирское мероприятие — пир в Большом зале замка жениха. Менестрели, танцы, многочисленные гости, вино рекой, а по завершении горничные наконец-то оставили Маргариту одну, приготовив её к брачной ночи, и священник лично освятил свадебное ложе, чтобы обеспечить молодой семье плодовитость.

{4} Комментарии: 4

«Я соединяю вас святыми узами брака, во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь!»

ПИР С МУЗЫКАНТАМИ.

Свадьбы в благородных семьях, как правило, отмечались большим пиром. МС. Харли 1527, фол.368 с36. Печатается с разрешения Британской библиотеки.

Венчанию и свадебным торжествам предшествовала ещё одна важная церемония. Таковой являлся гражданский брак, который традиционно заключался заранее, перед венчанием, вне церковных стен, на паперти, откуда партнёры

публично объявляли о своём согласии, обменивались кольцами и поцелуями, передавая друг другу свои земли и богатства. Акт дарения, или «дотация», гарантировал Жану и Маргарите право наследования в случае смерти одного из супругов, скрепляя тем самым соглашение, достигнутое во время помолвки. Владетельные дворяне решали мирские дела по обмену землями и богатствами вне Церкви, это была предтеча, во всех смыслах, благословенного союза, освященного пред алтарём в божьем храме.

Несмотря на восторги Жана от женитьбы на юной, красивой и богатой Маргарите, его настроение в день свадьбы, возможно, было омрачено условиями брачного контракта, подписанного на церковной паперти. Каким бы заманчивым ни было приданое невесты, в нём недоставало важного клочка земли, который так жаждал заполучить Жан. Это было поместье Ону-ле-Фокон, которое отец Маргариты в 1377 году продал графу Пьеру Алансонскому, а тот, в свою очередь, подарил его год спустя Жаку Ле-Гри. Сделка принесла отцу Маргариты более восьми тысяч ливров и, возможно, увеличила приданое Маргариты, но сам факт потери земель, будущей ренты и права наследования возмутил сквайра.

Двумя годами ранее Жан де Карруж признал, что столь щедрый подарок Пьера, как Ону-ле-Фокон, явственно говорит о предпочтениях графа и причисляет Ле Гри к придворным фаворитам. Но тогда Жан и подумать не мог, что Ле Гри осчастливили за его счёт. Лишь когда он решил жениться на Маргарите и возник вопрос о её приданом, до Жана дошло, что Ону-ле-Фокон упорхнуло от него прямиком в руки соперника.

Когда Жан понял, что мог бы сам наложить лапу на поместье, как на приданое своей супруги, он тут же перешёл от слов к делу. Он затеял судебный процесс по взысканию земель и оспорил законность продажи Ону-ле-Фокона, хотя Ле Гри уже некоторое время был владельцем поместья. К маю 1380 года яростная борьба за этот клочок земли приобрела такую огласку, что достигла ушей французского короля.

Весной 1380-го Карлу V оставалось жить всего несколько месяцев, вскоре он оставит свою раздираемую войнами и отягощённую непосильными налогами страну несовершеннолетнему сыну. Изнурённый бесконечной войной с Англией, огромным неоплаченным выкупом за отца, народными бунтами против поборов и прочими напастями, свалившимися на его голову, Карл

получил петицию от графа Пьера с просьбой гарантировать дарение земель одному из его вассалов. Граф, со своей стороны, хотел раз и навсегда прекратить этот спор за Ону-ле-Фокон, заручившись королевской санкцией на свой подарок. Получив эту просьбу от графа Пьера, своего двоюродного брата, а также одного из самых могущественных нормандских вассалов, смертельно больной и измученный король охотно согласился.

29 мая 1380 года в королевском замке Боте-сюр-Марн, недалеко от Парижа, король вручил графу Пьеру грамоту, подтверждающую дарение Ону-ле-Фокона Жаку Ле Гри. В королевской хартии уточнялось, что земля компенсировала сквайру его многочисленные заслуги перед графом, в том числе и недавний кредит в две тысячи девятьсот двадцать франков золотом (сумма, указанная в документе). Поместье было «безотзывным подарком», который граф Пьер обещал «гарантировать, защищать и отстаивать» против всех остальных - намек на иск, поданный Жаном де Карружем. Король подписал хартию, запечатал её зелёным воском и приказал зачитать вслух жителям Ону, чтобы у тех не осталось ни малейших сомнений относительно того, кто их истинный господин и

повелитель. Публичное оглашение состоялось 10 июня в приходской церкви Ону перед аудиторией из тридцати девяти человек. Жан де Карруж с треском проиграл дело. Королевская хартия отрезала его от вожделенного феода не хуже крепостной стены.

Риск женитьбы на дочери предателя оказался ничем по сравнению с тем ущербом, что нанёс себе Жан этой тяжбой за Ону-ле-Фокон. Он оскорбил и оттолкнул своего старого друга и коллегу-камергера Жака Ле Гри, так и не вернув утраченное имение. Он пошёл наперекор графу Пьеру, своему сюзерену, главному покровителю и благодетелю. Кроме того, его имя при дворе будет отныне ассоциироваться с этим неприятным процессом. Пробыв на службе у графа Пьера всего три года, Жан уже успел обрести репутацию человека крайне импульсивного и вспыльчивого, даже по нормандским меркам.

Если отношения Карружа и Ле Гри дали трещину из-за их соперничества при графском дворе, то тяжба за Ону-ле-Фокон и вовсе вбила меж ними клин. О разрыве свидетельствует тот факт, что Ле Гри, крёстный сына Жана (знак высочайшей признательности и доверия), не присутствовал на свадьбе своего старого друга и явно не примкнул

к хору поздравляющих, которые чествовали новоиспечённую супружескую чету после свадьбы. Вероятно, Ле Гри отсутствовал по делам, но возможно, его просто не пригласили на торжество. Ведь Жак Ле Гри не только пропустил свадьбу, но и с самой Маргаритой познакомился намного позже, чем остальные.

В течение последующих нескольких лет положение Жана при дворе графа Пьера сильно пошатнулось, в то время как влияние Жака Ле Гри росло с каждым днём. В августе 1381-го граф Пьер посетил королевский двор, пристроив сквайра в свою свиту. Там Ле Гри выпала честь присутствовать на высочайшем совете бок о бок с дядей короля герцогом Людовиком Анжуйским. Совет собрали, чтобы обсудить претензии алчного герцога на Неаполитанский престол, в свете очередного возглавляемого им Крестового похода, который благословил авиньонский Папа. Присутствующий на совете Жан Ле Февр, епископ Шартрский, упоминает Ле Гри в своих дневниковых записях от 23 августа, как «сквайра скромного происхождения, проникшего в высшее общество». «...монсеньор герцог Анжуйский; я, епископ Шартрский; сеньор Шатофромон; сеньор Бюля; сир Раймон Бардиль; сир Раймон

Бернар и некий Жак Ле Гри, сквайр герцога Алансонского».

Сам граф Пьер на совете не присутствовал, послав вместо себя Ле Гри в качестве своего поверенного, что свидетельствовало о высочайшем доверии, оказываемом фавориту. Ле Гри хоть и был всего лишь сквайром из худородной семьи, теперь получил доступ в круг приближённых к монаршей особе, как протеже графа Пьера. Примерно в то же время Ле Гри назначают личным сквайром короля, почётнейший пост, прекрасно отражающий ценность сквайра для графа Пьера, королевского кузена.

Что же касается Жана де Карружа, то его даже в Париж не пригласили. После свары за Ону-ле-Фокон граф Пьер не горел желанием включить в свою свиту скандального сквайра во время визита к королевскому двору. Карруж, отпрыск знатного дворянского рода с не менее знатно раздутым самомнением, должен был стоять в сторонке и наблюдать, как его старый друг Ле Гри, пусть и худородный, но более тонко чувствующий придворную политику, поднимается всё выше и выше по карьерной лестнице. Тогда как его собственное и без того шаткое положение лишь усугубляется.

В 1382-ом между Жаном де Карружем и графом Пьером вспыхнула новая, ещё более яростная ссора. В том году умер отец Жана, оставив сыну все своё состояние и освободив должность капитана Беллема, довольно престижный пост, занимаемый покойным Карружем последние двадцать лет. Жан рассчитывал унаследовать эту должность, поскольку звание капитана часто переходило от отца к сыну. Но его желаниям не суждено было сбыться. Граф Пьер, унаследовавший Беллем после смерти своего брата Робера доверил управление этим важным замком другому придворному.

Узнав, что его карьерные ожидания обмануты, Жан пришёл в ярость. И было от чего: почти одновременно от него ускользнули и принадлежавший Тибувилям Ону-ле-Фокон и занимаемая его отцом должность. Жан всё острее чувствовал себя обделённым при дележе наследства. Решение графа не просто принижало влияние и общественный статус Жана, но фактически было публичной пощёчиной. Всё это словно открыто заявляло всем придворным в Аржантане, что Жан не достоин идти по стопам отца и возложить на свои плечи ответственность за знаменитую крепость и её военный гарнизон. Ещё сильнее его

раздражало то, что Жак Ле Гри продолжительное время был капитаном другого ключевого форта — в Эксме. Поэтому, лишившись Беллема, Жан опускался на ступень ниже Ле Гри при дворе графа Пьера.

Из-за Беллема Жана де Карружа обуял такой гнев, что он вновь начал процесс против графа Пьера. Средневековье было эпохой тяжб, а нормандская знать славилась своей склонностью к сутяжничеству, да и не было ничего необычного в том, что нормандский дворянин обжаловал в суде решение своего сюзерена, как это уже делал Жан в отношении Ону-ле-Фокона. Тем не менее, повторно втянувшись в эту тяжбу Жан ступил на скользкую дорожку, которая впоследствии заведёт его ой как далеко.

Вторая попытка Карружа выиграть дело потерпела фиаско. И вновь эта тяжба ещё больше углубила пропасть между ним и графом Пьером, и это в те времена, когда вся карьера и положение вассала в обществе зиждились на расположении его сюзерена. Свара из-за Беллема напрямую не касалась Жака Ле Гри, но после спора за Ону-ле-Фокон он, несомненно, принял сторону своего покровителя и сеньора. И в результате повторной тяжбы отношения между Карружем и Ле Гри

окончательно испортились.

Вскоре за второй ссорой между Жаном де Карружем и графом Пьером последовала очередная, уже третья за столь короткий промежуток времени, окончательно разведя двух сквайров по разные стороны баррикад. Новый спор вспыхнул, когда Жан в очередной раз заявил свои права на земли и власть.

Желая отыграться за недавние неудачи и имея для этого необходимые средства (вероятно, из приданого Маргариты), Жан решил прикупить новые земли. 11 марта 1383 года он приобрёл два феода, Куиньи и Плейнвиль, у рыцаря Жана де Воложера. Оба поместья, одно возле Аржантана, другое — на севере, в местечке, известном ныне под названием Кальвадос, славились как плодородные сельскохозяйственные угодья, обещающие богатые урожаи и отличную ренту. Если желание Карружа обладать ими ещё можно объяснить, то расположение Куиньи аккурат между землями графа Пьера и Жака Ле Гри было для Жана тревожным звоночком, к которому тот не прислушался.

Вскоре сделка сорвалась. 23 марта 1383 года, спустя всего двенадцать дней после продажи, граф Пьер заявил свои законные права на оба по-

местья и потребовал, чтобы Карруж их уступил{5}. Знал ли Жан о претензиях графа на эти земли и сознательно пошёл ему наперекор? Всё может быть, учитывая скандальный характер сквайра. Напористость, превращавшая его в отважного воина и, возможно, не раз спасавшая ему жизнь на поле боя, тянула его карьеру при Аржантанском дворе ко дну. Там для продвижения вверх требовались тактичность и дипломатия, а не примитивная бравада или грубая сила.

По итогам третьей тяжбы с графом Пьером Жан де Карруж вынужден был уступить Куиньи и Плейнвиль, так и не успев вступить во владение. Граф Пьер полностью компенсировал сквайру потраченные на покупку земель средства. Но если бы это стоило Карружу лишь земель и ренты, которые он мог бы завещать своим потомкам! Ведь его снова макнули лицом в грязь, причём на глазах у всего аржантанского двора.

Возмущённый своевольством графа, но вынужденный подчиниться воле сюзерена, Жан де Карруж обрушился с праведным гневом на

{5} Комментарии: 5

По феодальным законам владения, полученные вассалом в собственность от сеньора, не могли быть куплены или проданы без согласия сюзерена. Если земли оставались без владельца (то есть, вассал умирал, не оставив наследника), они возвращались сюзерену, который впоследствии мог передать их другому вассалу.

своего соперника. Карруж негодовал из-за того, что Ле Гри втёрся в доверие к графу Пьеру, стал его новым придворным фаворитом и злоупотреблял своим положением при графском дворе. Ле Гри был капитаном крепости в Эксме, а Карружа лишили Беллема. Ле Гри ездил в Париж и стал королевским сквайром, а Карруж остался не у дел. Хуже всего, что Ле Гри получил в дар от графа драгоценное поместье Ону-ле-Фокон, а Карружу пришлось прилично потратиться на покупку дорогих земель, и то лишь за тем, чтобы граф вскорости оттяпал их себе.

Вне себя от собственных неудач и карьерных успехов Ле Гри, Карруж сделал вывод, что Жак плетёт интриги за его спиной. Всё это время, рассуждал он, Ле Гри настраивал графа против него, получая при этом личную выгоду. Причина, по которой граф Пьер за последние годы трижды захватывал законную собственность Жана (сперва Ону-ле-Фокон, затем Беллем и, наконец, Куиньи и Плейнвиль) заключалась в том, что за всем этим стоял Ле Гри, нашёптывающий сюзерену дурные советы. Для озлобленного и подозрительного Карружа напрашивался один вывод: его старый друг, которому он некогда безгранично доверял, нагло предал его ради собственных карьерных

интересов. Ле Гри делал карьеру при дворе, наступая на голову Карружу.

Пламя третьей ссоры Жана с графом Пьером спалило последние мосты, соединявшие двух сквайров. Карруж, винивший старого друга во всех своих несчастьях, теперь начал откровенно ненавидеть Ле Гри. Должно быть, Жан жаловался другим на своего коварного соперника. Возможно, при дворе в Аржантане он даже публично бросал ему в лицо гневные обвинения.

Агрессивное поведение Жана лишь закрепило за ним репутацию вспыльчивого, импульсивного ревнивца, и он покинул двор. Хотя официально Жан по-прежнему числился графским камергером, фактически он стал персоной нон-грата. В течение последующего года, а то и больше, Жан избегал появляться при дворе в Аржантане, который хоть и находился всего в двенадцати милях от замка Карружа, однако их разделяла непреодолимая пропасть. В августе 1383 года Жана призвали на службу, помогать графу Пьеру во Фландрии, но он покинул кампанию уже на восьмой день — ещё один намёк на возникший разлад между ним и сюзереном.

Должно быть, для Маргариты это были трудные времена. Они были всего три года как женаты,

а её озлобленный, сварливый муж полностью изолировал себя от двора и затворился в фамильном замке и за его толстыми крепостными стенами не переставая брюзжал о несчастьях, обрушившихся на его голову. Несомненно, она была наслышана о Жаке Ле Гри, про которого ей без умолку твердили вот уже несколько лет, но никогда его не видела.

Отчуждение Жана от графского двора и от Жака Ле Гри продлилось год, а то и больше. Лишь на второй год, в 1384-м, когда, видимо, вражда несколько поутихла, произошло определенное сближение. Событие, вырвавшее Жана из добровольной ссылки от графского двора, вероятно, случилось осенью того же года или, скорее, ближе к Рождеству.

Яблоневые сады в Нормандии уже полностью лишились листьев и плодов, а её бескрайние поля лежали под паром, лишь некоторые щетинились зелёной озимью. Осень принесла в Нормандию холод и дожди, а зима выдалась ещё хуже. Дождь, вперемежку со снегом и ледяной крупой превратил дороги в непролазное грязное месиво, а затем их сковало зимней стужей, от которой люди пытались скрыться, сгрудившись вокруг пылающих очагов. Огромные дровяные камины высотой с

человеческий рост и как минимум такие же по ширине в больших залах нормандских замков обогревали высокие, продуваемые сквозняками залы, чьи толстые каменные стены одинаково сырые и холодные в любое время года{6}.

В конце 1384-го, когда ударили трескучие морозы, Жан де Карруж получил приглашение от старого друга, сквайра по имени Жан Креспен. Жена Креспена недавно родила сына, и, чтобы отметить крестины ребёнка и удачное разрешение супруги от бремени, Креспен пригласил всех своих родственников и друзей на домашнее торжество. Креспен жил примерно в десяти милях к западу от Карружа, близ Ла Ферте-Масе, города, граничащего с королевским лесом, где он служил егерем, отвечая за охоту и поставку древесины к королевскому двору.

Жан взял с собой на празднование Маргариту. После эмоционального расставания с двором в Аржантане это, возможно, был один из редких его светских визитов за прошедший год. Маргарита, у которой поводов покинуть замок Карруж было и того меньше, учитывая, что весь минувший год, а то и более, она выслушивала жалобы мужа

{6} Комментарии: 6

Судя по летописям, в период с начала и до середины 1380--х годов Нормандия пережила ряд суровых и снежных зим.

на постигшие его несчастья, вероятно, больше супруга радовалась возможности покинуть замок и смешаться с веселящейся толпой. У Креспена она рассчитывала увидеть знакомые лица, а также завести новые знакомства. Ведь уже четыре года минуло с тех пор, как она покинула замок своего отца далеко на севере и переехала жить к мужу.

Помимо Жана и Маргариты в числе приглашённых было много других знатных и уважаемых особ. Креспен, неоднократно бывавший при королевском дворе в Париже, также был вхож и к графу Пьеру. Впрочем, Ла Ферте-Масе лежал далеко от Аржантана, в противоположной стороне от замка Карруж, и вряд ли Жан мог встретить там много неприятных ему графских клевретов. Возможно, это сыграло не последнюю роль в решении Жана, подавленного неудачными и разорительными тяжбами с графом Пьером, принять приглашение.

Тем не менее, едва Жан прибыл к Креспену и прошёл с Маргаритой в Большой зал, он встретил в толпе приглашённых Жака Ле Гри, который мирно потягивал вино и весело общался с другими гостями. Разумеется, Маргарита никогда прежде не видела сквайра. Всё, что она слышала о Ле Гри, исходило из уст её мужа, и вряд ли эти

слова льстили Жаку.

Карруж и Ле Гри, близкие друзья, затем — соперники, а ныне — заклятые враги, рассматривали друг друга, стоя по разные стороны зала. Другие гости, заметив эту дуэль взглядами, враз перестали веселиться и замерли, словно увидев вспышку молнии и ожидая, что вот-вот грянет гром. Соперничество двух сквайров уже давно стало предметом многочисленных сплетен, и об их грызне за земли, титулы и графское покровительство при дворе сюзерена местная знать была прекрасно осведомлена.

Однако не последовало ни вспышек ярости, ни обмена колкостями, ни вызовов, ни угроз. Не было и неловких попыток в упор не замечать присутствия друг друга в переполненном зале. Вместо этого оба сквайра двинулись навстречу друг другу, благо атмосферу разряжало царящее повсеместно веселье и льющееся рекой вино. Болтовня и смех в освещённом факелами зале мгновенно стихли, все взгляды устремились в их сторону.

По случаю праздника каждый сквайр надел короткую куртку, то есть дублет, в цветах своего фамильного герба, Карруж был в красном, Ле Гри — в сером. Они вышли в центр зала и встали

лицом к лицу на расстоянии нескольких шагов, пристально изучая друг друга.

Жан первым сделал шаг вперёд, протягивая правую руку. Ле Гри мгновенно собрался и, сделав встречный шаг, схватил протянутую Жаном руку и сжал её в стальном рукопожатии.

— Карруж! — воскликнул сквайр в сером и приветливо улыбнулся

— Ле Гри! — произнёс сквайр в красном, улыбнувшись в ответ.

Поздоровавшись и пожав друг другу руки, оба сквайра положили конец своим распрям и помирились. Напряжение в зале вмиг спало. Дворяне, наблюдавшие эту сцену со стороны, одобрительно закричали, дамы — зааплодировали, а Креспен вышел вперёд, чтобы лично поздравить обоих.

В то, что эта встреча была чистой случайностью, верится с трудом. Возможно, Креспен, прекрасно знавший и Карружа, и Ле Гри, выполнял приказ графа Пьера, пытавшегося примирить двух враждующих сквайров. Карруж, способный годами хранить обиду, за время своего затворничества в замке, вероятно, понял, что продолжение ссоры с Ле Гри ему лишь вредит. Да и Ле Гри после нескольких лет натянутых отношений с Карружем, вылившихся в ожесточённое противо-

стояние, возможно, искал пути к примирению.

Кто бы ни стоял за этой встречей, далее случилось нечто ещё более удивительное. Поздоровавшись и обняв Ле Гри, Жан повернулся к Маргарите и велел ей поцеловать сквайра в знак их примирения и дружбы. Маргарита в дорогих украшениях и элегантном струящемся платье по случаю торжества, вышла вперёд, чтобы поприветствовать Жака Ле Гри и поцеловать его в губы, как тогда было принято. Сохранившийся рассказ очевидца не оставляет сомнений в том, что она его поцеловала.

Учитывая неприятную размолвку мужа со сквайром, Маргарита, скорее всего, не горела желанием знакомиться с Жаком. Последние несколько лет Жан расписывал ей Ле Гри в самых чёрных красках, не забывая намекнуть про слухи о его распутстве. Вряд ли подобная дружба или даже знакомство льстило замужней даме. Поэтому отданный Жаном приказ поцеловать Ле Гри, ненавистного соперника, которого он винил во всех своих бедах, видимо, немало удивил Маргариту. Даже если это примирение было тщательно отрепетировано, и Маргарита знала об отведённой ей роли, она не могла не чувствовать, что, приказывая ей поцеловать Ле Гри, Жан заходит

слишком далеко, и об этом довольно опрометчивом, сделанном под воздействием винных паров шаге он впоследствии горько пожалеет.

Жак Ле Гри, видимо, был удивлён не меньше Маргариты. Едва он помирился с Карружем после стольких лет ожесточённых споров и отчуждения, как прекрасная молодая жена Жана внезапно выходит вперёд и целует его в губы. Уже несколько лет как Ле Гри слышал легенды о красоте жены Карружа, поскольку женитьба Жана на юной наследнице была обсуждаемой темой при дворе. Но Жак ни разу не встречался с Маргаритой и до сего дня не видел её воочию.

Красота Маргариты, несомненно, произвела на Ле Гри сильное впечатление, как и на любого, кто её видел. И если сквайр с довольно скандальной репутацией искал новых приключений, то, скорее всего, он почувствовал влечение к молодой красавице, на мгновение прикоснувшейся губами к его устам. Возможно, именно в этот момент и вспыхнул интерес Ле Гри к Маргарите.

3

БИТВА И ОСАДА

Весной следующего года истощённый многочисленными проигранными тяжбами с графом Пьером и несмотря на недавнее примирение со сквайром, Жан де Карруж решил на время покинуть Нормандию и попытать счастья на стороне, присоединившись к французскому военному походу в Шотландию. Кампания, начатая в мае 1385-го, была инициирована французским королём. Армия французских рыцарей и вооружённых солдат направилась в Эдинбург, чтобы объединить силы с шотландцами и, аккурат к сбору урожая, двинуться дальше — на юг, огнём и мечом прорубая дорогу через английские земли, грабя и разоряя на своём пути города и замки, деревни и поселения.

Возглавлял экспедицию сир Жан де Вьен, прославленный полководец. Назначенный в 1373 году адмиралом Франции, Вьен, которому тогда было всего тридцать два года, полностью восста-

новил французский флот, организовал береговую оборону и совершил ряд победоносных морских рейдов против англичан. Кроме того, он разбил Карла Злого в 1378-м и возглавил Котантенскую кампанию в 1379-м. Карружу посчастливилось несколько месяцев служить под его командованием.

Армия адмирала насчитывала более тысячи рыцарей, сквайров и вдвое большее количество арбалетчиков и слуг-оруженосцев, вместе с которыми общая численность войска приближалась к трём тысячам. К кампании примкнули многие французские дворяне, среди которых был и Жан де Карруж, возглавляющий свой отряд из девяти сквайров.

Карруж имел склонность к авантюрам, а кампания давала ему возможность забыть на некоторое время о неудачах при дворе графа Пьера в Аржантане. Должным образом проявив себя на поле брани, можно даже заслужить рыцарское звание. Прежде всего, Карруж надеялся нажиться на этой экспедиции, компенсировать награбленным в английских городах и замках добром своё пошатнувшееся материальное положение.

Перед отъездом Карруж должен был отпроситься с военной службы у своего сюзерена. Граф Пьер

охотно удовлетворил его просьбу. После всех этих бесконечных тяжб с Карружем за последние несколько лет граф был только рад хотя бы на короткое время избавиться от беспокойного вассала. Может, он втайне надеялся, что Карруж больше не вернётся, а поскольку сквайр всё ещё не обзавёлся наследником, то некоторые его земли перейдут под графский протекторат, и Пьер сможет раздать их более лояльным подданным.

Жан должен был позаботиться о комфорте и безопасности супруги в своё отсутствие. Нормандию по-прежнему опустошали вражеские войска и разбойничьи шайки, и возможно, Маргарита боялась, что в замке де Карруж без мужа она не будет в безопасности. А может, просто Жан не доверял молодой супруге. Поблизости ошивались солдаты из военного гарнизона, да и до двора графа Пьера и соседних замков было рукой подать.

Поэтому, прежде чем отправиться в поход, Жан доставил Маргариту в замок её отца Фонтейн-Ле-Сорель, примерно в двадцати милях к юго-западу от Руана. В этом замке Маргарита родилась, выросла и покинула его лишь пять лет назад, выйдя замуж за Жана. Возможно, она сама выбрала Фонтейн-Ле-Сорель, хотя теперь там и хозяйничала её мачеха. Можно было, конечно, остаться

с овдовевшей свекровью, но такая перспектива Маргариту вряд ли прельщала.

Так надолго Маргарита с Жаном ещё не расставались со дня свадьбы, и возможно, у девушки были на этот счёт дурные предчувствия. Вероятно, Маргарита гадала: не наскучила ли она супругу за пять лет брака, а может, просто разонравилась? Она так и не родила ему наследников, а ведь это было главной причиной, по которой он выбрал её себе в жёны.

Но сам Жан позже утверждал, что до его отъезда в их отношениях «царили любовь, мир и согласие». Видимо, Жан был в прекрасных отношениях с семьёй Маргариты. По прибытии супругов в Фонтейн-Ле-Сорель (это случилось, по всей видимости, в апреле месяце), к ним присоединился двоюродный брат Маргариты Робер де Тибувиль, один из девяти сквайров, сопровождавших Жана в походе.

Вскоре Маргарита проводила мужа на войну. Она также попрощалась и с кузеном. Маргарита понимала, с какими опасностями им предстоит столкнуться в море и на поле битвы, а потому опасалась, что, возможно, видит их в последний раз.

Чтобы присоединиться к кампании, Жану, Роберу и их боевым товарищам пришлось от-

правиться из Нормандии в Слёйс, ключевой французский порт на фламандском побережье, где собирались все желающие присоединиться к армии и флоту адмирала Вьена.

В конце апреля — начале мая Жан и его соратники прибыли в шумный порт, где их взглядам предстала гавань, заполненная двумя сотнями мощных кораблей с закруглёнными бортами, предназначенными для плавания в северных водах. Снующие портовые рабочие с важным видом грузили на корабли оружие и доспехи, включая примитивные пушки и огромный запас провизии, необходимой для годичной зарубежной кампании. Многие перевозили лошадей, незаменимых на поле битвы и как гужевой транспорт для перевозки багажа. Корабли везли многочисленные подарки для шотландцев, включая полусотню доспехов и пятьдесят тысяч золотых франков, надёжно запертых в прочных сундуках.

Перед отплытием адмирал Вьен выплатил армии жалованье за два месяца вперёд. Смотр войск, проведённый 8 мая 1385 года, показал, что «Жан де Карруж, эсквайр» прибыл в Слёйс с девятью сквайрами под своим командованием, и ему заплатили триста двадцать ливров, по пол-ливра в день на каждого человека.

20 мая адмирал отдал команду к отплытию. Погода стояла хорошая, и дул попутный ветер. Французы проплыли вдоль фламандского побережья на север от Слёйса, мимо Зеландии, Голландии и Фрисландии, а затем повернули на запад, к Шотландии, в залив Фёрт-оф-Форт.

Когда французы сошли на берег близ Эдинбурга, быстро распространился слух, что прибыла гигантская иностранная армия, и шотландцы тут же принялись ворчать, приговаривая: «Какого чёрта они припёрлись? Кто их сюда звал? Мы что, разучились сражаться с англичанами? Пусть убираются туда, откуда прибыли, мы и без них прекрасно справимся».

Шотландский король Роберт пошёл на поводу у своих подданных и теперь не желал идти войной на Англию, пока ему не заплатят приличную взятку. Окружённый шотландцами и не имея другого выхода, адмирал Вьен вынужден был согласиться на возмутительные требования короля Роберта. Иначе он попросту лишился бы помощи союзников.

Объединённая армия французов и шотландцев численностью примерно в пять тысяч человек в начале июля наконец выступила из Эдинбурга. Продвигаясь на юг, она пересекла реку Твид и

двинулась дальше на восток к морю, сжигая и грабя попадающиеся на пути деревни и поместья. В конце концов, она заняла крепость Уорк, построенную на скалистом уступе над Твидом.

Замок Уорк имел массивную четырёхэтажную башню с входом на каждый этаж в виде высокого каменного свода с пятью большими бойницами для метания снарядов или стрельбы. В Уорке находился сэр Джон Люсборн, который предусмотрительно перевез туда жену и детей. Предупреждённый о приближении врага, сэр Джон усилил воинский гарнизон и разместил на стенах замка «большие бомбарды» — тяжёлые пушки. Помимо установленных на зубчатых стенах пушек и арбалетов замок со всех сторон опоясывал глубокий ров, чтобы замедлить продвижение осаждающих, сделав их удобной мишенью для расположенных сверху орудий.

ОСАДА ЗАМКА УОРК (1385 г.)

«Во время Французской кампании в Британии Жан де Карруж участвовал в штурме и разграблении английских замков». Фруассар. Хроники. M.C. Royal 18.Фр-Л.,фол.345. С разрешения Британской библиотеки.

Адмирал Вьен послал к сэру Джону гонца с требованием сдать крепость, грозя осадой. В ответ сэр Джон с высоты крепостных стен осыпал его ругательствами и посоветовал отступить со своими войсками подобру-поздорову, пока он не стал жертвой этих пройдох-шотландцев. Переговоры завершились штурмом.

Легкие пехотные отряды французов и шотланд-

цев действовали по принципу «жги и разрушай» и не были оснащены тяжёлыми осадными орудиями вроде требушетов, метающих массивные каменные ядра в стены замков и на крыши вражеских домов. Маленькие переносные пушки не могли пробить толстые каменные стены. Добротный каменный фундамент замка не давал сапёрам никаких шансов сделать подкоп, чтобы обрушить стены. А спешка, в которой проводилась кампания, не позволяла ждать, пока отлично снабжённый гарнизон вымрет от голода.

Поэтому адмирал приказал устроить эскаладу. Его люди связали между собой деревянные шесты, соорудив лестницы, по которым им предстояло взобраться на стены замка; самые отчаянные — в первых рядах, за ними остальные. Приставив лестницы к стенам, французы бросились в бой словно львы: карабкались на отвесные стены и бились в рукопашную, плечом к плечу, клинком к клинку. Сэр Джон Люсборн показал себя довольно искусным воякой, умело истребляя карабкающихся по стенам французов.

На головы нападающим лили кипяток, сыпали раскалённый песок и негашёную известь, сбрасывали со стен, пронзали бронебойными арбалетными болтами. Неумелый нападающий

мог легко оступиться на стенах и упасть, разбиться насмерть в своих громоздких доспехах, а то и опрокинуться вместе с лестницей и увлечь за собой других штурмующих, едва добравшись до вершины, где их поджидали защитники замка, вооружённые длинными шестами.

Шотландцы не стали принимать участие в осаде, но французские арбалетчики, расставленные по периметру замка, умело отстреливали англичан смертоносными болтами, мгновенно пронзая любую голову, неосторожно показавшуюся над зубчатыми стенами. Французские войска были столь многочисленными, а их атаки такими яростными, что в конце концов замок был взят, а рыцарь вместе с укрывшимися в крепости женой и детьми попали в плен. Ворвавшиеся в крепость французы пленили более сорока человек, после чего замок разграбили и подожгли, поскольку удержать его не было возможности, слишком уж далеко они зашли вглубь Англии.

Продвигаясь вдоль побережья на юг, захватчики вторглись в земли, принадлежавшие Генри Перси, графу Нортумберлендскому, попутно разоряя ещё больше деревень и поселений, сжигая всё на своём пути. Страх и ужас витали в воздухе. Жан де Карруж с товарищами с головой погрузил-

ся в водоворот войны, убивая вражеских солдат и мирных жителей, уводя скот, расхищая всё, на что упадёт взгляд. Французский летописец говорит, что они принесли в страну «убийства, грабежи и поджоги», «сметая всё на своём пути огнём и мечом, безжалостно перерезая глотки крестьянам и любому, кто попадётся у них на пути, независимо от его возраста и пола, не щадя даже стариков и младенцев».

Вскоре английские лорды, хозяева разорённых земель, мобилизовались для ответного удара. Юный король Ричард II, вне себя от столь подлого удара в спину, собрал армию и спешно выехал из Лондона на север, поклявшись уничтожить французских захватчиков, а Эдинбург превратить в пепел, в назидание шотландцам.

Французы через своих шпионов узнали о приближении англичан. Адмирал Вьен не меньше короля Ричарда жаждал решающей битвы. Но шотландцы, встревоженные известиями о многочисленности английской армии и обеспокоенные задержками с поставкой провизии, настаивали на отступлении в Шотландию, чтобы организовать там надёжный тыл к моменту встречи с врагом. Адмирал Вьен, не желая терять шотландских союзников, согласился.

Едва перейдя Твид, англичане прибегли к аналогичной с французами тактике, «вдоволь насладившись грабежами, убийствами и насилием, оставив за собой на шесть миль вдоль всей прифронтовой линии лишь выжженную землю».

К удивлению французов, шотландцы не оказали сопротивления захватчикам, спокойно глядя, как те разоряют их земли. Встревоженный назревающей изменой, адмирал Вьен послал шотландцам депешу, вопрошая: «Что предпринять союзникам, которых вы призвали себе в помощь?» На что шотландцы ответили: «Всё, что душе угодно».

Адмирал приказал своим людям вооружиться, оседлать лошадей и ждать его сигнала. В ту ночь английская армия расположилась лагерем в нескольких милях к югу от Эдинбурга, и уставшие солдаты заснули, выставив в дозор лишь несколько часовых. По приказу адмирала вся французская армия под покровом темноты двинулась на юг мимо дремлющего английского лагеря.

Проснувшись поутру и подойдя к Эдинбургу, англичане увидели, что ворота города распахнуты настежь, улицы пусты, а все жители разбежались. Пока французы удирали под покровом ночи,

шотландцы вывезли из города всё до последнего гвоздя и, не забыв прихватить весь скарб и скотину, рассеялись по округе кто куда.

Несколько дней спустя Ричард узнал, что французы вернулись в Англию, чтобы снова жечь, убивать и грабить его земли. В ярости он приказал своим людям сжечь Эдинбург дотла. 11 августа англичане превратили город в пепелище, хотя крепость на вершине холма уцелела. После этого Ричард со своей армией отправился вдоль побережья к Абердину, опустошая всё на своём пути.

В ста пятидесяти милях к югу французы и кое-кто из верных им шотландских приспешников сеяли хаос и разрушение в Камберленде, зелёном холмистом графстве к северу от Озерного края. Во время этого, уже второго набега на Англию Жан де Карруж со своими людьми надеялся сорвать неплохой куш за счёт награбленных богатств и пленных.

Продвигаясь вдоль побережья, французы и шотландцы оставляли после себя выжженную землю. Захватчики почти не встречали сопротивления («ибо страна было сильно обескровлена, а все, кто мог держать оружие, сопровождали английского короля в походе»), пока, сделав круг,

не вернулись обратно в Карлайл.

Карлайл был когда-то фортом на римском рубеже и замыкал вал Адриана, остатки которого все ещё возвышались над пустошами Ньюкасла и далее вдоль береговой линии. Теперь это была английская крепость с высокими крепостными стенами, башнями, рвами и большим запасом провизии, рассчитанным на длительную осаду.

7 сентября французы и шотландцы напали на город, подняв лестницы для штурма крепостных стен. Собрали в кулак всю свою военную мощь, явно собираясь либо разнести город по кирпичику, либо взять его штурмом. Но яростная атака провалилась. Столкнувшись с непреодолимой преградой, которую нельзя просто так разграбить и уничтожить, и опасаясь нападения в глубине вражеской территории, захватчики решили прекратить бесполезную осаду.

Когда французы уже возвращались обратно на север, замешкавшись из-за тяжести награбленной добычи, разразилась катастрофа. Сэр Генри Перси, сын и наследник графа Нортумберленда, внезапно атаковал их с тыла. Молодой Перси, получивший прозвище Хотспур (Сорвиголова) за стремительность и свирепость в конных поединках, напал на захватчиков ночью, «многих

из них убив и обратив в бегство», а также взял в плен «двадцать шесть влиятельных персон».

Жану де Карружу и Роберу Тибувилю посчастливилось избежать участи быть убитыми или захваченными в плен. Так повезло далеко не всем их товарищам. Проведённый адмиралом месяцем позже, 28 октября, армейский смотр показывает, что Жан потерял пятерых из девяти товарищей. Некоторые из них, вероятно, были убиты в предыдущих сражениях или умерли от болезней. Но кто-то, возможно, пал во время яростной ночной атаки Хотспура на отступающую французскую армию. Собственно, этой битвой кампания и завершилась.

Череда жестоких схваток подошла к концу, армии покинули театр боевых действий, и адмирал Вьен решил перезимовать с потрёпанной армией в Эдинбурге. Жанн де Карруж не был дома уже больше полугода, и, скорее всего, ему и его поредевшему в битвах отряду предстояло остаться в Шотландии минимум до следующей весны.

Но шотландцы (впрочем, как и всегда) не были рады таким гостям. «Адмирал и его бароны, рыцари и сквайры терпели лишения, потому что денег им хватало, только чтобы не околеть с голода. Запасы вина, пива, ячменя, хлеба и овса были

довольно скудными, их лошади дохли с голода либо падали от истощения».

Адмирал ещё более усугубил ситуацию, завязав интрижку с шотландской принцессой. И в его адрес стали поступать откровенные угрозы. Многие знатные дворяне начали отказываться от такой зимовки, опасаясь встретить здесь свою смерть, если не от голода, то от рук приютивших их шотландцев. Адмирал нехотя дал разрешение всем желающим отбыть домой.

Ввязавшись в войну с англичанами, французы покидали страну, кипя от гнева на шотландцев. «Они возвращались во Францию через Фландрию и прочими окольными путями, оголодавшие, без оружия и лошадей, кляня Шотландию и тот день, когда их нога ступила на эту проклятую землю».

Вернувшиеся во Францию рыцари со своей свитой «были столь бедны, что не могли позволить себе приличную лошадь», случалось, некоторые «отнимали лошадей у работавших в полях крестьян и возвращались домой не на боевых конях, а на спинах кляч, пригодных разве что тащить за собой плуг или гужевую повозку».

Жан де Карруж вернулся в Нормандию в конце 1385 года, его казна и здоровье находились в плачевном состоянии. Собираясь в этот по-

ход, он рассчитывал щедро компенсировать затраты награбленным золотом, серебром, лошадьми и прочими ценностями. Но с таким же успехом он мог бы выбросить деньги в какое-нибудь шотландское болото. Как и многие его соотечественники, он привёз из похода лишь хроническую лихорадку, которая периодически валила его с ног, заставляя трястись, истекая холодным потом.

Подорвав здоровье, потеряв уйму денег и пятерых товарищей по оружию за полгода бесполезной кампании, Жан де Карруж вернулся с единственной стоящей наградой — рыцарским званием. На армейском смотре поредевшей французской армии после её возвращении в Шотландию в конце октября его описывают, как «сира Жана де Карружа, рыцаря», следовательно он заслужил это звание, отличившись в кампании летом или осенью того года.

Жану де Карружу было около пятидесяти, и до сих пор при дворе графа Пьера ему не посчастливилось удостоиться рыцарского звания. Отныне новый статус давал ему право именоваться «шевалье», и он несомненно будет настаивать, чтобы именно так его и называли, когда вернётся ко двору в Аржантане. Звание также удваивало его

жалованье, до одного ливра в день, хотя он всё ещё не получил сумму, причитающуюся ему за участие в кампании, так сильно были просрочены выплаты.

Высадившись в Слёйсе, либо в Арфлёре или в любом другом из французских портов, он поспешил в Фонтейн-Ле-Сорель, где семь месяцев назад оставил Маргариту на попечении её отца. Его сопровождал двоюродный брат Маргариты Робер, который вместе с ним стоически переносил жестокие битвы, болезни и тяготы морских путешествий.

К моменту их приезда был уже канун Рождества, и Маргарита, вероятно, рассчитывала провести ещё несколько недель в отцовском замке в обществе только что вернувшихся мужа и кузена. Оба были изрядно вымотаны походом, Жан серьезно болел, да и дороги зимой были малопригодны для поездок.

Но новоиспечённый рыцарь решил не задерживаться, оставшись лишь на короткое время. Через несколько дней он снова отбыл, прихватив с собой Маргариту, чтобы навестить свою матушку, которая не видела сына уже много месяцев с момента его отъезда в Шотландию.

Вдовствующая Николь де Карруж жила в Капо-

месниле, фамильном поместье, находящемся в Кальвадосе, примерно в тридцати пяти милях к западу от Фонтейн-Ле-Сорель. Николь поселилась в Капомесниле после смерти мужа ещё три года назад, когда граф Пьер лишил её сына звания капитана Беллема. По непонятной причине вдова не переехала жить в замок де Карруж вместе с сыном и его супругой. Вероятно, просто не хотела делить этот замок с новой невесткой. А может, Жана и Маргариту и самих устраивало такое положение вещей.

Покинув Фонтейн-Ле-Сорель, супруги двинулись по старому римскому тракту на запад, в сторону Лизьё. Зимой, когда дороги раскисали от грязи вперемежку со льдом и снегом, путешествие, вероятно, занимало не менее двух дней, с ночевками в попутных городах и замках друзей. Такая дорога замедлила бы и одинокого всадника на резвом скакуне. А зима 1385-1386 года была, согласно одной французской хронике, «необычайно злой и суровой». Маргарита ехала верхом, в дамском седле, а возможно, и с бóльшим комфортом, устроившись в закрытом экипаже. Её сопровождали две-три служанки и несколько крепких мужчин-слуг, ответственных за багаж.

Рыцарь возглавлял процессию, держа руку на

рукояти меча, его люди были вооружены попроще, ножами и дубинами, чтобы отпугнуть жаждущих наживы разбойников. Не стоило также сбрасывать со счетов и рутьеров — вольные отряды или банды наёмников, которые в промежутках между сражениями Столетней войны были не прочь поживиться за счёт здешних земель и рыскали по стране в поисках наживы, представляя опасность даже для путешествующих по наезженным трактам. Обремененная багажом, опасаясь засады за каждым кустом, супружеская чета медленно продвигалась по заснеженной Нормандии.

4

САМОЕ СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Вряд ли Маргарита была в восторге от идеи покинуть гостеприимный отцовский замок и отправиться в собачий холод по непролазным зимним дорогам, навещать свекровь. Уединённый замок Николь в Капомесниле, в отличие от Фонтейн-Ле-Сорель, не сулил ни комфорта, ни развлечений. Помимо этого, вызывало беспокойство здоровье её супруга, подорванное многомесячным походом, путешествием через море и хронической лихорадкой. Жану нужен был отдых и покой, а не очередная поездка среди зимы. Трясясь вместе с супругом и слугами на ухабах заиндевевшей дороги по пути к Капомеснилю, Маргарита, вероятно, мучилась недобрыми предчувствиями относительно того, как её встретит свекровь. За более чем пятилетний брак она так и не подарила Жану долгожданных наследников, за что Николь могла горько её упрекнуть во время сего визита.

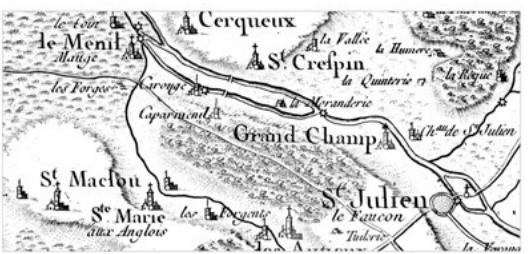
За пять лет госпожа Николь так и не простила сыну опрометчивого брака с дочерью предателя, в результате чего прославленная династия Карружей породнилась с подлым родом Тибувилей. Она понимала, что Жан сражён красотой Маргариты и его манят несметные богатства её отца. Деньги и земли кого хочешь ослепят, а после смерти отца Маргарита станет ещё богаче. Но честь семьи бесценна, особенно в Нормандии, древнем рассаднике заговоров и мятежей, где один неверный союз мог пустить прахом всё семейное состояние, нажитое за долгие годы. Через несколько лет после свадьбы, когда муж Николь умер, разве не лишил граф Пьер её сына звания капитана Беллема, принадлежащего ему по праву? Ведь госпожа Николь, которой скоро стукнет семьдесят, могла преспокойно доживать свои дни в великолепной крепости, бывшем владении Людовика Святого, а не ютиться в Капомесниле, если бы её упрямый сын не досадил графу своей женитьбой на Маргарите. В Беллеме все преклонялись перед ней, как перед женой сира Жана. Теперь её единственные посетители — лишь торговцы да прокажённые, и Николь считала Маргариту, хозяйку просторного и прекрасного замка де Карруж, главной виновницей своего изгнания.

Миновав Лизьё с его кафедральным собором и, возможно, остановившись со слугами в этом городе на ночлег, Жан и Маргарита съехали с римского тракта на просёлочную дорогу, ведущую на юго-запад, в сторону аббатства Сен-Пьер-сюр-Див. Где-то в восьми милях от Лизьё, примерно на полпути к Сен-Пьеру, они пересекли реку Ви близ деревеньки Сен-Жюльен-ле-Фокон. Там они свернули на узкую тропу, ведущую на запад вдоль южного берега реки.

Проехав ещё несколько миль, они поднялись на возвышающийся над рекой утёс. Их взору предстали десяток, а то и дюжина выстроившихся в ряд крытых соломой лачуг — жилища местных фермеров и крестьян-арендаторов. Это скромное местечко именовалось Капомесниль. Близ деревушки, чуть дальше по берегу реки, высился ветхий одинокий замок, где жила Николь.

Замок был невелик: на первом этаже располагался главный зал, в глубине — кухня и помещение для слуг, на втором этаже — несколько жилых комнат, в которые можно было попасть по внутренней лестнице. Замок был оснащён добротной башней (донжоном) для обороны, но не было ни малейшего намёка на какие-либо стены или оборонительные сооружения. Замок

располагался на открытой местности, никаких укреплений поблизости не наблюдалось. Этого замка больше не существует, его снесли вскоре после Французской революции, но он вряд ли отличался от прочих мелких замков или усадеб, что до сих пор украшают нормандский ландшафт. В этой глухомани уединенно и скромно доживала свои дни Николь в компании нескольких слуг и немногочисленных посетителей. Ближайшим населённым пунктом, не считая этого поселения, была деревня Сен-Креспен, расположенная на противоположном берегу реки, на вершине холма, почти в миле к северу.



КАПОМЕСНИЛЬ

Жан оставил Маргариту в скромном замке своей матери на южном берегу реки Ви, и в январе 1386-го отправился в Париж (данные предоставлены Кассини-де-Тори, Карт-де-Франс, ном.61

(ок. 1759 г.). Личные бумаги Чарльза Стюарта де Ротсея, Департамент специальных коллекций, научная библиотека Чарльза Э. Янга, Калифорнийский университет Лос-Анджелеса).

Маргарита, вероятно, надеялась, что не задержится в Капомесниле, и уже через несколько дней они с Жаном продолжат своё путешествие, вернувшись наконец в замок де Карруж, своё семейное гнездо, которое она покинула почти год назад. Но, возможно, она чувствовала неладное, учитывая то, как Жан нуждался в деньгах по возвращении из Шотландии. Как выяснилось впоследствии, её пребывание в Капомесниле растянется на месяц, а то и больше, и всё это время свекровь она будет видеть гораздо чаще, чем собственного мужа.

Стоило супругам занести ногу за порог, а Жан уже рвался в новое путешествие, несмотря на ужасную погоду и плохое самочувствие. Потратив целое состояние на обернувшуюся крахом зарубежную кампанию, похоронившую его надежды окупить расходы за счёт богатых трофеев (не говоря уже о получении прибыли), он отчаянно нуждался в деньгах. Его доходов едва хватало на бытовые нужды, даже если добавить ренту с земель Маргариты. У него оставались

неоплаченные долги за лошадей и снаряжение, приобретённое для военного похода, а выплату жалованья всё ещё задерживали. Поэтому Жан решил отправиться в Париж, чтобы получить причитающуюся ему сумму у королевского военного казначея Жана ле Фламена. В Париже у него ещё оставались влиятельные друзья, которые могли замолвить за него словечко перед королём.

Если бы не разлад с графом Пьером, Карружу было бы достаточно доехать до Аржантана, чтобы получить необходимую сумму. Граф Пьер иной раз даже проявлял излишнюю расточительность, щедрой рукой раздавая подарки придворным фаворитам, особенно это касалось Жака Ле Гри. Но после многочисленных тяжб рыцаря со своим сюзереном у первого было мало шансов разжалобить графа, и даже примирение с его фаворитом не спасало положение. А гордость никогда не позволила бы Карружу обратиться за помощью к Ле Гри, несмотря на богатство сквайра и их недавнее примирение.

Но так или иначе, Карруж планировал остановиться в Аржантане по пути в Париж. Во-первых, это был самый короткий путь из Капомесниля в столицу, а, во-вторых, он должен был доложить

графу Пьеру о своём возвращении. Тот прошлой весной соизволил освободить его от регулярной военной службы. От разорившегося и больного Карружа вряд ли было много проку, что в сражениях, что в придворных церемониях, в любом случае, вероятность зимней кампании была ничтожно мала. Но он всё ещё был вассалом графа Пьера и должен был нанести своему сеньору визит вежливости.

Возможно, Карружа влекло в Аржантан нечто большее, чем элементарный долг чести. Может быть, он хотел проверить графский двор на лояльность к своей персоне. А может, желал похвастаться перед другими придворными своим новоприобретённым рыцарством или удивить, а то и посрамить тех, кто считал, что он уже не вернётся из этого рискованного похода. Он знал, что кое-кому была выгодна его смерть. У Жана всё ещё не было наследника, и посему большая часть его имущества должна было перейти к графу Пьеру, а тот мог раздать полученное другим вассалам.

Карруж также знал, что в Аржантане он может столкнуться с Жаком Ле Гри, который предпочёл войне с шотландцами заботу о собственных интересах, предусмотрительно оставшись дома.

В прошлом году, во время их примирения в доме Жака Креспена, не слишком ли долго после дружеских объятий Ле Гри сверлил похотливым взглядом пышущую молодостью и красотой супругу Жана? Всё может быть. Однако бóльшую часть года Маргарита провела далеко отсюда, в замке своего отца. А сейчас, хоть до Аржантана было рукой подать, она находилась в безопасности под неусыпным оком госпожи Николь.

Тем не менее, поместье Жана — не единственная ценность, которую может возжелать этот пройдоха Ле Гри. Перед отъездом по делам, которые должны были на несколько дней разлучить его с женой, Жан отозвал в сторону служанку Маргариты и велел ей ни на шаг не отходить от своей госпожи ни днём, ни ночью. Дополнительная предосторожность в делах такого рода никогда не будет лишней.

Жан де Карруж выехал в Аржантан в первую неделю января 1386 года. Первый отрезок пути, примерно в двадцать пять миль, занял у него по меньшей мере полдня (зима, как-никак) — по дороге на восток вдоль южного берега реки Ви, мимо Сен-Жюльен-ле-Фокона. Возле Ливаро он повернул на юг и выехал на старый римский тракт, ведущий к гряде высоких холмов, откуда

открывался прекрасный вид на долину реки Див и бескрайнюю равнину Фалез. Большая часть раскинувшихся перед ним земель принадлежала графу Пьеру.

Спустившись, Карруж пересёк Див неподалёку от Труна и направился вверх по реке. Проехав несколько миль, он долго пробирался через лес Гран-Гуфферн под мрачной сенью вековых сосен. Но вот деревья расступились, и его взору предстали башни Аржантана, возвышающиеся вдали на каменистом холме.

Аржантан был древней крепостью, некогда принадлежавшей англичанам, именно здесь король Генрих II вскоре после Рождества 1170 года получил известие о том, что четверо его рыцарей тайно пересекли Ла-Манш и убили Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. В 1380-х город был окружён мощной каменной стеной с шестнадцатью круглыми башнями внушительных размеров.

Карруж подъехал к хорошо охраняемым городским воротам, где в нём опознали одного из людей графа Пьера и пропустили. Он направился прямиком во дворец, величественный четырёхэтажный замок с тремя гигантскими башнями, перестроенными графом Пьером в 1372 году,

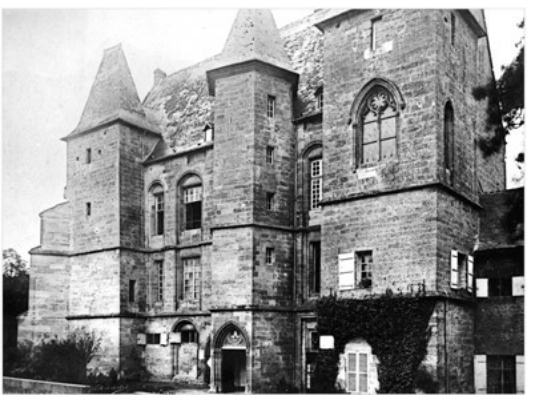
когда он вступил во владение городом. Там утомлённый дорогой рыцарь спешился и, оставив лошадь конюху, прошёл внутрь.

После многочасовой скачки по разбитым зимним дорогам Жан де Карруж представлял собой довольно печальное зрелище, поэтому, прежде чем явиться ко двору, он, вероятно, сбросил забрызганный грязью плащ и омыл руки и лицо в тазике с водой, любезно поднесённом одним из дворцовых слуг. После чего поднялся в Большой зал, где граф Пьер держал свой двор, и отобедал в компании друзей и придворных.

Появление Жана застало двор врасплох. К этому времени в Аржантан уже просочились кое-какие новости о злополучной шотландской кампании, включая имена погибших от рук неприятеля и от болезней дворян, а также несчастных выживших, потерявших на этой войне не только состояние, но и здоровье. Граф Пьер, не получавший до сего дня ни единой весточки о Карруже, вероятно, начал подумывать, что неугомонный вассал пал на поле брани и больше его не побеспокоит. Возможно, кое-кто из людей графа уже мысленно делил земли рыцаря. Поэтому, когда Карруж, измученный лихорадкой, валящийся с ног от усталости, но вполне себе живой внезапно

заявился в Большой зал, граф Пьер и многие его приспешники были немало удивлены, а то и расстроены, увидев его.

О том, что произошло в тот день при дворе, мы можем только догадываться. Достоверно известно лишь, что во время остановки в Аржантане Жан де Карруж «встретился с Жаком Ле Гри и многими другими людьми из свиты графа Алансонского, которым он поведал о своих планах посетить Париж». Сообщив придворным о своих намерениях, он мог так же упомянуть, что его супруга остановилась неподалёку, в Капомесниле, имении его матери. Даже если бы он скрыл сей факт, придворным не составило бы труда узнать об этом из других источников.



ГРАФСКИЙ ДВОРЕЦ

Граф Пьер Алансонский держал двор в Аржантане, своём величественном дворце. Здесь в январе 1386 Жан де Карруж вновь встретился с Жаком Ле Гри. Архивные фото, коллекция. М.А.Р.(с), CMN, Париж.

Встреча Карружа с Ле Гри могла начаться вполне дружелюбно. В конце концов, чуть больше года назад они публично прекратили свои распри и, по-видимому, заключили мир. Но Жан де Карруж был человеком грубым и неуживчивым, да к тому же подверженным вспышкам ревности. Он только что вернулся из заграничного похода, в котором провёл полгода, рискуя жизнью ради Франции, и не получил ничего взамен. А в нескольких милях от Аржантана дорога на Париж пролегала близ Ону-ле-Фокона, что, вероятно, вновь разбередило его раны.

Именно это обстоятельство, видимо, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения рыцаря, заставив выместить злость на самом удобном для этого человеке — придворном фаворите, который, якобы, давно замышлял против него недоброе. Встретив Ле Гри во дворце, Карруж, вероятно, осыпал его насмешками за то, что тот просиживал дома в тепле и уюте в то время,

пока он воевал, рискуя головой, как настоящий мужчина. Возможно, Жан похвастался, что покинул Францию простым сквайром, а вернулся рыцарем, совершив уйму ратных подвигов. Кто знает, может, он даже намекнул, что Ле Гри тоже не мешало бы повысить свой статус, оторвав задницу от тёплого местечка при графском дворе. Всего лишь несколько неосторожных слов, брошенных в адрес сквайра и услышанных другими придворными, могли легко раздуть затухшее было пламя вражды.

Что бы ни случилось в тот день между рыцарем и сквайром, вероятно, эта встреча что-то всколыхнула в Жаке Ле Гри, потому что после того как рыцарь сообщил о своих планах посетить Париж, раскланялся и покинул Аржантанский двор, продолжив своё путешествие, Ле Гри тайно вызвал одного из своих клевретов по имени Адам Лувель.

Лувель был сквайром, по слухам, исполнявшим при Жаке Ле Гри роль сводника, знакомя его с охочими до амурных приключений дамочками. Очевидно, Лувель неплохо знал Карружа, поскольку служил под его началом во время Котантенской кампании 1379-1380-ых. Лувель владел домом в небольшом поселении у Капомес-

ниля, буквально в двух шагах от замка, где жила Маргарита со своей свекровью. Едва рыцарь выехал из Аржантана в сторону Парижа, Адам Лувель стрелой поскакал в противоположном направлении, к Капомеснилю, чтобы по приказу своего господина следить за Маргаритой и докладывать о каждом её шаге.

Чем был обусловлен такой повышенный интерес Жака Ле Гри к Маргарите, непонятно. Позже Жан де Карруж утверждал, что сквайр просто возжелал юную красивую наследницу и «стал вынашивать планы, как бы охмурить и соблазнить её», именно так он, якобы, до этого поступал со многими другими женщинами. Один хронист утверждает, что «через греховные мысли дьявол овладел плотью Жака Ле Гри, сосредоточив все его помыслы на жене Жана де Карружа, которая, как известно, жила практически одна в окружении немногочисленной прислуги».

Вероятно, Ле Гри был из числа придворных, рассчитывавших извлечь выгоду в случае гибели Карружа в Шотландии. К тому времени Ле Гри уже овдовел и, возможно, после встречи с молодой красивой женой Жана возжелал большего, чем просто земли и замки Карружа. Не исключено, что, завладев землями, не доставшимися

Маргарите в приданое, он теперь желал заполучить и их несостоявшуюся хозяйку.

А возможно, совершить подобную дерзость его побудило не столько желание заполучить Маргариту, сколько жажда отомстить её мужу. Хотя оба публично зарыли топор войны, сквайр не забыл, а может, в душе и не простил рыцарю попытки отобрать у него Ону-ле-Фокон, тяжбы с графом Пьером, в которые был впутан и фаворит, а также семена зависти и злобы, щедрой рукой разбросанные Карружем при дворе. Если Жан во время своего последнего визита в Аржантан бросил несколько пренебрежительных фраз в лицо сквайру, то Ле Гри, сытый по горло оскорблениями рыцаря, мог задуматься об ответном ударе, чтобы в отместку сделать тому ещё больнее.

Длительная отлучка рыцаря, его жена, живущая буквально по соседству: возможно, благодаря этим обстоятельствам в голове сквайра выстроился хитроумный план. Если бы он умудрился тайно затащить в постель жену рыцаря, это была бы великолепная месть, не говоря уже о полученных удовольствиях. Предположив, что Маргарита — ветреная особа, Ле Гри, вероятно, планировал без труда её соблазнить. План, как бы плох он ни был, в реальности обернулся на-

стоящей трагедией. Итак, имея мотив и желание отомстить рыцарю, а также шанс соблазнить его жену, сквайр ждал лишь подходящего момента.

И вскоре этот шанс предоставился. В третью неделю января, примерно две недели спустя после отъезда рыцаря в Париж, госпожу Николь внезапно вызвали в Сен-Пьер-сюр-Див, аббатство, находящееся в шести милях от её замка. Фалезский виконт вызвал вдову к судебному приставу Кана Гийому де Мовине, свидетельствовать по некому делу. Ей надлежало явиться туда 18 января 1386 года. Поездка до Сен-Пьера и судебные дела должны были занять у госпожи Николь минимум полдня.

Когда пришёл вызов, Адам Лувель, наблюдавший за замком из своего дома в соседней деревушке и докладывавший своему хозяину обо всём, что касается Маргариты, немедленно сообщил Жаку Ле Гри, что через несколько дней госпожи Николь не будет в Капомесниле.

Рано утром в четверг, 18 января, Николь покинула Капомесниль. Хотя путь до Сен-Пьера и обратно составлял всего двенадцать миль, она отправилась туда в сопровождении свиты, включавшей почти всех домашних слуг. По непонятным причинам вдова взяла с собой даже

служанку, тщательно проинструктированную рыцарем не спускать с жены глаз ни днём, ни ночью. Таким образом, Маргарите предстояло провести бóльшую часть дня почти в полном одиночестве. По слухам, в замке осталась лишь одна служанка, но она явно предпочитала держаться от молодой госпожи подальше.

Едва Николь покинула Капомесниль, в четверг, с утра пораньше, Маргарита услышала громкий стук в парадную дверь. Греясь у камина наверху, она гадала, кто бы это мог быть.

Когда стук повторился, Маргарита, набросив поверх платья меховую накидку, спустилась посмотреть, кто это заявился в такую рань. Войдя в Большой зал, она осторожно приоткрыла ставенку на маленьком зарешеченном окошке в толстой дубовой двери.

Она была немало удивлена, когда в окошечке появилось мужское лицо, сверлящее её взглядом. Маргарита тут же узнала его обладателя, это был Адам Лувель.

Когда она спросила о цели его визита, Адам ответил, что пришёл просить о некоем одолжении.

— Каком одолжении? — поинтересовалась Маргарита.

— Здесь очень холодно, мадам, — ответил Адам.

— Можно мне войти и рассказать обо всём подробнее?

Маргарита знала Адама, ведь он жил по соседству и сопровождал её мужа в военном походе. Скорее раздражённая, чем напуганная незваным гостем, Маргарита согласилась. Сдвинув тяжёлый засов, она отворила дверь и впустила визитёра. Женщина сразу же прикрыла дверь, чтобы не напустить в дом холод, и не заперла её.

Стоя в дверях, Адам осмотрелся, словно в поисках камина, но Маргарита и не думала приглашать его в дом, поэтому он начал объясняться прямо на пороге.

Он сказал, что пришёл по поводу невыплаченного долга в сотню золотых франков, занятых у сира Жана. Ему-де известно, что срок выплаты безнадёжно упущен, но он всё же осмелился попросить об отсрочке. Не будет ли мадам Маргарита столь любезна походатайствовать за него перед сиром Жаном?

Маргарита понятия не имела ни о долге, ни о прочих финансовых делах своего мужа и была крайне озадачена тем, что Адам приехал обсудить с ней это именно сейчас, когда её супруг находится в отлучке.

Но прежде чем она успела ответить, Адам резко

сменил тему разговора.

— Между прочим, — сообщил Адам, — Жак Ле Гри передаёт вам привет и выражает своё почтение. — Сквайр, — продолжал Адам, — страстно влюблён и готов на что угодно, лишь бы увидеться с вами.

Встревоженная столь неожиданным поворотом Маргарита заявила, что не желает ни видеть Жака Ле Гри, ни даже слышать о нём, и как бы ни был предан Адам своему господину, роль сводника ему не к лицу. Было видно, что подобные разговоры ей неприятны.

В этот момент незапертая входная дверь резко распахнулась, впустив в комнату порыв ледяного ветра. Маргарита испуганно обернулась и увидела самого Ле Гри.

Войдя в зал, сквайр бросил на скамью забрызганный грязью плащ, открыв висевший на поясе кинжал, подошёл к испуганной даме. Увидев страх в глазах Маргариты, он остановился и лучезарно улыбнулся.

— Мадам, — произнёс он, — мой слуга сказал правду, я люблю вас больше жизни и готов пойти на всё, чтобы заслужить вашу любовь! Всё, чем я владею, отныне ваше.

Маргарита опешила, услышав подобные

признания из уст самого сквайра. Но, быстро собравшись с мыслями, ответила Жаку, что он забывается, и ему не следует говорить с ней в таком тоне.

Когда Маргарита заявила, что не намерена выслушивать подобные сальности, аргументы сквайра приобрели физический характер. Ле Гри, будучи довольно рослым и сильным мужчиной, резко шагнул вперёд и схватил Маргариту за запястье, приказывая сесть рядом с ним на скамью. Когда Маргарита отказалась повиноваться, он принудил её сделать это, стиснув руку железной хваткой.

Неохотно сев рядом со сквайром, Маргарита почувствовала его жаркое дыхание у себя на щеке. Теперь она со страхом слушала сбивчивый рассказ сквайра о том, что ему известно о денежных затруднениях её мужа. Многозначительно улыбнувшись, да так, что Маргариту едва не вывернуло от отвращения, он пообещал щедро вознаградить её и помочь восстановить пошатнувшееся положение Карружей, если она станет более податливой.

Столь откровенный торг, с предложением денег за оказание интимных услуг, по слухам, был для сквайра стандартным способом охмурения.

Только с Маргаритой он не сработал.

Хотя она была обездвижена и напугана до полусмерти, у неё достало смелости бросить в лицо сквайру, что не нуждается в его деньгах и никогда ему не подчинится. Произнеся это, она принялась отчаянно вырываться из его цепких объятий.

Видя, что у него нет ни малейшего шанса уломать Маргариту, сквайр оставил всякие попытки уговорить её. Улыбка на его лице сменилась звериным оскалом.

— Ты пойдёшь со мной наверх, и плевать, хочешь ты того или нет, — пригрозил он. Сквайр кивнул в сторону Лувеля, и тот подошёл к двери, чтобы задвинуть засов.

Теперь Маргарита поняла преступные намерения гостей и принялась звать на помощь.

— Haro! Aidez-moi! Haro! (Аро! Помогите! Аро!)[{7}]

Но никто не услышал криков Маргариты. По крайней мере, никто не пришёл ей на помощь. Николь забрала всех слуг с собой в Сен-Пьер-сюр-Див. А за толстыми каменными стенами и

{7} Комментарии: 7

По закону окрик «Аро!» или поднятые «крики и вопли» расценивались, как требование преступнику прекратить противозаконные деяния, и обязывал любого услышавшего крики прийти на помощь жертве преступления.

запертыми дверьми вопли Маргариты вряд ли были услышаны в соседней деревушке, где замёрзшие селяне забились в свои лачуги, поближе к очагу.

Не обращая внимания на крики жертвы, словно зная, что никто не придёт к ней на помощь, двое мужчин потащили Маргариту к лестнице. В отчаянии она ухватилась за тяжёлую придверную скамью, пытаясь удержаться на месте. Но мужчины оторвали её от скамьи и, заломив ей руки, потащили прочь.

Когда они волокли её к лестнице, Маргарите удалось вырваться, и она рухнула на каменный пол. В отчаянии она громко поклялась, что расскажет мужу о совершённом насилии, и он со своими друзьями отомстит за неё.

Не обращая внимания на столь грозное предупреждение, Ле Гри яростно схватил её за руки и рывком поставил на ноги, а Лувель сзади обхватил Маргариту за талию. Вдвоём они вынудили её подняться по каменным ступеням, в то время как она не прекращала кричать и вырываться.

Когда им наконец удалось втащить Маргариту наверх, Лувель помог хозяину втолкнуть её в ближайшую комнату и закрыл за ними дверь, оставив сквайра наедине с Маргаритой.

Ле Гри нагнулся, чтобы расшнуровать башмаки, а Маргарита, мгновенно воспользовавшись этим, вырвалась и, подбежав к окну, отчаянно попыталась открыть его и позвать на помощь. Сквайр вскочил и бросился к ней.

Отпрыгнув от окна, Маргарита кинулась к двери в противоположном конце комнаты, пытаясь скрыться за ней.

Но Ле Гри в несколько скачков пересёк комнату и, перепрыгнув через кровать, перекрыл Маргарите путь к отступлению.

Ле Гри сгрёб Маргариту в охапку и грубо швырнул на кровать. Сдавив ей горло одной лапищей, другой — он расшнуровал башмаки и стянул штаны. Маргарита отчаянно брыкалась и пиналась, но сквайр так плотно сжимал её шею, что свет померк у неё в глазах, и ей показалось, он вот-вот сломает ей позвонки.

Склонившись над кроватью, Ле Гри сорвал с Маргариты накидку и задрал ей юбки. Но едва он разжал пальцы на шее женщины и навалился на неё, она принялась так усиленно извиваться, что справиться с ней одному было уже невозможно.

Крича и ругаясь, что не видал ещё такой строптивой бабы, Ле Гри громко позвал своего сообщника:

— Лувель!

Дверь распахнулась ,и в комнату вбежал Лувель.

Схватив Маргариту за руки и за ноги, они бросили её на кровать лицом вниз. Маргарита, измученная неравной схваткой, чувствовала, что её покидают силы. С помощью каких-то верёвок или разорванной на полоски ткани, которые они не то нашли в комнате, не то предусмотрительно принесли с собой, мужчины связали непокорную жертву.

Но даже привязанная к кровати, Маргарита продолжала кричать и звать на помощь. И тогда, чтобы заставить её замолчать, сквайр сорвал с головы свою кожаную шапку и затолкал ей в рот.

Связанная и с кляпом во рту, Маргарита едва могла сделать вдох. Измученная длительной неравной борьбой, почти лишённая воздуха, она чувствовала, что силы уже на исходе, ей казалось, что ещё чуть-чуть, и она задохнётся.

СЦЕНА ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Мужчина крепко держит женщину, обнажённый меч у него на поясе прозрачно намекает на то, что будет дальше. Романтика Роз, миниатюра. Бодлеанская библиотека, Оксфордский университет, MC. Дус 195, фол. c61.

Лувель встал рядом на страже, Маргарита сопротивлялась, как могла, несмотря на путы и кляп во рту, сквайр же совершал над ней грязное насилие, «удовлетворяя свою похоть против её воли».

Когда всё закончилось, Ле Гри приказал слуге освободить Маргариту. Лувель, всё это время на-

ходящийся в комнате, подошёл к кровати, чтобы развязать её, осторожно ослабляя веревки или полоски ткани, выполнявшие роль пут.

Освобождённая Маргарита так и осталась лежать на кровати, сотрясаясь в рыданиях и прижимая к телу разорванное платье.

Застегнув ремень и зашнуровав обувь, Ле Гри потянулся к кровати, чтобы забрать шапку, всё ещё тёплую и влажную от слюны Маргариты.

Сквайр расправил шапку и хлопнул ею по бедру, сверху вниз глядя на жертву.

— Мадам, если вы проболтаетесь о случившемся, то будете навеки обесчещены. Если об этом проведает ваш муж, то, скорее всего, убьёт вас. Храните молчание, и я тоже обещаю молчать.

Маргарита не отвечала, потупив взор.

— Я буду молчать, — наконец, после длительной паузы промолвила она срывающимся голосом.

Сквайр с облегчением выдохнул.

Маргарита гордо подняла голову и зло сверкнула глазами в сторону сквайра.

— Но не надейтесь, долго это не продлится, — презрительно добавила она.

Сквайр сердито посмотрел на неё сверху вниз.

— Шутки в сторону, Маргарита. Вы здесь одна, а у меня куча свидетелей, которые могут поклясть-

ся, что сегодня я был в другом месте. Можете быть уверены, я не оставил следов.

Сквайр достал из-за пояса небольшой кожаный кошель, тот мягко звякнул в его ладони.

— Вот, — произнёс он, швыряя кошель на постель рядом с Маргаритой.

Маргарита потрясенно смотрела на него сквозь слёзы.

— Мне не нужны ваши деньги! — выкрикнула она. — Я требую справедливости, и я её добьюсь! — Схватив кошель, она запустила им в сквайра. Звякнув, кошелёк приземлился на полу у ног насильника.

Ле Гри ничего не ответил. Подняв кошель, он сунул его за пояс и принялся натягивать перчатки.

— Может, влепить ей пощёчину для острастки, сир? — подал голос Лувель.

Внезапно Ле Гри резко развернулся и изо всех сил хлестнул сообщника по лицу кожаной перчаткой. Ошарашенный Лувель так и застыл на месте с открытым ртом, схватившись за кровоточащую щёку.

— Убери свои грязные лапы от дамы, — прорычал Ле Гри.

Произнеся эти слова, он вышел и скрылся за дверью. Лувель, стараясь не встретиться с Марга-

ритой взглядом, выскользнул из комнаты вслед за хозяином.

Маргарита слышала, как их шаги гулким эхом разносятся по коридорам опустевшего замка, затем скрипнула распахнутая дверь и с грохотом закрылась. У Маргариты, измученной и подавленной выпавшими на её долю испытаниями, не осталось сил даже подняться с постели. Она лишь слышала, как хрустит гравий под сапогами чужаков внизу, во внутреннем дворе. Шаги постепенно стихли, и она вновь осталась одна в объятиях тишины.

В наши дни люди мыслят стереотипами о мрачном Средневековье, где насилие было едва ли не нормой жизни и даже за преступление не считалось. Это так, порой средневековые жертвы изнасилования были вынуждены вступать в брак со своими насильниками, спасая себя от бесчестья, а их — от смерти. А семейное насилие и вовсе не считалось чем-то противозаконным, ведь никто не избавлял жён от исполнения супружеских обязанностей, и двенадцатилетним девушкам, выданным замуж за мужчин в несколько раз старше себя, следовало быть готовыми к тому, что мужья востребуют с них этот должок. В военное время многие женщины подвергались насилию,

как, например, французские дворянки во время Жакерии — массового восстания в конце 1350-ых годов, или пленные бретонские монахини, изнасилованные английскими солдатами в 1380 году.

Однако средневековый свод законов и сохранившиеся протоколы судебных процессов показывают, что изнасилование считалось тяжким преступлением и каралось смертной казнью. Французский закон, распространяющийся и на Нормандию, обычно следовал римской практике, трактуя изнасилование, как насильственное половое сношение с лицами, не связанными брачными узами, караемое смертью{8}. Филипп де Бомануар, французский юрист XIII века, утверждает, что за изнасилование полагалось такое же наказание, как за убийство или измену, а именно: «волочение с последующим повешением». И даже в военное время полководцам частенько приходилось сдерживать пыл своих вояк, как это было с английскими солдатами, захватившими Кан в 1346 году. Им под страхом смертной казни были запрещены посягательства на честь любой горожанки, хотя многие военные этот приказ попросту проигнорировали.

{8} Комментарии: 8

В те времена «изнасилованием» (raptus) называли насильственный половой акт либо связанное с ним преступное похищение.

Отношение общества к изнасилованию сильно разнилось. Придворные поэты прославляли рыцарей, как защитников дамской чести, а феодальная аристократия рассматривала изнасилование, как «самое страшное преступление». В то же время, во многих поэмах и сказках рыцари волею судеб лишают девственности низкородных девиц, попавшихся им на пути. Якобы сам король Эдуард III в 1342 году изнасиловал графиню Солсбери (история довольно сомнительная, но имевшая в ту пору широкое хождение). Мало кто из средневековых дам осмеливался высказаться против мнения, что женщинам даже нравится, когда их берут силой. Кристина де Пизан в своей книге «Город дам» (1405 г.) писала, что «изнасилование не доставляет женщинам ни малейшего удовольствия. В действительности, изнасилование — величайшее горе для них».

Преследование и наказание за изнасилование зачастую зависели от социального статуса жертвы и её политического веса. Во Франции женщин, осуждённых за менее тяжкие преступления, вроде кражи, зачастую приговаривали к смертной казни, тогда как обвинённые в изнасиловании мужчины отделывались лишь штрафом — компенсацией, которая выплачивалась даже

не самой женщине, а её отцу или мужу. Потому что изнасилование считалось не столько сексуальным насилием над женщиной, сколько имущественным преступлением в отношении мужчины — её опекуна. Судебные документы тех времён показывают, что священнослужители, занимавшие церковные должности, неизмеримо чаще обвинялись в подобных преступлениях и зачастую избегали серьёзного наказания, заявляя о «привилегиях духовенства», которые давали им право быть судимыми не светским, а церковным судом.

Обстоятельства преступления, в том числе и отсутствие каких-либо свидетелей, зачастую затрудняли доказательства факта изнасилования в суде. И во Франции жертва женского пола, независимо от её социального статуса, не могла выдвинуть подобные обвинения без поручительства мужа, отца или опекуна мужского пола. Многие жертвы изнасилования отступали перед угрозами насильников навлечь бесчестье и позор на их семьи, предпочитая промолчать и не предавать преступление огласке. Поэтому, если в теории изнасилование и считалось тяжким преступлением, предусматривающим суровое наказание, то на практике оно часто оставалось

безнаказанным, не преследовалось по закону и даже не предавалось огласке.

Сразу же после жестокого нападения Маргарита осталась один на один со своей болью и позором: « в тот день, когда с ней случилось сие несчастье, мадам Карруж пребывала в замке в полубессознательном состоянии, не зная, как заглушить своё горе». В те жуткие часы одиночества, должно быть, в голове Маргариты эхом отзывались слова сквайра, призывающие её хранить молчание. Скоро вернётся её свекровь вместе со слугами. Как же ей поступить?

Ле Гри угрожал Маргарите самым страшным позором для женщины её положения. Среди знати на первом месте была честь, хуже смерти считалось только бесчестие. Особо ценилась женская честь — репутация верной, целомудренной жены. Угрозы Ле Гри особо уязвили Маргариту, ведь измена её отца французскому королю нанесла тяжёлый удар по доброму имени Тибувилей. Возможно, угрожая, сквайр и рассчитывал на то, что её смутит это пятно на репутации семьи. Не исключено даже, что, намечая себе жертву, Ле Гри думал, будто забота о чести семьи гарантированно заставит Маргариту промолчать из боязни запятнать её снова.

Если Маргарита обвинит Ле Гри, ей будет трудно, а то и вовсе невозможно доказать преступление. Помимо нехватки улик, у сквайра имелось ещё одно преимущество, он был фаворитом графа Пьера и мог рассчитывать на то, что суд в Аржантане встанет на его сторону, а вот Маргариту, дочь предателя и жену самого несносного графского вассала, непременно заподозрят во вранье. Ле Гри также имел влияние при королевском дворе и числился одним из личных сквайров государя. Если же дело рыцаря и его жены будет рассматривать светский суд, то Ле Гри, имевший духовный сан в малоизвестном ордене, мог сослаться на привилегии духовенства и ходатайствовать о переносе дела в церковный суд.

Кроме того, Ле Гри предупредил Маргариту, что Карруж может убить её, если она расскажет ему об изнасиловании. Ревнивый, подозрительный и вспыльчивый рыцарь вряд ли поверит ей, а вместо этого может вообразить, будто она тайно изменяет ему с Ле Гри или каким-либо другим мужчиной. В ярости мужья порой убивали своих благоверных, заподозрив их в прелюбодеянии, и даже выходили сухими из воды, ведь преступление в порыве страсти оправдывалось недостойным поведением супруги. Ли Гри на

собственной шкуре испытал, насколько ревниви подозрителен Жан, и, вероятно, подозревал, что со своей супругой Карруж тоже не особо церемонится. Возможно, Ле Гри имел все основания полагать, что Маргарита побаивается мужа, и рассчитывал сыграть на этих страхах, советуя ей промолчать.

Однако, несмотря на угрозы насильника и весьма туманные перспективы добиться справедливости, Маргарита отказалась отступить перед лицом скандала и прочих опасностей, которые повлечёт за собой огласка. Вскоре после нападения она, желая отомстить сквайру, приняла решение открыться мужу, едва тот вернётся домой. Она прекрасно запомнила час, когда Жак Ле Гри заявился в замок. Запоминая важные детали, Маргарита готовилась не только к неизбежным допросам членов своей семьи, но и к ужасающему публичному порицанию, которое наверняка её ждёт, когда эта позорная тайна получит огласку{9}.

Молчание Маргариты, которого так добивался Ле Гри после совершённого насилия, продлилось

{9} Комментарии: 9

Возможно, Маргарита полагалась на собственную память, ведь, даже если она умела читать, то не обязательно была обучена письму, которому большинство грамотных людей никогда не обучались.

всего несколько дней, пока Жан де Карруж не вернулся из Парижа, 21 или 22 января. В день преступления, спустя несколько часов после того, как двое нападавших покинули Капомесниль, госпожа Николь вернулась из своего короткого путешествия в Сен-Пьер-сюр-Див. Но свекровь Маргариты была последним человеком на земле, которому бы она доверила ужасную тайну. В результате, испытывая, должно быть, величайший стресс и смятение, Маргарита молчала вплоть до возвращения мужа.

Вернувшись в Капомесниль, Жан застал жену подавленной и в расстроенных чувствах — «печальную, вечно плачущую без причины, угрюмую, удручённую, совсем не такую, как обычно». Вначале он заподозрил, что между ней и матерью случился разлад. Все три недели отсутствия Жана, за исключением того злополучного дня, Маргарита провела бок о бок с госпожой Николь, и вполне естественно было предположить, что меж ними пробежала чёрная кошка.

Маргарита отказывалась открыться мужу, пока они не остались наедине. «Прошёл день, опустилась ночь, и сир Жан отправился спать. Супруга не пожелала лечь вместе с ним, чему её муж несказанно удивился и начал допытываться о

причинах такого поведения. Она отстранилась от него и принялась в глубоких раздумьях расхаживать по комнате взад-вперёд. Наконец, когда все уснули…» (а в замке или в поместье, даже лёжа в постели, сеньор и его жена не могли по-настоящему быть уверенными, что их не подслушивают вездесущие слуги) «…она подошла к мужу и, опустившись перед ним на колени, со слезами в голосе поведала о трагическом происшествии».

Маргарита не торопилась лечь с мужем в постель (на которой, возможно, над ней жестоко надругались, связав по рукам и ногам), пока не представился случай рассказать ему о случившемся. После нескольких недель разлуки Жан, вероятно, жаждал снова оказаться в постели с женой. Однако Маргарита уж точно этого не желала. Кроме того, возможно, после жестокого нападения на её теле оставились ссадины и синяки. В Средние века было принято, чтобы все, включая господ, спали в супружеской постели нагишом, и прежде чем предстать перед мужем в столь плачевном виде, Маргарита, вероятно, желала объясниться. А главное, Маргарита сохранила определенный контроль над ситуацией, рассказав свою историю в то время и при тех обстоятельствах, которые она сама выбрала..

Жан слушал, вначале с изумлением, затем — с возмущением, пока Маргарита, заливаясь слезами, посвящала его в «детали этого грязного, жестокого и преступного деяния», жертвой которого она стала. Закончила она мольбой об отмщении ради спасения собственной чести. Маргарита понимала, что сейчас самое время проверить на прочность брачные обеты, данные перед алтарём, любое посягательство на честь и репутацию одного из супругов неминуемо нанесёт урон обоим. Кроме того, она знала, что в соответствии с феодальным правом, её заявления не имеют никакой юридической силы без поддержки и покровительства мужа.

На следующее утро Жан де Карруж созвал своих родных и друзей на тайный совет. У рыцаря было достаточно поводов ненавидеть Ле Гри и подозревать его в очередной подлости. Уверенный, что Ле Гри ещё при дворе замышлял против него недоброе, Жан, вероятно, охотно поверил в рассказ жены о насилии, совершённом над ней сквайром. Но преждевременное и бездоказательное обвинение фаворита графа Пьера, особенно после всех этих тяжб рыцаря со своим сюзереном, могло лишь усугубить и без того шаткое положение Жана при дворе. Ценный совет, полученный

от близких, мог предотвратить превращение столь деликатного дела в позорное и, возможно, провальное публичное судилище.

Совет, состоявшийся в Капомесниле, несомненно, включал Николь де Карруж и, возможно, двоюродного брата Маргариты Робера де Тибувиля, недавно вернувшегося вместе с Жаном из Шотландии, а также прочих друзей и родственников вроде Бернара де Ла Тура, рыцаря, женатого на родной сестре Карружа. Там также мог присутствовать Томин дю Буа, ещё один двоюродный брат Маргариты. Когда все прибыли в замок, недоумевая, зачем их вызвали столь спешно и тайно, Жан собрал всех в одной комнате. «Объяснив причину, побудившую собрать их вместе, он попросил жену рассказать о случившемся в мельчайших подробностях».

Маргарите вновь пришлось рассказать о выпавших на её долю испытаниях, на этот раз перед друзьями и родственниками, снова переживая все болезненные и унизительные моменты совершённого над ней насилия. Полнота и точность рассказа были чрезвычайно важны, поскольку закладывали основу для публичных слушаний , на которых следовало присутствовать инициаторам судебного процесса. В некотором смысле,

семейный совет был своего рода предварительным судебным слушанием.

Когда Маргарита закончила рассказ об учинённом над ней жестоком насилии, «собравшиеся были немало удивлены». Если семья Маргариты сразу же ей поверила, то некоторые родственники рыцаря, вероятно, отнеслись к её рассказу с недоверием. У Тибувилей была репутация предателей, а тут дочь предателя только что поведала невероятную историю о том, как несколько дней назад, оставшись одна в замке, подверглась нападению двух мужчин и была жестоко изнасилована, причём насильником был не кто иной, как Жак Ле Гри. Сама госпожа Николь до сего часа и не ведала о преступлении, свершившемся прямо у неё под носом за время столь краткого отсутствия. Возможно, она и другие члены совета задали Маргарите несколько наводящих вопросов. Например, где именно и когда всё произошло, как долго эти двое находились в замке, и зачем вообще она открыла им дверь?

Но когда Маргарита ответила на все вопросы и Жан наконец спросил у совета, как ему поступить, они порекомендовали «пойти к своему сюзерену, графу Алансонскому и рассказать ему о случившемся». Согласно феодальным законам, сюзерен

был ответственен за разрешение споров между вассалами, поэтому единственным местом для рассмотрения данного дела был суд графа Пьера в Аржантане. Конечно, все понимали, что вряд ли граф Пьер будет рад уголовному преследованию своего фаворита. Реакцией графа на эту удивительную историю может быть явное недоверие, гнев, а то и репрессии. Не успели Карруж и Ле Гри уладить предыдущие распри, а тут как снег на голову очередной, более серьёзный спор, и если он получит огласку, то несомненно сделает их смертельными врагами. И в этом споре граф Пьер наверняка примет сторону своего фаворита.

Однако, несмотря на сомнительные шансы на справедливый суд графа Пьера, у рыцаря была ещё одна неоспоримая причина требовать правосудия и мстить сквайру.

Вскоре после того, как Жан вернулся из Парижа и узнал об учинённом над женой насилии, Маргарита поведала ещё один секрет, который доселе не решалась открыть: она была беременна.

Эта новость, вероятно, поразила Жана как удар молнии. Первые пять лет брака у супругов не было детей, и рыцарь заждался наследника. При иных обстоятельствах весть о беременности Маргариты обрадовала бы его. Но теперь это

стало новой головной болью, вдобавок к пошатнувшемуся здоровью, финансовым проблемам, карьерным неудачам и грязному надругательству, учинённому над его супругой одним из придворных, да к тому же бывшим другом.

Кто отец этого ребёнка?

5

ВЫЗОВ

В конце января 1386 года граф Пьер Алансонский был просто взбешён очередным известием. До него дошла молва, что Жан де Карруж, один из его самых беспокойных вассалов, распространяет грязные слухи о графском фаворите Жаке Ле Гри, утверждая, будто тот вместе с сообщником напал на мадам Карруж (которая случайно осталась одна в замке) и жестоко её изнасиловал. Нападки рыцаря привели графа в ярость. Учитывая их взаимную неприязнь, как мог Карруж рассчитывать, что кто-нибудь поверит в эту «нелепую байку»?

Услышав эту сплетню, граф Пьер немедленно начал следствие. Он вызвал ко двору двух уважаемых дворян и подробно расспросил их об этой дикой истории с участием благородной дамы и сквайра. Одним из дворян был сир Бернар де Ла Тур, шурин Жана, второй — Жан Креспен, сквайр, королевский лесничий, в доме которого более года назад состоялось мнимое примирение

Карружа с Ле Гри, и где последний впервые встретился с Маргаритой. Оба дворянина состояли в приятельских отношениях с Жаном де Карружем и кое-что знали о его делах.

Опрошенные графом дворяне, согласно более поздним свидетельствам, «подтвердили, что упомянутый рыцарь и Маргарита многократно и в разных местах упоминали о некоем грязном преступлении на сексуальной почве со стороны упомянутого сира Жака», Креспен и Ла Тур также сообщили, что рыцарь и его жена собираются явиться к графу с жалобой, требуя справедливого суда.

Граф Пьер ответил, что готов выслушать Жана и Маргариту, поскольку в его обязанности входит разрешение споров между вассалами. С этой целью он созвал всех придворных, «всех прелатов, рыцарей, членов местного совета и прочих уважаемых людей». Некоторые прелаты ведали правовыми вопросами, прочие священнослужители, возможно, вели протоколы судебных заседаний (хотя ни один из них не дошёл до наших дней).

Слушания проходили в Большом зале дворца графа Пьера, украшенном роскошными коврами и гобеленами, обставленном тяжёлыми деревян-

ными скамьями, именно там граф предпочитал держать суд. В назначенный день в зале яблоку было негде упасть из-за многочисленных придворных, священнослужителей и прочей знати. Слухи о жестоком нападении на благородную даму и гневных обвинениях, выдвинутых рыцарем против сквайра, выплеснулись за пределы Аржантана, распространившись по всем владениям графа. Поэтому зал был переполнен зеваками, не побоявшимися трескучих морозов, лишь бы узнать, есть ли хоть капля правды в этих диких слухах, будоражащих население.

Ни для кого не было секретом, что Жак Ле Гри ходил у графа в любимчиках. Однако многим сеньорам приходилось жертвовать собственными предпочтениями, разрешая споры между вассалами. В данном случае вряд ли граф Пьер был беспристрастным судьёй, хотя закон обязывал его быть максимально справедливым.

Но этим проблемы не исчерпывались. После того как граф вызвал свидетелей, дабы расследовать скандальные слухи, после того как он принял на рассмотрение жалобу Жана и Маргариты на Жака Ле Гри и созвал суд по делу, рыцарь и его супруга не явились в означенный день.

Возможно, отсутствие супружеской четы на

суде и довольно скудные показания о предполагаемом преступлении сподвигли графа на следующий шаг. Он приказал арестовать Адама Лувеля, предполагаемого сообщника сквайра, и бросить его в тюрьму для допроса. Затем на основании имеющихся сведений граф обсудил со своими придворными выдвинутые против сквайра обвинения и вынес вердикт.

Суд под председательством графа Пьера постановил «признать упомянутого Жака полностью невиновным и отпустить за отсутствием состава преступления». Отменив уголовное преследование сквайра, граф вычеркнул его имя из протокола, приказав «больше не возвращаться к этому вопросу». Граф Пьер также заподозрил Маргариту в клевете на сквайра, намекнув, что, солгав об изнасиловании, она, видимо, «выдала желаемое за действительное».

Когда известие о вердикте суда дошло до Капомесниля, отрезанного от Аржантана двадцатью пятью милями непролазных зимних дорог, Маргарита, возможно, даже не удивилась, хотя поначалу, вероятно, и была в отчаянии от несправедливого решения суда. Всё ещё пребывая в уединении после учинённого над ней жестокого насилия, она, без сомнения, пришла в ярость,

узнав, что Ле Гри оправдан, а граф Пьер фактически обвинил её во *лжи*. Впрочем, возможно, эта новость придала ей решимости отомстить, как она и поклялась Ле Гри в тот ужасный день.

Что же до рыцаря, то если эта новость и не удивила его, то наверняка разъярила. Вынесенный графом вердикт был не только насмешкой над правосудием, но и самым ужасным из оскорблений, которым Жан подвергся при дворе графа Пьера. Это известие, хоть и было получено им дома, в приватной обстановке, фактически стало публичной пощёчиной.

Впрочем, на что вообще рассчитывала эта парочка, не явившись в означенный день на суд, где Жан лично мог бы предъявить обвинения, подкреплённые показаниями Маргариты, данными под присягой? Может, их остановила внезапно обострившаяся болезнь Жана? Или сама Маргарита не смогла предстать перед судом после тяжёлых испытаний? Может, они намеренно решили отстраниться, поскольку не были уверены в справедливом решении суда? Или просто опасались за свою жизнь из-за угроз со стороны разъярённых родственников сквайра? А возможно, их отсутствие было частью хитроумного плана: навязать суду несправедливый вердикт,

чтобы затем обратить его себе на пользу?

Закон гласил, что вассал, считающий, что сюзерен вынес несправедливый вердикт по его делу, имеет право подать апелляцию. Поскольку граф Пьер был вассалом короля Франции, рыцарь мог подать апелляцию непосредственно в королевский суд в Париже. Карруж проиграл суд при дворе графа Пьера, но, если король согласится рассмотреть его дело, у Жана появится шанс добиться справедливости и для себя, и для супруги.

Граф Пьер, похоже, предвидел следующий шаг рыцаря. Торопясь помешать ему подать апелляцию, он немедленно отправил в Париж письма, в которых сообщал королю о вынесенном вердикте, оправдывающем сквайра. Слухи о ссоре между Карружем и Ле Гри, возможно, уже распространились за пределы Нормандии и достигли Парижа, до которого от Аржантана было несколько дней езды, ведь там у обоих имелись влиятельные друзья. Но, по-видимому, весть об этом событии достигла королевского двора именно благодаря графу.

Жан де Карруж уже однажды оспаривал завещание графа Пьера в королевском суде, во время тяжбы за Ону-ле-Фокон. Но ссора из-за предполагаемого изнасилования сквайром супруги Жана

была гораздо более серьёзным делом, а это значительно поднимало ставки. Граф Пьер уже успел люто возненавидеть Карружа, посмевшего обвинить его любимца, поэтому старался помешать процессу. Неповиновение рыцаря подставляло под удар не только самого Карружа, но и его супругу. В ходе судебных разбирательств граф «приходил в такую ярость от упрямства рыцаря, что много раз готов был его убить».

В конце зимы или ранней весной 1386 года Жан де Карруж повторно отправился в Париж, скорее всего, уже после того, как они с Маргаритой вернулись домой. К тому времени Маргарита была на втором или на третьем месяце беременности. Если Жан вновь покинул жену, неизвестно, намеревался ли он сам потом её забрать или послать за ней надёжного человека, но в этот раз он оставил Маргариту под серьёзной охраной такого верного ему человека, как Робер де Тибувиль. Шли дни, и путешествие в Париж становилось для беременной Маргариты всё более затруднительным, хотя в тёплое время года дороги просохнут, и она сможет путешествовать в экипаже.

Путь длиною в 150 миль от замка де Карруж до Парижа занял у рыцаря около недели, по дороге на восток через Се, Верней и Дрё — один из самых

популярных маршрутов из Нормандии в Париж, которым часто путешествовали купцы или гнали на убой в столицу скот.

Рыцарь понимал, что на то, как его примут при королевском дворе, будут влиять многие факторы: его прошлые заслуги перед королём, родовитость и мощная сеть дружеских связей и кровных союзов, формирующих дворцовую политику. На его счастье, семья Жана долго и преданно служила королям Франции. Сам Жан недавно сражался за короля в Британии, а также успел за эти годы поучаствовать во многих других кампаниях. Примерно двадцать лет назад, в 1364-м, он даже помогал королевской семье собрать часть выкупа за короля Иоанна.

Но Жак Ле Гри, хоть и был худородным, имел куда более обширные связи при дворе в Париже, поскольку служил сквайром у самого короля и присутствовал на высших государственных советах, проводимых в столице. Плюс ко всему, сквайр был в фаворе у графа Пьера, члена королевской семьи и двоюродного брата короля. Недавние письма графа государю — явная просьба о королевской протекции, которая ставила дело рыцаря под удар.

Были также проблемы и со стороны Маргари-

ты. Королевский двор наверняка не забыл, что жена Жана, краеугольный камень сего конфликта, была дочерью печально известного Робера де Тибувиля. Предательство сира Робера навеки запятнало имя Тибувилей. А с женитьбой на Маргарите пять лет назад тень этого позора упала и на самого Жана.

В итоге, когда Карруж прибыл в Париж, чтобы представить дело на рассмотрение королю, он планировал сделать смелое и довольно необычное заявление.

По французским законам дворянин, подающий королю апелляцию, имел право обжаловать решение суда, вызвав своего оппонента на судебную дуэль или поединок. Судебная дуэль, в отличие от дуэли чести, используемой для разрешения споров из-за предполагаемых оскорблений, была формальной юридической процедурой, определяющей, какая из сторон солгала под присягой. Многие были уверены, что этот поединок откроет истину, ибо его исход определяет Божья воля. Поэтому такая дуэль была также известна как «Суд Божий», или Judicium Dei.

Испытание боем было древним обычаем во Франции, особенно в Нормандии, поэтому и у Жана, и у Маргариты в роду имелись предки,

выступавшие поручителями или секундантами на судебных дуэлях. В раннем Средневековье люди всех социальных слоёв могли прибегнуть к судебному поединку, и потому наравне с дворянами публичные дуэли происходили между крестьянами и горожанами. В некоторых странах Европы даже женщинам позволяли драться с мужчинами на дуэлях. Дуэлями разрешались не только многие уголовные дела, но также гражданские и имущественные споры.

В гражданских делах стороны могли выставлять вместо себя на бой доверенных лиц, или «защитников». Но в уголовных делах обеим сторонам предстояло сражаться лично, поскольку расплатой за проигрыш обычно была смерть, а защитников могли выставлять лишь женщины, старики или немощные больные.

На протяжении веков дуэль была также формой апелляции, и любой недовольный приговором мог оспорить показания присягнувших против него свидетелей, доказав свою правоту в честном поединке. Даже дворяне, исполнявшие роль судей в местных сеньориальных судах, рисковали быть вызванными на дуэль своими обиженными вассалами.

Однако в позднем Средневековье подобные

дуэли стали редкостью. Папы осудили дуэли как искушение Господа, запрещённое Священным писанием. И короли воротили нос от такого способа разрешения споров, поскольку это ущемляло их собственную власть, которую они стремились вырвать из лап могущественных баронов и закрепить за своим троном.

К 1200 году дуэли начали исчезать во Франции из гражданских процессов, а в уголовных делах стали привилегией мужчин-дворян. В 1258 году Людовик IX исключил подобные дуэли из французского гражданского права, заменив их на «анкет» — формальное расследование, основанное на уликах и свидетельских показаниях. Но всё это по-прежнему оставляло дуэль в качестве последнего довода для дворянина, желающего обжаловать приговор своего сюзерена в делах уголовного характера.

В 1296 году король Филипп IV полностью запретил дуэли во время войн, потому что судебные дуэли лишали королевство живой силы, столь необходимой для противостояния противнику. В 1303 году Филипп и вовсе объявил дуэль вне закона даже в мирное время. Но дворяне Филиппа так возмутились отменой своей привилегии, освящённой веками, что три года спустя король

смягчился, восстановив судебную дуэль, как форму апелляции по некоторым уголовным делам, включая изнасилование, но теперь лишь под прямой юрисдикцией короля.

Указ 1306 года всё ещё действовал восемьдесят лет спустя, когда Жан де Карруж отправился в Париж, чтобы обжаловать приговор графа Пьера, хотя к тому времени судебные дуэли уже и были в диковину. Чтобы претендовать на дуэль, дело должно было соответствовать четырём условиям. Во-первых, преступление должно быть серьёзным, например, убийство, измена или изнасилование. Во-вторых, следовало убедиться в самом факте преступления. В-третьих, все другие средства правового урегулирования должны быть исчерпаны, и единственным доводом оставалась дуэль — «испытание поединком». И в-четвёртых, о вине подозреваемого должны свидетельствовать неопровержимые улики.

Помимо юридических препонов, вызов на дуэль был довольно рискованной стратегией, вынудившей рыцаря существенно повысить ставки. Жан де Карруж ставил на кон не только собственную жизнь, но также имущество, честь семьи и даже спасение бессмертной души, потому что ему предстояло произнести торжественную

клятву, согласно которой он будет проклят, если окажется лжецом по результату поединка.

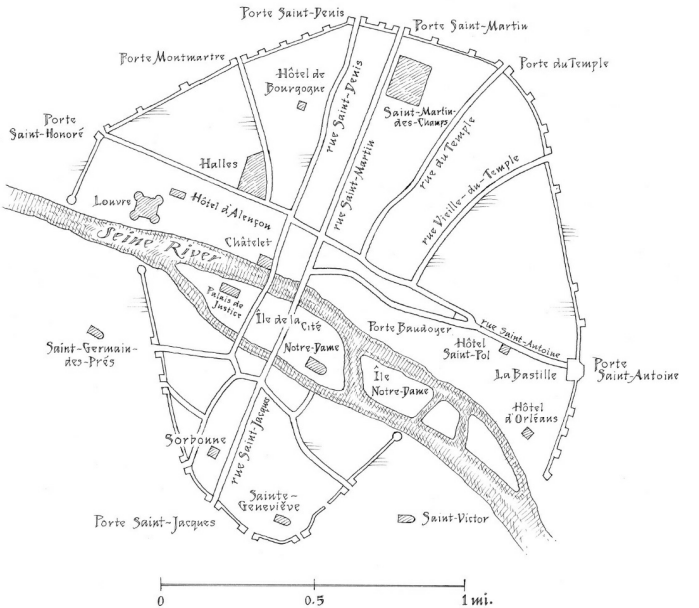
Жан ставил под угрозу и жизнь своей супруги, ведь Маргарита проходила главным свидетелем по делу. Ей придётся присягнуть перед судом, обвиняя Жака Ле Гри, и если Жан потерпит поражение на дуэли, как защитник Маргариты, то её тоже назовут лгуньей. С древних времён лжесвидетельство считалось тяжким преступлением. Если судебная дуэль подтвердит, что Маргарита лжесвидетельствовала под присягой, обвиняя невиновного в изнасиловании, она будет предана смерти.

Но взвесив вероятные шансы добиться справедливости в поединке и связанные с этим серьёзные риски, Жан де Карруж на тот момент, видимо, осознавал, что лишь смертельная дуэль позволит ему отомстить за ужасное преступление против жены, доказать виновность Жака Ле Гри и отстоять честь супруги. Возможно, он верил, что Господь на его стороне и не позволит ему пасть в этой битве. На что бы ни надеялся рыцарь, направляясь в Париж по разбитым непогодой дорогам Нормандии, он ехал навстречу событию, которое окажется самым рискованным приключением в его жизни.

В 1386 году Париж был самым крупным городом Европы, с населением более ста тысяч человек. И хоть тогда его площадь за стенами составляла не более трёх квадратных миль, что кажется ничтожным рядом с сегодняшними двадцатью квадратными милями с гаком, средневековый Париж был шумным, многолюдным, зловонным и опасным местом. Окружённый стенами и рвами от неприятельских армий (в особенности от английских оккупантов) город будоражили толпы бунтовщиков, мятежные войска, неуправляемые школяры и невероятно расплодившиеся преступники, которые охотились на всех прочих. К северу от городских ворот возвышался печально известный холм Монфокон, где на гигантской, высотой почти двенадцать метров каменной виселице гроздьями были развешаны преступники всех мастей, и их разлагающиеся тела болтались там неделями, все прочим в назидание.

В центре Парижа протекала река Сена — самая крупная водная артерия города и, по совместительству, его главная канализация. Её зловонное течение непрерывно бурлило вокруг Сите, центрального острова города, вместилища величайших святынь христианского мира. С одной стороны высился гигантский собор Нотр-Дам,

две внушительные квадратные башни которого были достроены всего столетие назад, в 1275 году. В то время собор служил резиденцией епископа Парижского. На другом конце острова устремлялся в небо изящный шпиль Сен-Шапель, пышного реликвария из позолоченного камня и цветного стекла, построенного в 1240-ых годах Людовиком Святым для демонстрации драгоценных реликвий, привезённых из Святой земли, среди которых были терновый венец Христа и частица истинного креста Господня. Неподалёку возвышался Дворец правосудия, где размещался парижский Парламент, высший королевский совет.



ПАРИЖ В 1380-ом.

Жан де Карруж жил рядом с дворцом Сен-Поль (Восточная часть), а Жак Ле Гри — во дворце Алансон (Запад), близ Лувра.

К югу от реки располагался Парижский университет, самое знаменитое учебное заведение в Европе. Здесь облачённые в мантии доктора наук излагали Аристотеля и Фому Аквинского на

латыни, главенствующем языке всех лекций в средневековые времена; а студенты, свободные мужчины различных национальностей, заполняли улицы, таверны и бордели, расцвечивая их пёстрым многоязычием. Время от времени они бунтовали против лавочников, возмущённые грабительскими ценами, либо дрались друг с другом, разбившись на национальные группировки. Немцы кидались в итальянцев лошадиным навозом с мостовых, а англичане забрасывали шотландцев дровами, выдернутыми из сложенных на улицах поленниц.

На главных улицах, что пронизывали город, ведя путников к дюжине городских ворот в мощных крепостных стенах, возвышались величественные каменные дворцы, принадлежащие знатным семействам, высокопоставленным церковникам, а то и просто городским купцам-толстосумам. Эти частные владения с огороженными высокими каменными стенами садами защищали сильных мира сего от шумных городских толп, посягающих на их утончённый вкус. Множество подобных зданий сгрудилось близ Лувра, массивной каменной крепости, защищающей город с запада. Одним из них был особняк Алансон, принадлежавший семье графа Пьера.

От широких пересекающих город улиц разбегались, сплетаясь в паутину, нити многочисленных улочек и переулков с плотной застройкой — длинными деревянными или каменными домами в четыре-пять этажей. Там в тесных комнатах ютились многочисленные семьи, прямо над своими лавками, расположенными на нижних этажах. Мусор и помои выплёскивались из окон прямо на булыжные мостовые, либо в грязь ещё не мощёных улиц, под колёса проезжающих мимо повозок. Рассыпавшиеся по всему городу десятки церквей и часовен (по одной на каждый приход или гильдию) гордо возносили ввысь свои шпили над укутывающим город покрывалом дыма и смрада. Неподалеку от города, в полях, либо среди пригородных садов, располагалось несколько крупных монастырей, как, например, Сен-Жермен-де-Пре к югу от столицы, обнесённый собственной стеной для защиты от воров и разбойников. Другие, вроде Сен-Мартен-де-Шан, что на севере, были поглощены непрерывно разрастающимся городом, и теперь находились за его новыми стенами, которые начали строить ещё в 1356 году, а завершили лишь три года назад, в 1383-м.

Приехав в Париж, Жан де Карруж первым делом

обратился за консультацией к адвокату. Любому дворянину, участвующему в судебных тяжбах, следовало нанять опытного адвоката, особенно если он намеревался вызвать противника на судебную дуэль. Интересы Жана представлял адвокат Жан де Бетизи, которому помогал бейлиф (судебный пристав), нанятый Пьером д'Оржемоном, могущественным епископом Парижским.

Адвокаты, без сомнения, предупредили рыцаря о законах, ограничивающих судебные дуэли, а также о том, что его шансы встретиться в честном поединке с Жаком Ле Гри ничтожно малы, и, возможно, отговаривали от столь рискованного шага.

Однако Карруж твёрдо стоял на своём, и адвокатам пришлось описать все прелести сложного и утомительного судебного процесса, в который ему предстояло с головой окунуться.

Первым шагом была первоначальная апелляция. На официальных слушаниях истец, именуемый «апеллянт», обвинял подсудимого или ответчика, объясняя причину своего обращения в суд, и требовал доказать свою правоту в честном бою, или «испытании поединком», как это тогда называлось. Ответчик на этом слушании присутствовал не всегда, но даже его побег

или исчезновение не лишали апеллянта права на судебную защиту.

Вторым шагом был официальный вызов, отдельная церемония, требующая присутствия представителей обеих сторон, где апеллянт очно обвинял ответчика и предлагал доказать свои обвинения в бою, «ручаясь собственной головой». При вызове каждую сторону должно было сопровождать определённое число дворян-поручителей. Поручители давали клятву проследить, чтобы обе стороны исправно являлись на вызовы в суд или на ристалище, в случае объявления дуэли.

Если апелляция подавалась лично королю, то сам вызов требовал одобрения парижского Парламента, состоящего из тридцати двух магистратов. Парламент, также известный, как Королевская курия, или королевский суд, обладал правом высшей юрисдикции по всем дуэлям, решая в каждом конкретном случае, насколько оправдан поединок. Официальный вызов в парижский Парламент — дело не скорое, но стоило подготовиться заблаговременно, чтобы обеспечить присутствие всех важных персон, включая короля и его магистратов, истца с ответчиком, а также их адвокатов и поручителей.

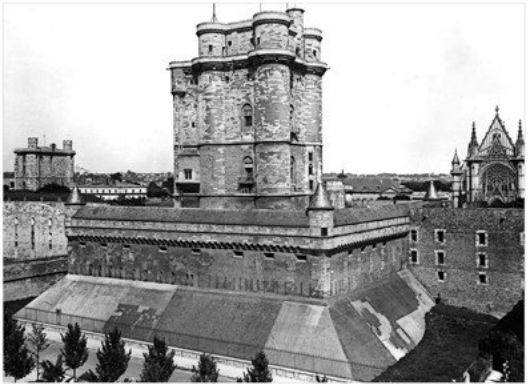
Королевский указ 1306 года представлял собой довольно обширный формуляр — тщательно разработанный протокол, регулирующий все аспекты судебной дуэли, включая начальную апелляцию, официальный вызов, а также торжественные клятвы и прочие церемонии, предшествующие непосредственно поединку. С того момента, когда Жан де Карруж решил отстоять своё право на судебную дуэль, он был связан строгими правилами и процедурами королевского указа.

Для подачи апелляции рыцарь в сопровождении одного или нескольких адвокатов отправился в Венсенский замок, королевскую резиденцию, расположенную в обширных охотничьих угодьях несколькими милями восточнее столицы. У короля было множество резиденций в Париже и в его окрестностях, включая древнюю цитадель королей Лувр; дворец Сен-Поль на окраине города, близ Бастилии; и королевские покои во Дворце правосудия на острове Сите. Но чаще короля можно было встретить в Венсене. Карл V построил эту мощную крепость после восстания парижан в 1358 году, а ныне его сын и приемник Карл VI держал здесь свой двор. Венсен, окружённый глубоким рвом, с девятью внушительными

сторожевыми башнями и двойным кольцом высоких крепостных стен, по сути, был городом, со своими лавками, кузницами, больницей и часовней — всем, что нужно государю, избегающему проживания в собственной столице.

Карружа знали во дворе после его недавнего январского визита в Париж, но он не мог заявиться к королю, когда ему заблагорассудится. Многочисленные стражники, придворные и челядь окружали государя днём и ночью, потому что на царственную особу часто совершались покушения. Не далее как прошлым летом, посланник Карла Злого, короля Наваррского, был пойман при дворе с зашитой в одежду склянкой яда, он собирался отравить молодого правителя и его дядьёв.

Подъехав к королевскому замку, Карруж остановился перед массивными воротами в его северной стене. Огромный ров двенадцатиметровой глубины и двадцатипятиметровой ширины прямо перед стенами, которые возвышались на двадцать метров и растянулись более чем на полторы мили, окружая крепость. В них были встроены массивные квадратные башни с дежурившими наверху стражниками.



ВЕНСЕНСКИЙ ЗАМОК

Жан де Карруж подал королю апелляцию в огромной крепости за пределами Парижа, в большой башне — донжоне. Зебергер, архивные фотографии, Коллекция. М.А.П. (с) CMN, Париж.

Карруж вместе с сопровождающими пересекли подъёмный мост, спешились и сообщили свои имена стражникам. Получив разрешение, они провели лошадей через проход, который мог быть мгновенно перекрыт опускавшейся сверху тяжёлой кованой решёткой.

Войдя в просторный двор, занимавший без малого шесть гектаров, они увидели слева старинную усадьбу Капетингов, а справа, на полпути

к западной стене форта, новую внушительных размеров крепость, воздвигнутую Карлом V в качестве главной королевской резиденции.

Огромная квадратная башня, или донжон, с четырьмя круглыми башенками возвышалась на пятьдесят метров, защищённая ещё одной крепостной стеной и рвом двенадцатиметровой глубины. Попасть туда можно было только по разводному мосту через ров. Этакая крепость в крепости, укомплектованная собственным гарнизоном. Оставив лошадей на конюшне, Карруж со своей свитой прошли к воротам и сообщили стражникам о цели визита. После недолгого ожидания в воротах донжона появился паж и препроводил их внутрь.

Огромная восьмиэтажная крепость, каменные стены трёхметровой толщины были укреплены железными прутьями общей длиной около мили, поддерживающими многочисленные арки и покои, — один из первых образцов армированной кладки в Европе. Замок был сердцем королевского двора, с парадными залами на нижнем этаже, покоями для членов королевской семьи на верхних и караульными помещениями почти под самой крышей. С высоты башни над раскинувшимися изумрудным пологом королевскими лесами

и рощами государь мог на много миль обозревать просторы своих владений, включая парижские купола и шпили в трёх милях западнее замка, а также пологие холмы в пойме Сены, с петляющей меж ними рекой, которая, пересекая город, несла свои воды дальше к морю. В одном из верхних этажей замка располагался роскошный личный кабинет, построенный Карлом V для хранения богатой коллекции иллюстрированных рукописей; а в мощной угловой башне находилась надёжно охраняемая королевская сокровищница, уставленная сундуками, полными золотых монет. На каждом этаже имелось отхожее место в просторной каменной башенке, прилепившейся к задней части крепости. Внутренний колодец и кладовые с запасом провизии страховали замок на случай долгой осады.

Паж провёл Карружа с адвокатом через анфиладу каменных покоев и дальше, вверх по винтовой лестнице в одну из башен, чтобы они встретились с Бюро де Ла Ривьером, главным королевским камергером, о котором говорили: «видеть его — всё равно что созерцать самого короля». Как только рыцарь посвятил сира Бюро в детали своего неотложного дела, ему тут же была предоставлена аудиенция у короля, в самые кратчайшие сроки,

если его величество не соблаговолит отбыть в Париж, либо его не отвлекут более важные дела, нежели поданный рыцарем иск.

Весной 1386 года король Карл VI, правитель всех французских земель, был ещё семнадцатилетним юношей. Корону он унаследовал в 1380 году от своего отца, всего одиннадцати лет от роду, и был марионеткой в руках своих амбициозных дядьёв, в особенности герцога Филиппа Бургундского. Вскоре Карл избавится от назойливой опеки и возьмет власть в свои руки. А пока податливый и неопытный юноша во многих вопросах управления государством, вроде увеличения и снижения налогов, развязывания войн, заключения мира и политических союзов, предпочитал следовать советам старших. Прошлым летом Карл даже женился на невесте, которую выбрали для него дядья, четырнадцатилетней Изабелле Баварской.

Отец нынешнего короля, Карл V, принимал посетителей каждое утро, после мессы в соседней часовне, либо позже, сразу после обеда. Но ещё совсем юный Карл VI, явно недовольный своей ролью верховного судьи Франции, выслушал дело рыцаря в Зале заседаний — Саль де Консей, пышных покоях, расположенных на втором этаже огромного замка.

Саль де Консей — зал со сводчатым потолком, обшитым панелями из балтийской древесины, ярко раскрашенные в голубой, красный и золотистый цвета арки расходились от единственной центральной колонны. Капитель колонны украшали резные каменные лилии, а свод над головой венчали медальоны с изображениями королей. Стены были задрапированы гобеленами с классическими и религиозными сюжетами. Главным украшением комнаты служил стоящий на низком постаменте королевский трон с богатым убранством в сине-золотых тонах. Вооружённые стражники стояли у арочных дверей, вытянувшись в струнку в присутствии дворян, прелатов и прочих придворных.

Представ перед королём, рыцарь вначале поклонился, а затем опустился на колени, чтобы изложить свою просьбу. Рядом с ним преклонил колена и адвокат. Юный государь в окружении своих бдительных дядюшек с любопытством взирал на склонившегося перед ним подданного, почти в три раза старше его.

Всё ещё коленопреклонённый, Карруж достал меч (единственное оружие, которое ему разрешили пронести в королевские покои) и поднял его как можно выше над головой, избегая резких

движений перед государем. Обнажённый меч символизировал его готовность до конца бороться за своё дело.

Поднявшись с колен и по-прежнему держа меч над головой, рыцарь произнёс следующие слова: «Великий государь, я, Жан де Карруж, ваш преданный слуга, прибыл сюда в поисках вашего правосудия».

— Сир Жан де Карруж, я готов вас выслушать, — милостиво изрёк юный король с высоты своего трона.

— Величайший и справедливейший из государей, — громко и с расстановкой произнёс рыцарь, чтобы присутствующие расслышали каждое его слово, — настоящим я заявляю, что в третью неделю января сего года некий Жак Ле Гри вступил в насильственную плотскую связь с моей женой, мадам Маргаритой де Карруж, против её воли, в месте, известном под названием Капомесниль. За это обвинение я готов поручиться собственной головой и покарать преступника, либо сам пасть на поле боя в означенный час.

Своей торжественной и судьбоносной речью рыцарь привёл в движение неповоротливые жернова королевского правосудия, что стало первым звеном в цепи событий, которые опутают и его

самого, и Маргариту, и Жака Ле Гри, их родных и близких, а также многих других представителей французской знати, вовлечённых в этот процесс с момента подачи апелляции.

После торжественного оглашения апелляции и благодарственных слов монарху Карружа вместе с адвокатом проводили из Саль де Консей и выпустили из замка. Теперь рыцарю предстояло ждать (вероятно, несколько недель, а то и месяцев) следующего шага, официального вызова. Король, следуя протоколу, немедленно отправил дело в парижский Парламент, под юрисдикцией которого находились все дуэли, чтобы тот подробно разобрался во всех его хитросплетениях. Но Карл был верховным судьёй государства и председательствовал в Парламенте, поэтому в последующие месяцы он будет жадно следить за подробностями дела «Карруж — Ле Гри».

АПЕЛЛЯЦИЯ

Апеллянт, стоя на коленях и с поднятым мечом в присутствии королевского двора, подаёт прошение государю. MC.фр. 2258, фол. с.2. Французская национальная библиотека.

Теперь следовало дать делу ход. Из Венсенского замка в столичный Дворец правосудия был отправлен гонец с письмом, скреплённым ко-

ролевской печатью. В окружении готического великолепия Дворца правосудия на берегу Сены нанятые Парламентом клерки составили официальный вызов Жаку Ле Гри, которого рыцарь назвал ответчиком по делу. Затем вызов был передан другому гонцу для отправки в Аржантан или любое другое место, где бы ни находился нормандский сквайр.

Получив вызов в Париж, Жак Ле Гри, вероятно, не столько удивился, сколько встревожился. Граф Пьер уже обращался к королю с просьбой не принимать апелляцию Карружа. Но дотошный рыцарь добился-таки королевской аудиенции, и последовавший за этим официальный вызов, предписывающий Жаку Ле Гри срочно явиться в Париж, нельзя было проигнорировать.

Прибыв в столицу, Жак Ле Гри срочно встретился со своим адвокатом. Главным защитником Ле Гри был Жан Ле Кок, довольно известный и пользующийся популярностью адвокат. Ле Кок делал кое-какие заметки по делу в своём профессиональном дневнике, изложив там аккуратной юридической латынью некоторые полезные свидетельства и факты. Этот дневник, один из старейших сохранившихся журналов судопроизводства, содержит ценные замечания как о самом

процессе, так и о характере сквайра, поскольку Ле Кок записывал туда собственные умозаключения о своём подзащитном по результатам личных бесед.

На момент процесса Жану Ле Коку было около тридцати пяти лет. Сын известного адвоката Жана Ле Кока, он унаследовал не только имя и профессию отца, но и его тесные связи с королевским семейством. Среди клиентов Ле Кока младшего были брат короля Людовик Валуа и могущественный дядя монарха, герцог Филипп Бургундский.

Возможно, в защитники Жаку Ле Гри Ле Кока выбрал Парламент, как это часто случалось с делами, возбуждёнными по апелляции. А может, семейство Ле Гри или граф Пьер целенаправленно избрали Ле Кока из-за его близости к королю, чтобы защитить сквайра, оказавшегося в сложной ситуации.

Вскоре Ле Кок обнаружил, что защищать обвинённого в изнасиловании сквайра — задача не из лёгких, к тому же Ле Гри не во всём следовал его советам, упёршись уже в самом начале, когда адвокат посоветовал ему воспользоваться правом на «привилегии духовенства».

Поскольку Жак Ле Гри был не только сквайром,

но и духовным лицом — членом некоего священного ордена, человеком образованным, он мог уйти из-под юрисдикции парижского Парламента и требовать передачи дела в Церковный суд, где ни о каких дуэлях не могло быть и речи. Ле Кок вспоминал, что лично давал клиенту подобные рекомендации, чтобы защитить его от риска быть убитым на дуэли.

Но, как писал в своём дневнике расстроенный адвокат, сквайр «в резких выражениях отказался», отвергнув совет Ле Кока, не желая «помочь самому себе». Ле Гри, возможно, твёрдо стоял на своём, потому что собственное тщеславие не позволяло ему выставить себя трусом, особенно теперь, когда его дело слушалось в королевском суде и о нём уже судачила вся Франция.

Как только Карруж подал королю апелляцию, а Ле Гри прибыл в Париж по вызову Парламента, обоим следовало выполнить ряд формальностей, чтобы должным образом подготовиться к вызову. Каждому следовало позаботиться о длительном проживании в столице и прочих мелочах с этим связанных. Рыцарь, конечно же, должен был послать за Маргаритой, либо лично явиться за ней, если та ещё не прибыла в Париж. В течение последующих нескольких месяцев жизнь обоих

участников дуэли будет полностью поглощена процессом, который неумолимо надвигался, и полностью выйдет из-под их контроля.

Как любой юридический процесс, дело было не только трудоёмким, но и затратным, и рыцарь с его шатким финансовым положением немало рисковал. Истцы в подобных процессах нередко занимали у друзей и знакомых, либо брали кредиты для покрытия текущих расходов. Однако семья сквайра была богаче, да и граф Пьер, скорее всего, выражал готовность помочь своему любимцу, рыцарь же явно не имел таких средств, и вряд ли друзья выстраивались в очередь, стремясь прийти ему на помощь. Но на данном этапе процесса, когда в воздухе повис вопрос о дуэли, на карту было поставлено нечто гораздо более значимое, чем деньги.

В конце весны — начале лета 1386 года рыцарь и сквайр получили официальные письма с приказом явиться во Дворец правосудия, чтобы предстать перед королём и членами Парламента. Датой явки было назначено 9 июля, понедельник. Спустя почти полгода после предполагаемого преступления Жану де Карружу наконец предстояло встретиться со своим обидчиком и перед высшим судом Франции обвинить сквайра в ужасном

преступлении против супруги, предложив доказать свои обвинения в честном поединке. Рыцарь долго ждал этой минуты, но всё ещё не было гарантии, что, бросив вызов, он получит реальный шанс сразиться со сквайром. Последнее слово останется за Парламентом.

Процедура вызова проходила в одном из самых высоких мест Парижа. Дворец правосудия, фактически комплекс зданий в северной части острова Сите, был воздвигнут в начале 1300-х годов как главная королевская резиденция, однако теперь там располагался Парламент, и король посещал его лишь по важным государственным делам. В его северо-восточной части на берегу реки высилась, отбивая каждый час, Королевская часовая башня, построенная Карлом V. Три другие башни дворца, Сезар, Аржан и Бонбек, выстроились вдоль западного берега реки. Южнее дворца, соединяясь с ним крытым переходом, во всём великолепии возвышался Сен-Шапель.

Утром 9 июля рыцарь и сквайр по отдельности, разными путями прибыли во дворец. Жан де Карруж прибыл с востока, где он проживал на улице Сен-Антуан, рядом с дворцом епископа и дворцом Сен-Поль. Жак Ле Гри приехал с запада, где он остановился вместе с графом в его дворце

Алансон, расположенном в не менее престижном квартале, среди множества прочих особняков знати, сгрудившихся под сенью Лувра. Противники прибыли в сопровождении своих адвокатов, поручителей, родственников и друзей.

ДВОРЕЦ ПРАВОСУДИЯ

В июле 1386 года Жан де Карруж вызвал Жака Ле

Гри на дуэль. Король и его окружение наблюдали церемонию в Большом зале, примыкающем к двум башням справа. В центре высится Королевская часовая башня. Архивные фотографии, Coll. M.A.P.(c) CMN, Париж.

Каждый со своей свитой перешли с правого берега на Сите по Большому мосту — деревянному мосту на загнанных в речной ил сваях, миновали Королевскую часовую башню на противоположном берегу и прошли через дворцовые ворота с восточной стороны острова.

Здесь им пришлось пробиваться через шумную толпу на Майском дворев — просторной площади, на которую, казалось, высыпал в этот день весь парижский люд. Адвокаты с истцами пробирались к Парламенту, расталкивая суетящихся у лавок купцов, торгующихся покупателей, просящих милостыню нищих и многочисленных зевак, наблюдающих со стороны за этой бесконечной городской суетой. К болтовне и сплетням собравшихся, крикам торгашей примешивалась железная поступь марширующих солдат и причитания закованных в кандалы заключённых, ведомых на казнь.

Миновав площадь и зайдя во дворец, рыцарь и сквайр оставили за плечами уличную суматоху.

Поднявшись по длинной каменной лестнице, они прошли через оформленный в готическом стиле дверной проём со статуей Девы Марии на страже в Большой зал — просторный, богато украшенный зал около семидесяти метров в длину и тридцати — в ширину, где проходили Парламентские слушания.

Похожий на пещеру зал с двойными золочёными сводами опирался на ряд из восьми колонн, разделяющих его на две части. Здесь встречались со своими подзащитными адвокаты, суетились с документами клерки, а приставы, стряпчие и прочие чиновники приводили в движение сложный правовой механизм. Витражные окна с изображнием герба Франции отбрасывали свет на высокие стены, вдоль которых чередовались несколько огромных каминов и скамьи. Статуи пятидесяти французских королей брали комнату в кольцо, стены украшали шкуры животных, включая кожу крокодила, привезённую из Египта прославленным крестоносцем, сиром Годфри де Бульоном. В восточном конце зала находился алтарь, посвящённый Святому Николаю, покровителю всех адвокатов, над которым каждое утро служили мессу. Алтарь содержался за счёт налогов на адвокатскую деятельность и

пожертвований, выплачиваемых соучастниками убийства Эвена Доля — судьи, убитого любовником его жены в 1369 году.

В Большом зале собиралось французское правительство во времена политических кризисов, например, после катастрофического поражения при Пуатье и пленения короля Иоанна ужасной осенью 1356 года. Около восьмисот делегатов со всего королевства собрались тогда в зале, чтобы предъявить ультиматум потрясённому дофину (будущему Карлу V), требуя его очистить коррумпированный королевский совет от людей, которые привели Францию на грань катастрофы. Двумя годами позднее трёхтысячная толпа во главе с Этьеном Марселем, отчаянным купеческим прево Парижа, ворвалась в Большой зал, протестуя против скандальных условий мирного договора с Англией и грабительского королевского выкупа в три миллиона золотых экю. Марсель в сопровождении разъярённой толпы ворвался в палаты дофина на втором этаже, с криком: «У нас с вами свои счёты!». Толпа схватила одного королевского советника и зарубила его на месте. Ещё один советник успел покинуть комнату, но его изловили и безжалостно убили, вышвырнув окровавленное тело вместе с другим трупом из

окна во двор, прямо в орущую толпу. Перепуганного дофина спасло только то, что Марсель лично вступился за него, нацепив будущему королю на голову сине-красную шапку, окрашенную в цвета мятежников.

У входа в Большой зал Карружа и Ле Гри встретили лакеи в ливреях, вооружённые для поддержания порядка палками и дубинами. Лакеи провели посетителей со свитой через зал с чёрно-белым мраморным полом, напоминающим гигантскую шахматную доску. В северо-западном углу зала они миновали охраняемые двери и вошли в узкий коридор, ведущий в Гранд-Шамбр — святая святых Парламента, гораздо меньшее по размерам, но более элегантно обставленное помещение в северной части дворца, по обе стороны от которого располагались башни Сезар и д'Аржан. Здесь на троне во всём своём великолепии восседал государь, когда держал совет.

Взорам рыцаря и сквайра предстал стоящий под тяжёлым балдахином королевский трон, известный как «ли дю жюстис» (ложе правосудия), задрапированный голубой тканью с золотыми королевскими лилиями. Тридцать мягких скамей для магистратов совета выстроились по бокам трона, духовенство по левую руку, миряне

— по правую. Одну стену украшала картина с изображением распятия, другие были завешены роскошными гобеленами. Одинокий камин щерился огромной пастью, оголодав за время июльской жары. Разбросанное по полу свежескошенное сено наполняло помещение ароматами чистоты и умиротворения. Низкий барьер отделял трон короля и его совет от другой части зала с деревянными скамьями для адвокатов и их клиентов.

ВЫЗОВ

Апеллянт (по правую руку от короля) обвиняет ответчика (слева), предлагая доказать свою правоту поединком. За каждым из участников тяжбы стоят их адвокаты и поручители. MC. фр. 2258, фол. с.4. Французская национальная библиотека.

Когда приставы развели всех по местам, предупредив о необходимости соблюдать тишину и порядок, в зал вошли магистраты и встали перед скамьями, вначале духовенство, за ними — миряне. Наконец, в дверном проёме за троном появился король. По знаку бэйлифа, громко объявившего о его прибытии, все почтительно склонились. Карл вошёл в зал в сопровождении брата, Людовика Валуа, и свиты вездесущих дядьёв. Усевшись на трон, молодой государь окинул взглядом собравшихся, и все молча расселись по местам. Остался стоять лишь один священник, который возносил молитву, призывая божье благословение на всё, что свершится в этом зале. Затем первый глава Парламента Арно де Корби постучал по столу молоточком. Заседание открылось.

Запись в журнале регистраций от 9 июля 1386 года гласит, что засвидетельствовать вызов в Гранд Шамбр собралась довольно именитая ком-

пания: «В тот день его величество, наш государь, почтил Парламент своим королевским присутствием в сопровождении герцогов Беррийского и Бургундского, своих дядьёв, а также брата нашего государя, графа Валуа, и многих других знатных господ. Дело касалось поединка между Жаном де Карружем, подавшим апелляцию рыцарем, с одной стороны, и Жаком Ле Гри — с другой».

В регистрационной книге не упоминается Маргарита, поэтому мы не можем точно сказать, присутствовала ли она там в тот день, хотя достоверно известно, что она появлялась в Парламенте позже тем же летом. К этому времени мадам Карруж была уже на шестом месяце беременности, и это ещё сильнее усугубляло ситуацию: как предстать в таком виде перед судом, на котором собственный муж обвиняет другого мужчину в изнасиловании?

Во время церемонии вызова рыцарь и сквайр стояли перед судом, лицом друг к другу, каждый в окружении собственной свиты. По традиции апеллянт стоял справа от короля, ответчик — слева.

Рыцарь, как апеллянт, первым взял слово, нарочито повысив голос, чтобы слышали все присутствующие.

— Высокочтимейший и справедливейший из королей, государь, я пришёл сюда в поисках справедливости и настоящим обвиняю присутствующего здесь Жака Ле Гри в гнуснейшем преступлении против моей супруги, мадам Маргариты де Карруж. Я утверждаю, что в третью неделю января сего года упомянутый Жак Ле Гри преступным способом вступил в плотскую связь с моей супругой против её воли, в месте, именуемом Капомесниль, при содействии своего сообщника Адама Лувеля. Посему, я требую, чтобы он немедленно признал свою вину, подчинившись решению суда, и был предан казни с конфискацией всего принадлежащего ему имущества, согласно букве закона. Если упомянутый Жак Ле Гри отрицает вину, предлагаю доказать свою правоту в честном поединке на ристалище, как и подобает дворянину и человеку чести, в присутствии вашего величества, нашего верховного судьи и владыки.

Закончив пламенную речь и зачитав обвинения в адрес сквайра, рыцарь должен был завершить процедуру вызова символическим жестом, бросив противнику перчатку или рукавицу со своей руки. На глазах у судей он сорвал с руки перчатку и демонстративно швырнул её на пол

перед сквайром, давая тем самым клятву исполнить свой вызов и предстать перед обидчиком на закрытом ристалище Шамп-клоз — традиционном месте для подобного рода судебных дуэлей. Бросить перчатку (жете лё гант — часть древнего дуэльного ритуала.

Теперь пришла очередь держать слово обвиняемому сквайру. Стоя лицом к истцу, он набрал в лёгкие побольше воздуха и заговорил как можно громче, чтобы слышали все.

— Справедливейший из королей, благочестивейший из государей, я, обвиняемый Жак Ле Гри, решительно отрицаю и отметаю все выдвинутые против меня обвинения, особенно заявление Жана де Карружа о том, что в третью неделю января или в любое другое время я якобы вероломно познал его жену, мадам Маргариту де Карруж, в месте, именуемом Капомесниль или в любом другом. Я также готов поручиться честью перед лицом вашего величества, что упомянутый рыцарь грязно и нечестиво лжёт, и все его обвинения лживы и порочны. Призывая в свидетели Господа и Пресвятую Деву, я клянусь доказать свою правоту поединком, без всяких оправданий и прошений о помиловании, в любом месте, которое укажет суд и ваше величество, наш вер-

ховный судья и владыка.

Затем сквайр склонился и подобрал лежащую у его ног перчатку. Это тоже было частью священного многовекового ритуала. Обвиняемый должен был поднять и зажать в руке перчатку (лёве э прандр), показывая, что он принимает вызов и готов доказать свою правоту в смертельном поединке на Шамп-клоз, если так решит суд.

После того как оба обменялись репликами и изъявили желание биться, магистраты, посовещавшись, вынесли официальный вердикт (арре), определяющий дальнейшие события: будет ли дан вызову ход или нет. Магистрат, назначенный докладчиком по этому делу, объявил о решении суда, используя выверенные юридические формулировки.

— Выслушав обе стороны в лице истца рыцаря Жана де Карружа с одной стороны и ответчика Жака Ле Гри — с другой, судом предписано: обеим сторонам (истцу и ответчику) изложить представленные факты и доводы в письменном виде и предоставить их суду в виде аффидевита, по рассмотрении которого, тщательно изучив и взвесив аргументы обеих сторон, суд вынесет свое законное решение.

Парламент приказал провести официальное

расследование (анкет) обстоятельств данного дела. Каждая из сторон конфликта должна была предоставить письменные показания, тщательно изучив которые, суд решит, насколько правомерна эта дуэль.

Видимо, рыцарь остался доволен решением Парламента. По крайней мере, пока что его прошение было рассмотрено. Его вызов положил начало официальному расследованию, которое может закончиться тем, что в итоге суд разрешит дуэль. Однако Парламент редко одобрял подобные поединки, и вот уже более тридцати лет не разрешал судебные дуэли по факту предполагаемого изнасилования.

Жак Ле Гри, по-видимому, был не в особом восторге. Адвокат Жан Ле Кок убеждал его избегать всяческого риска, связанного с дуэлью, сославшись на привилегии духовенства, но Ле Гри решительно отказался от подобной возможности уйти из-под юрисдикции Парламента. Теперь ему придётся подчиниться следствию и принять его исход.

Суд позаботился о том, чтобы рыцарь и сквайр постоянно находились в пределах досягаемости, пока проводится дознание. Парламент мог заключить обоих в тюрьму, но предоставил им свободу

передвижения внутри городских стен, взяв с них клятву. Каждый должен был поклясться, что «явится по первому зову в назначенный день, час и место». Если бы кто-то из них сбежал из Парижа или не явился по вызову, то немедленно был бы отдан приказ об аресте клятвопреступника. Неявка или попытка побега расценивались как доказательство вины, с последующим осуждением и казнью.

Чтобы гарантировать свою явку при повторном вызове в суд, каждый должен был назвать шесть поручителей из числа знатных дворян, а те, в свою очередь, поклясться, что принудят его явиться, если в этом возникнет необходимость. В отчёте за 9 июля перечислены имена двенадцати человек, которые взяли на себя эту торжественную обязанность. Все они были представителями высшей знати, и многие из них славились своими ратными подвигами во благо Франции.

Главный поручитель рыцаря, граф Валеран де Сен-Поль Люксембургский был довольно близок к престолу и являлся прославленным ветераном многих королевских кампаний, включая победу над фламандцами в битве при Рузбеке в 1382 году. Один из главных поручителей сквайра — Филипп Артуа, граф д'Э, недавно вернулся с дядей

короля Луи Бурбоном из Гаскони, где они воевали с англичанами.

Маленькая армия рыцарей и прочей знати, выступивших в качестве поручителей, наглядно демонстрирует, как эта ссора успела расколоть французское дворянство, лишь стоило вестям о ней достигнуть ушей монарха и королевского двора. Двенадцать поручителей, каждый из которых принадлежал к влиятельным семейным кланам и имел собственное окружение, многократно умножили число людей, причастных к противостоянию «Карруж — Ле Гри». К этому времени ссора уже стала причиной жарких споров при королевском дворе, участники которых или их родовитые семьи успели принять чью-либо сторону ещё до начала официального расследования. Вскоре дело вызовет большой резонанс не только во Франции, но и выплеснется далеко за пределы королевства. То, что некогда начиналось, как местный спор в сеньориальном суде Нормандии, быстро превратилось настоящий спектакль, разыгравшийся на французских подмостках.

После встречи в суде лицом к лицу Карруж и Ле Гри развернулись друг к другу спиной и покинули Дворец правосудия в окружении соб-

ственной свиты, вернувшись в свои покои в разных концах Парижа. Теперь им предстояло тщательно подготовить показания, чтобы Парламент мог продолжить расследование. Если после изучения предоставленных доказательств суд отклонит апелляцию рыцаря, вердикт графа Пьера останется в силе, и сквайр избежит наказания по предъявленным ему обвинениям. Но если Парламент даст добро на дуэль, фактически аннулировав графский вердикт, у Карружа появится шанс доказать свои обвинения, сойдясь с обидчиком в поединке один на один, и Ле Гри придётся вновь доказывать свою невиновность, в этот раз уже при помощи меча.

6

СЛЕДСТВИЕ

Едва Парламент объявил о начале следствия, Жан де Карруж и Жак Ле Гри принялись строчить показания. Согласно требованию суда, все доказательства должны быть предоставлены в письменном виде. Хотя женщинам того времени было запрещено самим выдвигать обвинения по уголовным делам, достоверно известно, что Маргарита дала показания, как главный свидетель по делу, поскольку в официальном протоколе говорится, что «некоторые сведения были получены из показаний под присягой вышеупомянутой Маргариты на суде». Действительно, мадам Карруж прошла через «тщательные, многократные допросы и дознания» относительно выдвинутых ей обвинений против сквайра.

Жак Ле Гри ехидно заметил, что Маргарита тем летом явилась во Дворец правосудия и предстала перед королём и членами Парламента, подобно своему отцу, вызванному туда сорок лет назад,

чтобы ответить на обвинения в государственной измене. Ле Гри уверял следствие, что «никогда не виделся и не разговаривал с этой женщиной», за исключением единственного раза в Нормандии (в доме Жана Креспена два года назад) и сейчас, в присутствии короля и судей, «в качестве обвиняемого». Таким образом, Ле Гри, прежде чем его увели судебные приставы, мог видеть Маргариту в самом начале следствия, когда она должна была принести присягу перед судом. К началу следствия, в середине июля, Маргарита была уже на шестом месяце беременности, что превращало её публичные появления перед Парламентом в настоящую пытку.

Рыцарь, сквайр и дама давали показания на родном нормандско-французском наречии. Протоколов их допросов, увы, не сохранилось, но в официальных парламентских отчётах содержится подробное изложение этого дела, переведённое на латынь и записанное профессиональным судейским писцом, или греффье. Это резюме, сохранившееся в единственном экземпляре, занимает почти десять страниц (каждая размером с фолиант) убористого рукописного теста с выцветшими бурыми чернилами. Оно содержит полный детализированный отчёт по обвине-

ниям, выдвинутым рыцарем против сквайра, основанный на данных под присягой показаниях Маргариты, а также длинную и яростную речь защитника Ле Гри.

Рыцарь начинает свой рассказ с того, как долгие годы он доверял сквайру, считая его лучшим другом, и даже оказал ему честь, пригласив стать крёстным отцом своего первенца. Жан де Карруж подчёркивает интимность и святость подобного жеста, описывая, как Жак Ле Гри держал ребёнка на руках над купелью, прежде чем передать в руки священника для обряда крещения.

Далее рыцарь описывает их встречу в доме Жана Креспена, где Жак Ле Гри впервые увидел Маргариту, а Жан велел супруге поцеловать сквайра в знак мира и дружбы между двумя мужчинами.

Он сознательно упускает события, произошедшие между этими двумя эпизодами — промежуток в пять, а то и более лет, в течение которого он потерял не только первую жену, сына и отца, но и чин капитана Беллема, несколько законно приобретённых феодов и разрушенную их соперничеством при дворе графа Пьера дружбу.

Карруж утверждает, что именно после той встречи с Маргаритой в доме Креспена сквайр

страстно возжелал его супругу. Описывая Ле Гри как матёрого распутника, рыцарь заявляет, что сквайр замыслил соблазнить Маргариту, решив дополнить обширную коллекцию своих завоеваний.

Опираясь на показания своей супруги, данные под присягой, Карруж в деталях описывает нападение на Маргариту, утверждая, что Ле Гри «как указывалось ранее, плотски познал его жену против её воли и согласия, подлым образом совершив изнасилование, прелюбодеяние, предательство, кровосмешение и лжесвидетельство» — целых пять серьёзных преступлений. Помимо изнасилования, он вменял Ле Гри прелюбодеяние за насильственную сексуальную связь с замужней дамой; предательство — за то, что разорвал узы дружбы и доверия; кровосмешение — за нарушение родственных связей, поскольку Ле Гри был крёстным отцом сына Жана; и, наконец, лжесвидетельство, ведь сквайр дважды солгал под присягой, дав ложные показания. Хотя главным преступлением в этом списке всё же было изнасилование, учитывая надругательство Ле Гри над телом Маргариты, попрание её воли и законных прав, прочие же обвинения касались предполагаемых преступлений сквайра против

рыцаря.

Рыцарь утверждал, что впервые узнал об этом преступлении из уст самой Маргариты, по возвращении из Парижа. Якобы она умоляла его отстоять её честь и добиться справедливости, отомстив за неё сквайру. Маргарита, с его слов, многократно клялась в истинности всего сказанного, твёрдо отстаивая собственные показания «с риском для своей бессмертной души и под многочисленными клятвами во время допросов о деталях и подробностях преступления».

Рыцарь (явно по совету своего адвоката Жана де Бетизи) заключает, что это дело полностью удовлетворяет условиям: преступление без сомнения имело место; оно карается смертной казнью; покарать преступника можно только в честном поединке, потому что ответчик отказался признать свою вину; а Ле Гри и есть тот самый ответчик, «который, как всем известно, подозревается и обвиняется» в этом преступлении.

В ответ на обвинения рыцаря Жак Ле Гри со своим адвокатом выстроили чёткую линию обороны, решительно опровергая все нападки и утверждая, что в момент преступления сквайр находился совсем в другом месте.

Сквайр начал рассказ с того, что напомнил суду

про свой знатный род, его заслуги перед королями Франции и лично Пьером Алансонским. Что он служил им «искренне, преданно, беззаветно и достойно», жил «честно и непогрешимо, подавая другим такой же пример». Он не забыл добавить, что за сии заслуги король Карл пожаловал его в свои личные сквайры.

Описывая своё отношение к рыцарю, Ле Гри рассказывает о том, как когда-то они вместе служили у графа Першского, прежде чем перешли к Пьеру Алансонскому после смерти своего первого сеньора. Сквайр напомнил, что был крёстным отцом сына Жана. Но если Карруж описывает это событие как пример вероломства, то сквайр, наоборот, истолковывает в свою пользу, показывая, как быстро рыцарь забыл старую дружбу.

Ле Гри рассказал о том, как разошлись их пути при дворе, когда Пьер стал проявлять враждебность по отношению к нему и графу Пьеру. Как после смерти отца Жана граф Пьер отказался передать Карружу-младшему титул капитана Беллема, занимаемый его отцом, поскольку, по мнению Ле Гри, граф считал его «скрытным и непредсказуемым». Ле Гри рассказал о том, как Карруж потерял Куиньи, которое пытался выкупить, несмотря на выдвигаемые графом

претензии, а потом свалил на сквайра вину за все свои неудачи в суде. Возмущённый расположением графа Пьера к Ле Гри, озлобленный и подозрительный Карруж заключил, что сквайр «злонамеренно шёл ему наперекор» и стал «ненавидеть и презирать его».

Со слов Ле Гри, если Карруж отвратительно вёл себя при дворе, то дома он и вовсе был дьявол во плоти. Сквайр утверждал, что Карруж изводил свою первую жену Жанну де Тилли приступами «безумной ревности», загнав тем самым бедняжку раньше времени в гроб. Дальше — больше, Ле Гри обвинил Карружа в том, что он-де требовал от своей супруги признаться, будто она и сквайр — любовники, но та, «честная и целомудренная женщина, отказалась солгать, ибо это было неправдой». Столь скандальными заявлениями, пятнающими имя и репутацию Карружа, Ле Гри пытался доказать, что все обвинения рыцаря в его адрес были лишь звеньями длинной цепи личной неприязни и лжи.

Не пожалев чёрных красок, чтобы описать поведение рыцаря на людях и в быту, Ле Гри переключился на свои личные отношения с Маргаритой. Он утверждал, что за всю жизнь видел Маргариту лишь два раза: во время дачи

показаний в суде и на светском приёме «года два тому назад в доме Жана Креспена». Без сомненья, сей факт должен был доказывать, что в момент преступления Ле Гри не был в Капомесниле и не может быть обвинён в изнасиловании. Также делается намёк на то, что женщина могла обознаться. Спустя год после единственной мимолётной встречи с Ле Гри Маргарита могла ошибочно решить, что насильником был он, если изнасилование вообще имело место.

Ле Гри сужает временные рамки вменяемого ему преступления. Если в своей обвинительной речи Карруж не называет точной даты, заявляя, что преступление было совершено «на третьей неделе января», то Ле Гри пытается доказать, что преступление могло быть совершено лишь в четверг, 18 января, день, когда Николь покинула Капомесниль, и Маргарита осталась в замке одна.

Ле Гри цитирует письмо, вызывающее Николь в суд соседнего городишки Сен-Пьер-сюр-Див в четверг. Он подчёркивает относительную близость Сен-Пьера от Капомесниля — «не более двух лье», а это примерно двенадцать миль туда

и обратно{10}. Ле Гри утверждает, будто Николь вернулась из поездки к утренней трапезе или чуть позже, а завтракали тогда в основном около десяти утра или даже ближе к полудню. Со слов Ле Гри (и в этом они с Карружем сходятся), Николь отсутствовала в Капомесниле не более пяти-шести часов. Также Ле Гри отмечает, что, не сообщая точного времени преступления, Карруж упоминает, будто оно было совершено «в прайм», то есть девять часов утра, примерно через два часа после отъезда Николь.

Удивительно, но помимо этого, Ле Гри утверждает, будто во время краткого отсутствия Николь с Маргаритой в Капомесниле остались «белошвейка и ещё две женщины». Это разнится с версией, которую озвучил Карруж, утверждающий, будто Николь оставила Маргариту в замке «почти одну» без посторонней помощи и внимания. Более того, Ле Гри говорит, что, вернувшись, Николь застала невестку в приподнятом настроении, «счастливую и весёлую, без малейших признаков расстройства». Вывод очевиден: может ли так вести себя женщина, несколько часов назад подвергшаяся жестокому нападению и

{10} Комментарии: 10
Лье — единица измерения, равная 4,5 км.

изнасилованию?

Далее Ле Гри предлагает пугающий отчёт о событиях с момента возвращения Жана из Парижа три или четыре дня спустя. Он не скупится на чёрные краски, описывая рыцаря, как ревнивца и деспота. Ле Гри утверждает, будто, узнав, что оставленная для надзора за супругой служанка осмелилась нарушить его приказ и отправилась с Николь в Сен-Пьер, Карруж пришёл в ярость и «тут же принялся избивать упомянутую служанку, а затем и Маргариту, нанося им удары кулаками по голове». Это скандальное заявление возымело действие, став почвой для многочисленных сплетен при дворе. В то время как рыцарь строит из себя верного любящего мужа, сквайр изображает его жестоким кровожадным монстром, избивающим собственную жену и других женщин. Отрицая, что сам когда-либо нападал на Маргариту, сквайр сваливает всю вину на собственного супруга дамы.

Ле Гри утверждает, что на этом жестоком избиении рыцарь не остановился, за ним последовало другое насилие: «на следующий же день» Карруж принудил Маргариту ложно обвинить сквайра в изнасиловании, «хотя упомянутая Маргарита об этом ранее даже не заикнулась». Последнее

заявление имеет решающее значение, поскольку выходит, что, выдвигая обвинения, рыцарь бессовестно лгал, в припадке ярости заставив собственную жену отомстить безвинному сквайру. Он описывает Маргариту несчастной женщиной со свежими следами побоев от мужниных кулаков, вынужденную стать подельницей в этом гнусном преступлении, противном её душе и совести.

По версии Ле Гри, рыцарь предал огласке свои обвинения против него «лично, через Маргариту, путём угроз и запугиваний, а также через нанятых им подпевал».

Вывернув рассказанную рыцарем версию преступления наизнанку, Ле Гри перешёл к следующей части собственной защиты — своему алиби. Если он не приезжал в Капомесниль 18 января, не нападал на Маргариту и не насиловал её, то где же он на самом деле был в этот день и чем занимался?

Отвечая на этот вопрос, сквайр тщательно описывает, где он находился и что делал в течение всей третьей недели января. Поскольку Карруж не указывал точных дат, Ле Гри пытается доказать, что не мог совершить преступление ни в один из дней той недели.

Ле Гри утверждает, будто в понедельник 15 января он находился в двух лье (около шести миль) от Аржантана, навещая своего друга, сквайра Жана Белото, и присутствовал на панихиде по его недавно умершей жене. Ле Гри говорит, что гостил у Белото вплоть до среды 17 января, пока не вернулся в Аржантан по приказу графа Пьера. В тот день он отобедал с графом, а вечером посещал его в опочивальне. После этого, как заявляет сквайр, он «лёг спать и провёл ночь в своей комнате того же города», где под словом «ville» — «город» — явно подразумевается Аржантан.

Утром в четверг, по словам Ле Гри, его разбудили Пьер Тайепи и Пьер Белото, брат Жана Белото, гостившие в Аржантане. Сквайр отправился со своими друзьями во дворец на утреннюю мессу и с тех пор не расставался с ними. После мессы граф пригласил всех троих составить ему компанию за утренней трапезой, и Ле Гри совершенно «открыто и прилюдно» позавтракал во дворце. Окончив трапезу, сквайр, «прихватив вина и закусок», увёл своих друзей в соседнюю комнату и неотлучно находился в их компании вплоть до обеда, после чего, вновь посетив графа в его опочивальне, вернулся «в свою комнату», где и провёл ночь.

В пятницу 19 января, со слов сквайра, он с Пьером Тайепи и Пьером Белото покинул Аржантан и отправился в Ону, находящийся примерно в одном лье, где и оставался вплоть до субботы 20 января, после чего снова вернулся в Аржантан. Под «Ону» — явно подразумевается Ону-ле-Фокон, то самое поместье, которое Ле Гри приобрёл через графа Пьера у отца Маргариты. Столь нарочитое упоминание Ле Гри об Ону-ле-Фоконе в своём алиби и утверждение, будто он провёл там день после предполагаемого изнасилования Маргариты, вероятно, взбесило рыцаря.

Подробно описав, где он находился с понедельника 15 января по субботу 20 января, Ле Гри подвёл к тому, что у него «просто не было возможности совершить нападение или какое-либо преступление», особенно если учесть, что расстояние от Аржантана до Капомесниля «девять лье по разбитой дороге, которое зимой только за день преодолеешь». Девять лье (около 40 километров) в четыре раза больше, чем два лье (около 9 километров), расстояние, которое проехала Николь де Карруж в тот же день при той же погоде и по похожей дороге. Зимой путешествие сквайра в Капомесниль и обратно, примерно в восемьдесят километров, отняло бы, как и утверждал

сквайр, «целый день», и то на резвой выносливой лошади. Со свежими лошадьми гонец мог бы преодолеть за то же время восемьдесят, а то и девяносто миль по хорошей дороге.

Жак Ле Гри был довольно состоятельным человеком и имел в своём распоряжении превосходных лошадей. Если сквайр послал Адама Лувеля в Капомесниль шпионить за Маргаритой, как утверждал Жан де Карруж, то ему ничто не мешало переправить туда и свежих лошадей. Но всё же Ле Гри удалось посеять сомнения, будто он мог преодолеть расстояние в пятьдесят миль из Аржантана в Капомесниль и обратно за пять-шесть часов — время, которое потребовалось Николь, чтобы проехать 11-12 миль до Сен-Пьер-сюр-Див и вернуться.

С другой стороны, велика вероятность, что Ле Гри солгал о месте своего пребывания в среду 17 января, когда, по его словам, он мирно спал «в своей комнате» в Аржантане. Возможно, он уже караулил свою жертву в доме Адама Лувеля на рассвете 18 января. Если так, то, изнасиловав Маргариту, Ле Гри проехал всего двадцать пять — двадцать шесть миль, вернувшись в Аржантан, а это всего в два раза больше расстояния, которое проделала в тот день престарелая Николь де

Карруж. В этом нет ничего невозможного для опытного наездника на резвом скакуне, даже учитывая плохое состояние зимних дорог.

После нелестных характеристик и выпадов в сторону Жана, озвучив своё алиби, Жак Ле Гри заключил, что он никак не мог совершить это преступление. Он даже поставил под сомнение сам факт преступного деяния, одно из четырёх условий, необходимых для дуэли. Во-первых, рассуждал он, обвинения, по всей видимости, возникли из-за ревности рыцаря и основаны на показаниях запуганной им жены. Во-вторых, сложно поверить, будто он «на пятом десятке, уже вступив в почтенный возраст», без остановки проскакал девять лье до Капомесниля, и у него ещё хватило сил напасть на столь яростно сопротивляющуюся Маргариту, что потребовалась посторонняя помощь, совершить насилие, а затем ещё проскакать девять лье обратно «в мороз, по заснеженным зимним дорогам». В-третьих, если преступление действительно имело место, то «Маргарита, доблестно и ревностно защищавшая свою честь» несомненно оставила бы шрамы, царапины или какие-либо отметины на лице насильника, либо других частях тела, «царапаясь, кусаясь или брыкаясь», но ничего

подобного на теле сквайра не было обнаружено, да и «упомянутая Маргарита явно не выглядела избитой или покрытой шрамами». В-четвёртых, якобы одиноко стоящий замок в Капомесниле в действительности тесно примыкал к «десяти или двенадцати жилым домам», жители которых непременно услышали бы крики Маргариты, взывающей о помощи, но они и знать не знали о предполагаемом преступлении.

Ле Гри также пускается в некие двусмысленные рассуждения относительно Николь де Карруж. Со слов сквайра, Николь сама «тщательно изучила» это дело и пришла к выводу, что «упомянутое преступление в действительности не имело места». Ле Гри утверждает, что это ему сообщил лично Ги де Колиньи, обозначенный в судебном протоколе, как дядя рыцаря. Как ранее сообщал Ле Гри, Николь, вернувшись из своей поездки 18 января, застала Маргариту в «радостном, приподнятом настроении». Раз так, то из этого следовало убийственное заключение, что даже свекровь жертвы не верит в выдвинутые невесткой обвинения.

На этом основании Ле Гри требует, чтобы суд снял с него все обвинения, полностью оправдал и отклонил прошение рыцаря о дуэли. Также сквайр подаёт встречный иск против Жана де

Карружа за то, что тот своей ложью опорочил его доброе имя и запятнал репутацию обвинениями и «недостойными заявлениями в его адрес», за что должен возместить моральный ущерб. В качестве компенсации Ле Гри потребовал неслыханную сумму в сорок тысяч золотых франков.

Иск сквайра о компенсации морального ущерба, способный многократно обанкротить находящегося в затруднительном финансовом положении рыцаря, значительно поднял ставки в игре. Если теперь Парламент решит дело не в пользу рыцаря и отклонит его ходатайство о судебной дуэли, то сквайр имел полное право подать иск против Жана де Карружа.

После того как Ле Гри закончил свою защитную речь, дали слово обвинителю. Жан де Карруж умел держать удар, рыцарь решительно отмёл все утверждения и домыслы сквайра, будто он мстит тому из ревности и из-за их давнего соперничества, фабрикуя ложное обвинение в изнасиловании. При этом он называет обвинения сквайра «высосанными из пальца, лишёнными всякой истины и даже подобия истины». Рыцарь выразил удивление, как вообще можно кривить душой в таком серьёзном деле, «столь запутанном и опасном», что «он выдвинул обвинение

против Ле Гри, рискуя собственной душой, телом, состоянием и честью».

Далее рыцарь опроверг обвинения Ле Гри в жестоком обращении с женой, порочащие его репутацию любящего мужа, выставляющие его жестоким ревнивцем, деспотом, тиранящим обеих своих жён, и просто безумцем, принуждающим нынешнюю супругу дать ложные показания против сквайра. Рыцарь яростно отметает этот поклёп, утверждая, что он пальцем не тронул Маргариту и обходился с ней «почтительно, мирно и целомудренно, без малейшей злобы и ревности».

Затем рыцарь опровергает утверждение сквайра, будто обвинения против него недостоверны и построены на домыслах. Карруж утверждает, что предоставил свои обвинения в полном объёме и в надлежащей форме, во всех подробностях описав преступление, не упуская даты. Жан подчёркивает, что преступление имело место «в точности так, как это описано и запротоколировано на основе показаний упомянутой Маргариты, ибо её свидетельства абсолютно правдивы и доста-

точны»{11}.

Жан де Карруж яростно отстаивает истинность показаний своей супруги, потому что факт преступления очевиден, ведь Маргарита, которую даже Ле Гри называет «честной и целомудренной», навлекла на себя «несмываемый позор», рассказав о совершённом над ней насилии. Как могла она «столь яростно и искренне, ни минуты не сомневаясь и не отступая ни на шаг, отстаивать свою правоту, свидетельствуя о том, чего на самом деле не было»?

В заключение, Жан опровергает сомнения, посеянные Ле Гри относительно бешеной скачки на север по зимней дороге из Аржантана в Капомесниль, чтобы совершить преступление. Жан парирует, говоря, что сквайр был «довольно состоятельным человеком и мог позволить себе содержать на конюшне несколько отменных скакунов», благодаря которым можно «за короткий

{11} Комментарии: 11

Поскольку предполагаемое преступление могло произойти только в четверг, 18 января, когда Николь покинула Капомесниль, чтобы присутствовать на судебном заседании, дата которого точно известна, заявление Ле Гри о том, что Карруж не указал дату преступления, могло показаться суду ничтожным. Но дело может быть пересмотрено из-за такого рода формальностей. И впрямь, в декрете от 1306 года говорится, что дворянин, вызывающий соперника на дуэль, должен указать точную дату и время предполагаемого преступления, и возможно, Ле Гри рассчитывал на эту юридическую тонкость, желая дискредитировать иск рыцаря.

срок» обернуться из Аржантана в Капомесниль и обратно. На этом рыцарь закончил свою речь.

Была ещё одна проблема, о которой ни один из участников процесса в суде даже не заикнулся, она имела потенциальное отношение к делу и становилась всё более очевидной в течение лета, пока длилось следствие — беременность Маргариты.

Нельзя сказать наверняка, чьего ребёнка носила Маргарита, рыцаря, сквайра или кого-то третьего. Но исходя из того, что она была бесплодна в течение первых пяти-шести лет замужества, а затем забеременела примерно в январе 1386 года, родив в том же году, можно предположить, что отцом ребёнка был Жак Ле Гри.

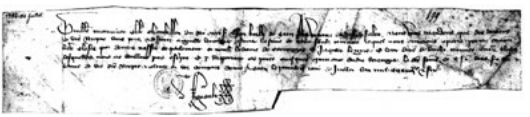
Однако судьи из парижского Парламента, видимо, сомневались в том, что Маргарита вообще могла забеременеть в результате предполагаемого изнасилования. Широко распространённая в те времена репродуктивная теория Галена (около 200 г. н.э.) утверждала, что для зачатия ребёнка необходимо не только мужское, но и женское «семя», которое не может быть получено, если женщина не испытывает оргазм, а посему «женщина не может зачать, участвуя в соитии против своей воли». Это заблуждение так утвердилось в

Средние века, что «по закону, невозможно было забеременеть от изнасилования».

Это утверждение противоречит современным исследованиям, но в Средневековье многие придерживались данной теории, чтобы защитить свою родословную от случайного либо преступного осквернения. Особенно усердствовали представители древних знатных родов. Родословная зависит от отца, а факт отцовства — от честного имени жены и взаимной верности супругов. Супружеская измена могла подпортить голубую кровь, поэтому даже помыслить о том, что секс без взаимного согласия может породить бастардов — значило бросить тень на знатную родословную, а посему признавать таковое было довольно рискованным шагом. Даже помыслить страшно, что, изнасиловав чужую жену, преступник мог навесить на шею благородным супругам своего ублюдка.

Учитывая расхожее тогда убеждение, суд скорее бы счёл, что Маргарита согрешила с кем-то третьим, чем забеременела от насильника. Сквайр даже мог использовать этот факт в свою пользу, доказывая, что она обвинила его в изнасиловании, дабы скрыть собственные измены. Но на это рыцарь мог бы возразить, что его супруга

забеременела в результате супружеской связи, сразу после его возвращения из заграничного похода, на полгода лишившего Маргариту мужниной ласки. Сквайр не стал бы настаивать на своём, несмотря на его утверждение, будто брак был неудачным, а то и несчастным союзом, в котором рождение детей было маловероятно, что и доказывали пять или шесть бездетных лет супружеской жизни. Ле Гри никогда не пытался трактовать беременность Маргариты в свою пользу, видимо, он (или его проницательный адвокат) считали эту стратегию довольно рискованной.



ЗАГАДОЧНЫЕ ЛИТЕРЫ

Подорожнаягонца, который привёз из Кана в Париж в июле 1386 года письма с информацией о Жаке Ле Гри и Маргарите де Карруж. PC. фр. 26021, ном. 899. Французская национальная библиотека.

Какие мысли в действительности терзали Жана де Карружа, и что подсказывало Маргарите её женское тело — это уже другой вопрос. Не-

ужели рыцарь не ценил знания учёных мужей и подозревал, будто Маргарита носит не его ребёнка? Беспокоило ли Маргариту, то, что она могла забеременеть от насильника? А может, супруги, свято уверовав в народные предания, пришли к убеждению, что Ле Гри, подло напав и изнасиловав Маргариту, не мог посеять в ней своё преступное семя?

По мере того как продвигалось следствие, летом, в июле и августе, случилось несколько незаурядных событий. В конце июля гонец по имени Гийом Беренжье прибыл в Париж с двумя запечатанными письмами для Парламента, в которых «содержались сведения относительно мадам Карруж и Жака Ле Гри». Беренжье послал в Париж канский судебный пристав Гийом де Мовине, также он велел передать «из уст в уста некоторые секретные сведения, которые не следует доверять бумаге». Подорожная гонца до сих пор хранятся на тонких полосках пергамента, хотя сами письма исчезли, как и те «некие секретные сведения, которые не следует доверять бумаге», что ныне также безвозвратно утеряны для нас. Однако Гийом де Мовине, отправивший в Париж эти письма, был тем самым чиновником, который вызвал к себе в Сен-Пьер-сюр-Див гос-

пожу Николь в тот злополучный день. Граф Пьер ранее уже отправлял письма в Париж, пытаясь отклонить апелляцию, возможно, те послания тоже были его происками с целью очернить рыцаря и вызвать недоверие к показаниям Маргариты.

Примерно в то же время в парижский Парламент был вызван Адам Лувель, предполагаемый подельник Ле Гри. Несколькими месяцами ранее Лувеля уже арестовывали и допрашивали по приказу графа Пьера, однако вердикт, оправдавший Ле Гри, снимал вину и с его предполагаемого сообщника. Теперь же Лувеля объявили в розыск. Письмо парламентариев, датированное 20 июля, требует гарантировать присутствие Лувеля в парижском суде.

Два дня спустя, 22 июля, в воскресенье, Лувель явился на вызов, выступив перед королём Карлом в Венсенском замке. 9 июля рыцарь в обвинительной речи уже называл Лувеля сообщником Ле Гри. Но Лувеля ждало ещё немало сюрпризов. Подъехав к величественному загородному замку, войдя в огромную башню, поднявшись по винтовой лестнице и представ перед королевским престолом, Лувель нос к носу столкнулся со сквайром Томином дю Буа, двоюродным братом Маргариты. На глазах у короля, в присутствии

его дядьёв и придворных, тот в резкой форме обвинил Лувеля в нападении на мадам Карруж и бросил ему вызов.

Томин также потребовал, чтобы Лувеля, если он станет отрицать вину и при этом откажется драться, заключили в тюрьму до тех пор, пока он не признается. Не прошло и двух недель после первого вызова, а уже последовал второй, намекая на то, что, возможно, будет не одна, а целых две дуэли.

Лувель попросил короля об отсрочке, известной как «жур д'ави», чтобы посоветоваться со своим адвокатом, и ему дали срок до следующего вторника, 24 июля, хотя не сохранилось документов о том, проходили ли в указанный день какие-либо слушания по этому делу. Но запись, сделанная месяцем позже, говорит о том, что круг задержанных и допрошенных по делу, значительно расширился. 20 августа был арестован сын Адама Лувеля Гийом, а с ним ещё двое мужчин (Госслин и Тома де Белльфон), для прояснения «некоторых вопросов, касающихся судебной дуэли между истцами: шевалье Жаном де Карружем и Томином дю Буа с одной стороны и ответчиками: Жаком Ле Гри и Адамом Лувелем — с другой». Судя по записи, оба судебных спора объединили в один.

Примерно в то же время Парламент распорядился, чтобы Адама Лувеля, уже арестованного и заключенного в Консьержери (мрачные казематы при Дворце правосудия) вывели из камеры и «допросили с пристрастием», то есть, под пыткой. Пытки нередко применялись, чтобы выведать нужные показания у свидетелей и выжать признания из обвиняемых. По мере того как ордалии и дуэли уступали место признанию как доказательству вины, судебные , пытки во Франции использовались все чаще. В особом почёте тогда была дыба, когда руки жертвы связывались за спиной верёвкой, за которую его поднимали над землёй, а потом резко бросали вниз; а также подвешивание над открытым огнём. Часто практиковалось лишение сна, окунание в ледяную воду, а также пытка водой, когда в глотку вливают жидкость, пока человек не начинает захлёбываться.

Адвокат сквайра Жан Ле Кок отмечает в своём дневнике, что «допросу с пристрастием» подверглись Адам Лувель и служанка, «которая, как утверждалось, находилась в тот день в замке Каружей». В те времена пытки были столь расхожим делом, что адвокат даже не упоминает, какие именно методы применялись к двум свидетелям.

В любом случае, ни Адам Лувель, ни безымянная служанка ни в чём не признались{12}.

Кроме Адама Лувеля в то лето преступил закон ещё один друг Жака Ле Гри. Жан Белото, недавно овдовевший сквайр, обеспечивающий алиби Ле Гри, был арестован бейлифом парижского епископата по подозрению в «раптусе», то есть, похищении или изнасиловании.

Любопытно, что обвинения Белото, близкому другу Жака Ле Гри и ключевому свидетелю, обеспечивающему его алиби, были предъявлены ни раньше, ни позже, а именно в тот самый период, когда сквайра вызвали в парижский Парламент для следствия по обвинению в изнасиловании Маргариты де Карруж. Возможно, обвинения против Белото были беспочвенны. Но, похоже, Жак Ле Гри избрал себе для развлечений довольно скверную компанию.

Весь июль король и его придворные жадно следили за спором рыцаря и сквайра. Однако в августе, когда следствие затянулось на второй месяц, внимание короля переключилось с

{12} Комментарии: 12

Жанна де Фонтене, жена Адама Лувеля (и сестра одного из будущих поручителей Ле Гри), последовала за мужем в Париж и также была «допрошена» по данному делу, после чего она поселилась в отеле д' Алансон, примкнув к группе сочувствующих Ле Гри.

внутренних дел (среди которых была и перспектива захватывающей дуэли не на жизнь, а на смерть) на гораздо более значительный внешний конфликт, замаячивший на международном горизонте. Лето было в разгаре, и погода словно благоволила военным действиям, потому что война между Англией и Францией вновь стала неизбежна.

В прошлом году король послал в Шотландию армию французских рыцарей (среди которых был и Жан де Карруж) во главе с адмиралом де Вьеном. Французы сожгли и разграбили приграничные графства, оттянув войска короля Ричарда II на север, подальше от Лондона. Однако второе, более крупное французское вторжение с юга так и не началось, и изначальный план нападения на англичан с двух фронтов был провален. Теперь Филипп Смелый, герцог Бургундский, предложил королю Карлу обессмертить свое имя и нанести по Англии сокрушительный удар, предприняв ещё более масштабное и опустошительное вторжение.

Молодой и впечатлительный король мгновенно одобрил план и уже готовился покинуть Париж и отправиться в Слёйс, фламандский порт, чтобы возглавить поход с огромной французской

армадой, состоящей из более чем тысячи военных кораблей. Перед отъездом из Парижа Карл присутствовал на торжественной мессе в соборе Нотр-Дам, пообещав не возвращаться в столицу, пока не ступит на английскую землю твёрдой поступью победителя.

После того как король и его дяди покинули Парламент, суд возобновил работу, включая процесс Карруж — Ле Гри. И вот уже заканчивался август, дело грозило затянуться на третий месяц, а рыцарь и сквайр по-прежнему были пленниками Парижа. Они могли перемещаться по городу как им вздумается, но были обязаны являться во Дворец правосудия по первому зову, а это могло случиться в любой момент.

Маргарита, уже на восьмом месяце, оказалась не только пленницей шумного города и четырёх стен своего дома, но и собственного тела. Ожидать одновременно разрешения от бремени и приговора суда в столь непривычной обстановке, должно быть, было для неё сущей пыткой.

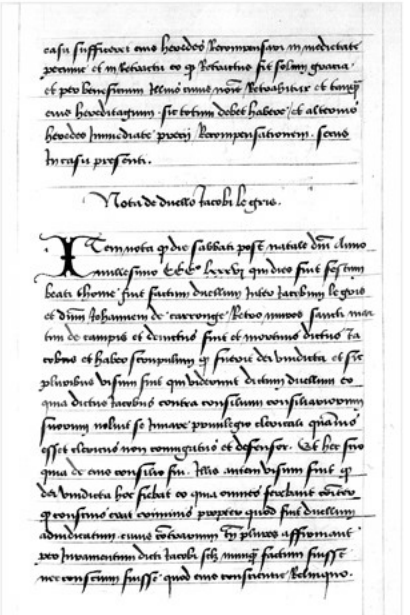
Пока шло растянувшееся на целое лето следствие и все с нетерпением ждали решения Парламента, Жан Ле Кок делал собственные заметки касательно этого запутанного дела. В своём дневнике адвокат Жака Ле Гри взвешивает

все доводы, как за, так и против подзащитного, обильно сдабривая их собственными мыслями и суждениями по ходу проводимого следствия.

К доводам, работающим против своего клиента, он относит тот факт, что «жена Карружа твёрдо стояла на своём, утверждая, будто преступление действительно имело место». Выдержка Маргариты под потоком всевозможных опровержений, предположений, алиби и встречных обвинений произвели на адвоката не меньшее впечатление, чем на всех остальных.

Ле Кок, видевший людей насквозь, также отмечает в своем дневнике, что сквайр однажды поинтересовался: «верю ли я ему, ибо заметил сомнение в моём взгляде».

Ле Кок также пишет: «Жак Ле Гри сказал мне, что как только до него дошли вести, будто Карруж намерен наказать его за совершённое преступление, он немедленно отправился к священнику на исповедь». Если Парламент разрешит дуэль, у обеих сторон будет достаточно времени, чтобы исповедаться в грехах, прежде чем сойтись в смертельном поединке. Но, видимо, Ле Гри не стал рисковать своей бессмертной душой, торопясь раскаяться в грехах задолго до того, как наступит его смертный час.



ДНЕВНИК ЖАНА ЛЕ КОКА

Эта страница содержит некоторые заметки, сделанные Жаном Ле Коком по известному делу. MC. Лат. 4645, фол. с.47. Французская национальная библиотека.

Приводя доводы в пользу своего клиента, адвокат повторяет многое из сказанного Жаком Ле

Гри в оправдательной речи на суде, добавляя, что «многие рыцари неоднократно видели его в тот день в обществе графа Алансонского».

«Однако поговаривают, — добавляет адвокат, — что Жак Ле Гри отказался признаваться в чём бы то ни было, опасаясь вовлечь своих родных и близких в грандиозный скандал, поскольку граф Пьер уже поклялся, что тот невиновен в приписываемом ему преступлении».

Это дает возможность предположить, что Жак Ле Гри придерживался своей легенды под давлением извне, и намекает, что и сам Ле Кок сомневается в искренности своего клиента.

Последнее замечание Ле Кока по делу особенно красноречиво. Несмотря на привилегированное положение в судебном процессе и возможность задавать своему клиенту всякие неудобные вопросы, ловкий адвокат, видимо, признавал ограниченность своих знаний, как и человеческих знаний в целом. Поэтому в заключение он кратко резюмирует, что «никто не знает всей правды об этом деле».

В середине сентября, по прошествии более чем двух месяцев с начала следствия и через восемь месяцев после предполагаемого преступления, Парламент наконец принял решение.15 сентября

1386 года, в субботу, рыцаря и сквайра вызвали во Дворец правосудия, чтобы огласить вердикт.

Лето сменила осень, и король со своими дядьями давно покинул Париж. В отсутствие короля обязанности верховного судьи исполнял Арнольд де Корби. Когда почтенный председатель призвал присутствующих к порядку, шум в богато украшенном Большом зале мгновенно стих, лишь звуки города извне нарушали тишину: стук железных колёс и цокот подков о мостовую, да крики извозчиков и лодочников, проплывающих по Сене близ дворца.

И снова рыцарь и сквайр встретились лицом к лицу перед толпой собравшихся в Парламенте зевак, каждый в сопровождении адвокатов, друзей и сторонников, включая и шестерых знатных поручителей. Сама Маргарита, видимо, отсутствовала, поскольку находилась на позднем сроке беременности.

С 1354 года Парламент ещё не дал добро ни на одну дуэль по делу о предполагаемом изнасиловании. А за последние полвека суд отклонил множество подобных исков в 1330, 1341, 1342, 1343,1372, 1377 и наконец в 1383 году. Поэтому перед рыцарем, с нетерпением ожидающим вердикта, вырисовывались далеко не радужные

перспективы.

Закончив обсуждение дела, судьи, по французской традиции, записали свое решение на пергаменте и запечатали его в мешок вместе с другими документами, относящимися к процессу. Когда в зале воцарилась тишина, рыцарь и сквайр со сторонниками поднялись со своих мест, и судья, которому было поручено вести процесс, вскрыл мешок. Достав пергамент с решением суда, он не торопясь принялся зачитывать его вслух.

«По делу, находящемуся на рассмотрении нашего владыки короля, о споре по поводу поединка между сиром Жаном де Карружем, рыцарем, истцом и апеллянтом, с одной стороны, и Жаком Ле Гри, сквайром и ответчиком — с другой, суд принял законное решение и постановил: разрешить спор путём судебной дуэли между сторонами».

Учитывая, что судебные дуэли в 1386 году были в диковину, вердикт Парламента разрешить испытание поединком, да ещё по делу, основанному на сомнительных доказательствах, выглядит довольно странно. Однако решение базировалось скорее на политических соображениях, нежели на юридических. За долгие месяцы столь громкий процесс успел расколоть королевский

двор. Рыцарь и сквайр были хорошо известны в Париже; оба были верными слугами короля; за обоих поручились знатные и уважаемые люди королевства. Ле Кок описывает этот раскол, говоря, что в Париже у сквайра было «множество сторонников», но в то же время, «многие другие» приняли сторону рыцаря. Поскольку молодой король покинул Францию, уехав вместе с дядьями во Фландрию, готовить вторжение в Англию, суд, возможно, боялся принять чью-либо сторону, ещё больше углубляя раскол, посему судьи предпочли удовлетворить просьбу рыцаря и разрешили дуэль, передав решение спора в руки Господа.

По закону дуэль должна была состояться не ранее, чем через сорок дней — 27 ноября 1386 года. Два месяца ожиданий, но это будет уже после того, как Маргарита разрешится от бремени. В любом случае, для супружеской четы пробьёт час расплаты.

Адвокат Жака Ле Гри сообщает, что «вскоре после того, как суд одобрил испытание поединком, сквайр слёг». Его легко понять. Разве за несколько месяцев до этого Ле Гри не был полностью оправдан в суде графа Пьера? Не он ли упустил свой шанс избежать дуэли, сославшись на привилегии духовенства? Внезапно на него опять пала тень

подозрения, и теперь он вновь должен доказывать свою невиновность, но уже в смертельном поединке.

Что касается Жана де Карружа, то, несомненно, он был удовлетворён вердиктом Парламента по своей апелляции. Несмотря на все разногласия, долгие месяцы ожиданий и сопряжённые с этим финансовые риски, он наконец добился своего.

Но вот подвох: лжесвидетельство карается смертной казнью. Эти двое будут биться не на жизнь, а на смерть, чтобы доказать свою правоту, и даже если Жан успеет сдаться прежде, чем его сразит удар противника, рыцаря утащат с поля боя, но лишь для того, чтобы вздёрнуть на Монфоконе, как солгавшего под присягой.

Маргариту, как главного свидетеля в этом деле, ждала ещё более незавидная участь. Согласно древнему обычаю, остававшемуся в XIV веке частью французского законодательства, если испытание поединком докажет, что женщина лжесвидетельствовала и лгала под присягой, то её надлежало сжечь заживо.

Часть Вторая

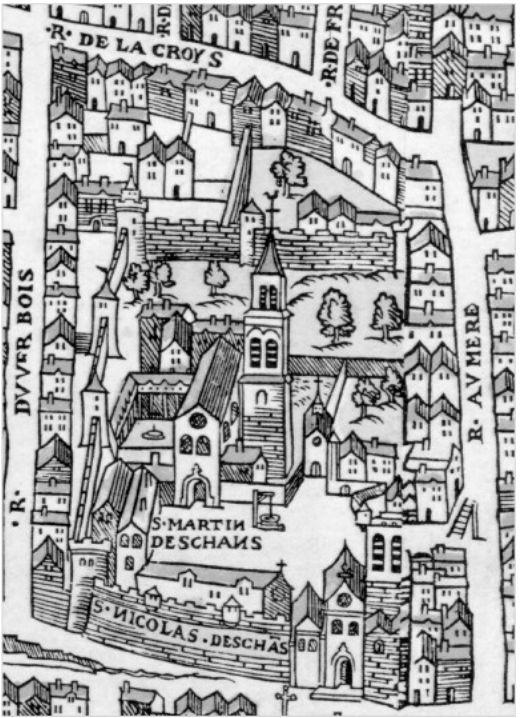
7

СУД БОЖИЙ

Ареной для поединка избрали Сен-Мартен-де-Шан, парижский монастырь, на территории которого имелось специальное ристалище, достаточно большое, чтобы вместить тысячи зрителей. Церковь Святого Мартина, основанная бенедектинцами в XI веке, располагалась на правом берегу Сены, на улице Сен-Мартен, примерно в миле на север от Нотр-Дама. Это был один из богатейших парижских монастырей, названный в честь самого знаменитого во Франции святого. Святой Мартин ранее был римским легионером, разрезавшим надвое мечом свой плащ, чтобы отдать вторую половину замерзающему нищему. Позже он стал миссионером в Галлии и первым епископом Тура. Он считался покровителем всех военных, от оружейников и кавалеристов до простых солдат. Поэтому лучшее место для испытания поединком, или « Божьего суда», чем ристалище монастыря Сен-Мартен, трудно было

себе представить.

Когда в 1060 году монастырь Сен-Мартен был основан королём Генрихом I, он располагался далеко за пределами города, на осушенной и возделанной местности, окружённый крепостной стеной от вражеских захватчиков и разбойников. Стены, занимавшие по площади около пяти гектаров, в 1273 году были полностью восстановлены Филиппом III, который укрепил каждый угол внушительной двенадцатиметровой башней. Вскоре улица Сен-Мартен за пределами городских стен обросла лавчонками и жилыми домами, сгрудившимися вокруг богатого монастыря, а спустя короткое время Сен-Мартен был уже окружён целым кварталом, или бургом.



СЕН-МАРТЕН-ДЕ-ШАН

Карруж и Ле Гри на знаменитом поединке на ристалище позади монастыря (северная часть слева). Часть «Плана Парижа» Труше / Хойо (ок. 1550). Базель, Университетская библиотека, Коллекция карт AA 124.

В 1356-м, когда англичане разбили французов при Пуатье и пленили короля Иоанна, перепуганные парижские купцы оплатили постройку крепостной стены с северной части города. Воздвигнутая стена протянулась без малого на пять миль вдоль правого берега Сены, окружив дворец Сен-Поль на востоке, Лувр — на западе и Сен-Мартен — на севере. Свежеогороженные территории мгновенно заполнились улицами и строениями, а в 1360--м бург Сен-Мартен был включен в состав Парижа. К 1380--м годам Сен-Мартен-де-Шан уже не располагался в полях, как предполагало его первоначальное название, а был полностью поглощён городом, став ярким образчиком средневековой урбанизации.

В 1386 году попасть в Сен-Мартен по-прежнему можно было лишь через старые укреплённые ворота в южной стене, рядом с главными монастырскими зданиями — часовней, трапезной и госпиталем. Трапезная, где монахи в тишине вкушали пищу, как насущную, так и духовную, пока один из братьев зачитывал вслух страницы из Священного писания, до сих пор поражает воображение. Высокий готический зал с рядом тонких колонн по центру, залитый светом из высоких стрельчатых окон по обеим сторонам. В соседнем

дортуаре, где спали монахи, располагалась удобная лесенка, по которой можно было спуститься в часовню для утренней молитвы. А отхожие места (одни из самых комфортных в Париже) очищались при помощи собственного акведука, который снабжал монастырь Сен-Мартен свежей родниковой водой с холмов, находящихся к северу от города.

Помимо часовни и монастыря на территории Сен-Мартена также располагались здание суда и тюрьма, поскольку монастырский суд рассматривал уголовные дела в отношении жителей улиц, попадающих под «юрисдикцию Сен-Мартена». Судебные протоколы пестрят записями о кражах, убийствах, изнасилованиях, разбоях и прочих преступлениях, а список наказаний варьируется от порки у позорного столба до отсечения конечностей, повешения, погребения заживо и сожжения на костре. В 1355 году Тассен Осоз лишился уха за кражу сукна; в 1352--м некую Жеанн Ля Превост похоронили заживо за воровство, причём женщин за аналогичные преступления карали более сурово, нежели мужчин. Судили и казнили даже животных. Свинью, убившую и съевшую младенца на улице Сен-Мартен, повесили, предварительно протащив по мостовой,

другую же свинью, изуродовавшую ребёнку лицо, приговорили к смертной казни через сожжение. Лошадь, которая убила человека, а потом сбежала (видимо, не без помощи своего хозяина), была заочно приговорена к смерти и символически повешена.

Но самой впечатляющей ареной правосудия в Сен-Мартене было ристалище, расположенное на территории монастыря, среди просторной равнины к востоку от монастырских строений. Сен-Мартен был одним из двух парижских монастырей, имеющих собственное ристалище, и большинство судебных дуэлей вот уже несколько столетий проводились именно здесь. Другое ристалище находилось в Сен-Жермен-де-Пре, к югу от городских стен. Но испытания поединком постепенно сошли на нет, и поле использовалось преимущественно для спортивных состязаний, или «тильтов», где всадники сражались затупленным оружием, чтобы не изувечить друг друга, а то и ненароком не отправить на тот свет.

Арена для судебных дуэлей представляла собой плоское прямоугольное поле размером сорок на восемьдесят шагов, или примерно тридцать на шестьдесят метров. Но для спортивных состязаний поле удлинили, отведя под такого рода

мероприятия «лучасток всего в 24 шага в ширину и 96 в длину», 18 на 73 метра. Дополнительное расстояние позволяло всадникам, пришпорив скакунов, хорошенько разогнаться и нанести более мощный удар копьём. Узкое поле битвы (всего четверть от его длины) позволяло наблюдавшим за поединком зрителям быть гораздо ближе к происходящему.

Поле битвы (или «ристалище») в Сен-Мартене и примыкающая к нему территория содержались в идеальном состоянии и в любой момент были готовы к бою. Но к 1386-му году, когда судебные дуэли стали величайшей редкостью, перед поединком рыцаря со сквайром ристалище нуждалось в определенном ремонте. В одном из отчётов говорится о неких «списках для Жана де Карружа и Жака Ле Гри (quis sont faittes), которые были составлены на поле Сен-Мартен», где рассказывалось о новых ограждениях, смотровых трибунах и прочих приспособлениях, построенных по этому случаю.

Закон требовал, чтобы судебные дуэли проводились на закрытом ристалище, или «Шамп-клоз». Поэтому поле было окружено высокой деревянной изгородью. Ограждение выше человеческого роста представляло собой прочную деревян-

ную решётку, через которую зрители могли наблюдать за поединком, оно исполняло сразу несколько функций: не давало дуэлянтам сбежать с поля боя, защищало зрителей от летящего оружия или его обломков и гарантировало защиту поединка от постороннего вмешательства. Вторая изгородь, пониже, окружала первую, образуя зазор с полоской гладко расчищенной земли, этакий санитарный кордон вокруг поля.

Правила предписывали, чтобы внутреннее, более высокое ограждение составляло «от двух метров и выше в высоту, не менее тридцати сантиметров в толщину и плотно, добротно зарешечено, чтобы никто не мог проникнуть извне и никому не удалось сбежать изнутри. Стены должны быть столь прочными и столь высоким, чтобы их нельзя было сокрушить ни ударами оружия, ни копытами лошадей, ни каким-либо иным известным способом».

По центру каждой узкой стороны поля располагались прочные ворота высотой два с половиной метра, которые открывались огромным ключом, а снаружи были снабжены щеколдами. С одной из широких сторон поля, примыкающей к зрительским трибунам, располагались третьи ворота шириной в полтора метра, чтобы впускать

и выпускать с поля судебных исполнителей. Эти ворота также запирались снаружи при помощи щеколды и толстого железного прута{13}.

В каждом из четырёх углов поля за пределами внутренней стены стояло по деревянной башенке, где размещались наблюдающие за боем судебные исполнители. Благодаря башенками, чиновники могли видеть всё происходящее на поле как на ладони. С этих башенок дуэлянты также могли получить еду и питьё во время боя.

Вторая внешняя стена вокруг поля, пусть и не столь высокая, как первая, также имела два входа с открывающимися воротами, у которых во время боя дежурила охрана, чтобы отгонять шумную толпу зевак, способную своими криками повлиять на ход поединка.

По мере того как дата дуэли неумолимо приближалась, ристалище Сен-Мартен готовилось принять тысячи зрителей, пришедших поглазеть на поединок. Подавляющее большинство зрителей составляли простолюдины — горожане, либо жители окрестных деревень, которые просто сидели или стояли на земле вокруг ристалища.

{13} Комментарии: 13

Иногда вместо третьих ворот один из углов поля снабжался переносной лестницей, чтобы судьи могли спешно покинуть ристалище после начала боя, втащив лестницу за собой наверх.

Но были и знатные дворяне, члены королевского семейства или гости из отдалённых частей Франции, а то и вовсе представители иностранных дворов, жаждущие насладиться зрелищем с комфортом.

Для этого с одной стороны поля были воздвигнуты «высокие трибуны», с которых знать всех мастей могла наблюдать за поединком дуэлянтов. «Как и окружающая поле стена, трибуны были сделаны из прочного дерева и снабжены лестницами, перилами и удобными сиденьями, чтобы удовлетворить самые взыскательные вкусы». Центральная трибуна, выдающаяся на несколько метров вперёд, предназначалась для короля с его дядьями и самых высокопоставленных дворян. Несколько правее располагались места для прочих членов королевского двора. Третья, левая трибуна отводилась для иностранных дворян, которые рассаживались «в соответствии со своим рангом». Эти три трибуны предназначались исключительно для мужчин — представителей знати и высшего духовенства, вроде епископа Парижского.

Для женщин были установлены дополнительные трибуны по обеим сторонам, устроенные так, чтобы сидящие там дамы могли «в любой

момент» покинуть турнир, утомлённые или напуганные происходящим на ристалище. И далее, ниже, в соответствии с социальной иерархией располагались трибуны для «мещан и купцов, а ещё ниже — для простолюдинов», хотя большинству из них приходилось устраиваться на земле вокруг поля и наблюдать за поединком через прорехи в массивной деревянной решётке, что опоясывала ристалище надёжной стеной, значительно выше человеческого роста.

Для дуэли также требовались специальные сооружения, их привозили либо мастерили на месте. По противоположным сторонам поля плотники соорудили два помоста с массивными троноподобными креслами, где должны были восседать дуэлянты в ожидании присяги. Возле каждого кресла было оборудовано местечко для палатки или павильона, которые устанавливались за день-два до дуэли. Каждый миниатюрный военный лагерь по разные стороны поля был дополнен небольшой скамеечкой (эскабо), при помощи которой дуэлянт мог взобраться на боевого коня непосредственно перед битвой. Жан де Карруж, как истец, находился по правую сторону от королевской трибуны, а Жак Ле Гри, как ответчик, — по левую.

После того как поле было окончательно восстановлено и должным образом подготовлено, оно подвергалось косметической обработке. Вначале почву внутри ограждений тщательно боронили, чтобы избавиться от посторонних предметов и неровностей вроде корней деревьев и камней. Затем землю засыпали слоем просеянного песка. Песок делал ристалище чистым и гладким, готовым для честного боя. Он также впитывал любую пролитую на поле битвы кровь, чтобы закованные в доспехи противники не поскользнулись и не потеряли равновесие, когда будут выбиты из седла или спешатся с целью продолжить бой на земле.

Опоясанное стеной ристалище Сен-Мартен берёт свои корни от гораздо более древних боевых арен, поскольку судебные дуэли ведут свою историю с античных времён. «Илиада» Гомера, действие которой развивается в позднем Бронзовом веке (около 1200 г. до.н.э), описывает поединок дуэлянтов, бившихся за Елену Троянскую на ровном, расчищенном поле, которое предварительно освящали клятвами, молитвами и кровью жертвенных животных. Римляне построили специальные арены для кровавых гладиаторских боёв, которые проводились даже во

времена раннего христианства. И хотя в римском праве нет такого понятия, как «судебная дуэль», древние ристалища, усеявшие средневековую Европу, нередко использовались для испытания поединком.

Викинги, которые в XI веке завезли эту традицию в Нормандию, часто проводили поединки на островах, обозначая поле битвы кругами из камней. У норвежцев один мужчина мог оспорить права другого на участок земли или даже на его жену, просто вызвав на дуэль.

В конце четырнадцатого века даже короли не брезговали разрешать на Шамп-клоз территориальные споры. Во время Столетней войны короли Англии и Франции неоднократно вызывали друг друга на дуэль. В 1383 году король Ричард II, которому на тот момент едва исполнилось шестнадцать, предложил четырнадцатилетнему Карлу VI с королевскими дядьями, по трое с обеих сторон, сразиться в честном поединке. Естественно, подобное было неосуществимо, поскольку являлось скорее своеобразной тактикой ведения переговоров, нежели вызовом на честный бой.

ДУЭЛЬ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И СОБАКОЙ

По легенде, под Парижем был проведён поединок, на котором борзая «доказала» вину подозреваемого и отомстила за убитого хозяина. Коллекция Эннен, № 88. Французская национальная библиотека.

Рассказывают, что однажды на большой площади перед собором Нотр-Дам было оборудовано окружённое стеной ристалище для поединка между человеком и псом. История гласит, что в 1372 году дворянин, один из королевских фаво-

ритов, был найден убитым в своём поместье под Парижем. Убийство оставалось нераскрытым, пока не обнаружилась некая странность: собака жертвы, огромная борзая, преданная своему хозяину, постоянно рычала и лаяла при виде одного человека. Этим человеком был Ришар Макэр, который открыто завидовал высокому положению жертвы при королевском дворе. Узнав о странном поведении собаки, король счёл это уликой и отдал приказ натравить пса на Макэра в судебной дуэли.

В назначенный день вокруг деревянной ограды перед собором Нотр-Дам собралась огромная толпа. Макэр был вооружён дубинкой, собаке же поставили бочку с пробитым дном, где она могла в любой момент укрыться. Согласно одному свидетельству, «едва пса выпустили, он стремглав бросился на своего противника, зная, что апеллянт должен нападать первым. Но тяжёлая дубина мужчины держала собаку на расстоянии, и та нарезала круги вокруг Макэра, ловко уворачиваясь от его ударов. Выжидая подходящего момента, шныряя то в одну, то в другую сторону, борзая наконец дождалась своего часа и, внезапно атаковав, вцепилась мужчине в горло с такой силой, что повалила Макэра наземь, вынудив его

взывать о помощи. После того как собаку оттащили, Макэр сознался в содеянном и был повешен на Монфоконе.

Эта история встречается у многих французских хроникёров и даже была облечена поэтами в стихотворную форму, хотя вполне может быть и апокрифической. Но даже если эта байка не имеет под собой реальной основы, она ярко иллюстрирует веру в то, будто кровавая схватка между «равными» поможет вынести справедливый приговор. Присутствовавший на том поединке король увидел в его исходе «знамение Божьего суда».

Когда в середине сентября Парламент вынес вердикт, король Карл со своими дядьями уже покинул Париж и отправился к фламандскому побережью, чтобы собрать большую армаду для вторжения в Англию. В начале лета Карл был свидетелем того, как рыцарь бросил вызов сквайру, и жадно наблюдал за ходом процесса вплоть до своего отъезда из Парижа. По пути в Слёйс король остановился в Аррасе и там получил известие о том, что Парламент присудил дуэль и назначил её на конец ноября. До означенного срока оставалось ещё больше двух месяцев, и к этому времени Карл должен был с триумфом вернуться

из Англии.

Но плохая погода задержала вторжение, а сильные шторма потопили большинство кораблей, порывистый ветер с корнем вырывал огромные деревья, множество людей и животных пострадали от молний. Странные знамения наблюдались и во Франции. В Плезансе на реке Марна молния ударила в церковь и, расколов алтарь, спалила всю деревянную мебель и даже сосуды для священной мессы, лишь остатки освящённой гостии чудом остались неопалимыми. А рядом с Лаоном произошло «нечто странное и неслыханное»: огромные стаи ворон с горящими углями в клювах атаковали крестьянские амбары, где хранились запасы зерна, и спалили их дотла. В конце концов король и его дядья приняли решение отложить вторжение до следующего года.

Готовясь к возвращению в Париж в середине ноября, Карл с нетерпением ждал дуэли, которую назначили на двадцать седьмое. Будучи семнадцатилетним юношей, он обожал жестокие забавы и был без ума от рыцарских турниров, в которых и сам не раз участвовал. Год назад в Камбре молодой король с энтузиазмом бился на турнире с фламандским рыцарем, сиром Нико-

ласом д'Эпинуа.{14} Карл был настолько увлечён турнирами, что несколькими годами позже, когда сорок английских рыцарей сражались с тремя соперниками-французами во время трёхдневного турнира в Сен-Энглевере, присутствовал там инкогнито в сопровождении лишь одного дворянина, смешавшись с толпой зевак, чтобы получше рассмотреть происходящее.

Горя желанием увидеть поединок Карружа с Ле Гри и опасаясь пропустить это зрелище из-за плохой погоды или по иным причинам, Карл решил посоветоваться с дядьями. Герцоги Беррийский, Бургундский и Бурбонский, тоже желавшие поглазеть на дуэль, призвали короля вмешаться. Поскольку времени в его распоряжении оставалось меньше недели, Карл послал в Париж гонца с запечатанным посланием, требуя отложить поединок до его возвращения, и указал более подходящую дату, первую субботу после Рождества, то есть 29 декабря.

Парламент, спешно собрав заседание 24 ноября, всего за три дня до дуэли, подчинился требова-

---

{14} Комментарии: 14

Короли обычно тоже участвовали в турнирах, подвергая риску свою царственную особу. В 1559 году один из потомков Карла, Генрих II, был ранен в глаз обломком копья и умер после мучительной десятидневной агонии.

нию короля и назначил новую дату, отложив поединок более чем на месяц, хотя ристалище Сен-Мартен было уже готово принять дуэлянтов, занятых последними приготовлениями к битве.

Жана де Карружа и Жака Ле Гри немедленно известили о переносе дуэли, соперников срочно вызвали в Парламент и, вскрыв в их присутствии письмо, зачитали королевское послание. Отсрочка дуэли до Рождества давала рыцарю, сквайру, а также прекрасной даме ещё около тридцати дней передышки. Но вряд ли кого-либо из них (особенно Маргариту, перед которой маячила перспектива быть заживо поджаренной на костре) осчастливил этот дополнительный месяц тревожных ожиданий.

26 ноября король и его дяди покинули Слёйс. На следующий день, в первоначальную дату дуэли, Карл прибыл в Аррас. 5 декабря, через два дня после своего восемнадцатилетия, король въехал в Париж.

В Париже молодого короля уже поджидала ещё более юная королева, шестнадцатилетняя Изабелла Баварская, на которой он женился в прошлом году. Как и большинство королевских браков, этот союз был устроен монаршими семействами, а тех больше занимали династические

альянсы, нежели счастье молодых. Амбициозные дяди короля искали в герцоге Стефане Баварском, отце Изабеллы, военного союзника. И герцог Стефан открыто приветствовал союз с французским королевским домом. Но, к всеобщему удивлению и восторгу, на бесплодной каменистой почве государственной политики расцвела романтическая роза, Карл и Изабелла страстно полюбили друг друга{15}.

Во время брачных переговоров Изабелла покорно следовала всем французским обычаям, не противилась быть раздетой придворными дамами и подвергнуться осмотру полностью обнажённой —«tout nue». Эту королевскую комиссию учредили ещё до того, как Изабелла познакомилась с Карлом (и даже до того, как Карл узнал, что она — его будущая невеста) с целью убедиться, что дама «должным образом сложена и способна выносить будущих наследников». Изабелла с достоинством вынесла позорный досмотр, учинённый тремя французскими герцогинями, и, видимо, сдала экзамен на отлично.

{15} Комментарии: 15

Карл отправлял художников ко дворам всей Европы, чтобы они рисовали для него портреты самых красивых принцесс. Прежде чем встретить Изабеллу, он увидел портрет другой принцессы и влюбился в нее, но ко времени получения портрета та уже была обручена с другим.

Вскоре после этого, уже разряженная в пух и прах и увешанная драгоценными побрякушками, Изабелла предстала перед Карлом, с замиранием сердца следя за его реакцией. Карл не говорил по-немецки, а Изабелла практически не знала французского. Когда Изабелла склонилась в реверансе, король приблизился и, взяв свою невесту за руку, долго пожирал её взглядом. Чем дольше он смотрел, тем яростнее в его сердце разгоралось пламя любви и страсти. Он увидел, как она прекрасна, и его охватило жгучее желание обладать ею. Реакция Карла на Изабеллу немало взбудоражила королевский двор, даже присутствовавший при встрече коннетабль Франции сказал одному из дворян: «Эта дама останется с нами. Король не может от неё глаз отвести».

Карл потребовал провести церемонию бракосочетания немедленно, что и было сделано 17 июля 1385 года, спустя всего четыре дня после смотрин. Изабелла приехала на свадьбу «в неописуемо роскошной карете, с короной на голове, показывая всем своим видом, что она сто́ит щедрого королевского выкупа, присланного за неё государем». После торжественной мессы и брачных обетов, засвидетельствованных епископом Амьенским в присутствии множества гостей,

был устроен пышный свадебный пир, на котором графы и бароны подносили королю и его невесте кушанья на золотых блюдах. Наконец, вечером придворные дамы уложили невесту на брачное ложе, и туда же немедленно направился король, которому давно не терпелось затащить Изабеллу в постель. Заглядывая за кулисы брачной церемонии, летописец отмечает, что «они провели вместе незабываемую ночь, как и следовало ожидать».

В январе 1386 года Изабелла забеременела, и никто при дворе не сомневался, что наследник престола уже на подходе. 25 сентября 1386 года она родила сына. Все парижские колокола звонили, возвещая о рождении принца, и гонец немедленно доставил королю радостную весть. 17 октября мальчик был крещён и наречён Карлом, обряд святого таинства совершал архиепископ Руанский.

Но маленький дофин родился больным и кричал не переставая в своей колыбельке, пока молодая мать в отсутствие короля изводила себя тревожными думами, а придворные лекари бессильно разводили руками. К возвращению короля в Париж в конце ноября здоровье младенца окончательно пошатнулось. Все всерьёз

опасались за его жизнь, а врачи беспомощно наблюдали, как будущий король угасает с каждым днём.

28 декабря, всего за день до того, как Жан де Карруж и Жак Ле Гри должны были сразиться на долгожданной дуэли, маленький дофин умер. Королевский двор, столичный люд и вся страна оплакивали потерю маленького принца. В ту же ночь его пышно разодетое тельце и, при свете факелов и с кортежем из знати было доставлено в королевскую усыпальницу Сен-Дени. Смерть дофина сочли дурным предзнаменованием, ведь она пришлась аккурат на день избиения младенцев царём Иродом.

Но безвременная смерть наследника не помешала Карлу и его двору насладиться праздничными торжествами, как и планировалось. Новый год считался праздником, равным Рождеству, и король с головой окунулся в омут празднеств, балов, танцев и кутежей. «Новый год при французском дворе в этот раз был отмечен с неподражаемым блеском… И несомненно, кульминацией всех этих торжеств стала судебная дуэль между Жаком Ле Гри и Жаном де Карружем».

По странному стечению обстоятельств, дама, чья судьба в этом поединке была поставлена на

кон, родила ребёнка практически одновременно с королевой. Младенец, при рождении крещёный Робером, должен был родиться после 9 июля, когда Парламент начал следствие, и задолго до 27 ноября, первоначальной даты поединка, потому что суд ни за что бы не рискнул казнить беременную женщину. Скорее всего, он родился между началом сентября (через девять месяцев после возвращения рыцаря из Шотландии) и серединой октября (девять месяцев спустя после предполагаемого изнасилования). Золотая середина здесь 25 сентября — день рождения дофина, из этого можно предположить, что оба младенца были примерно одного возраста.

Но если король и королева Франции потеряли сына прямо накануне дуэли, то ребёнок Жана и Маргариты рисковал лишиться обоих родителей и остаться сиротой, если поединок закончится не в пользу рыцаря.

ДОСПЕХИ

Карруж и Ле Гри носили доспехи, подобные этим латам (ок.1400 г.), которые представляли собой кольчугу, сделанную из плотно соединённых металлических колечек и стальных пластин, а также шлем, снабжённый клювоподобным забралом. Музей искусств Метрополитен, мемориальная коллекция Бэшфорда Дина, подарок

Хелен Фенсток Хаббард, в память о ее отце Харрисе К. Фенстоке, 1929 г. (29.154.3) Все права защищены, Музей искусств Метрополитен.

8

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА И КЛЯТВЫ

Рано утром в субботу, 29 декабря, рыцарь и сквайр поднялись с постелей у себя дома, по разные стороны Парижа. Первым делом они умылись, выслушали мессу и наконец нарушили пост, который держали с вечера прошлого дня. Так велел рыцарский обычай: держать пост, а то и бдеть перед алтарём в ночь накануне решающей битвы. Как сообщают источники, в преддверии дуэли Жана де Карружа и Жака Ле Гри, во всех церквях Парижа молились за победу одного или другого.

После умывания, молитвы и завтрака каждый не без помощи слуг был должным образом снаряжен для поединка. Вначале каждый облачался в тонкую льняную сорочку, а поверх неё в более плотный льняной костюм с подкладкой под ребра, пах и прочие уязвимые места. Затем к телу

пристёгивали разборные латы, начиная с ног, чтобы уменьшить нагрузку на корпус во время довольно длительного процесса одевания.

Сначала на ноги надевались матерчатые или кожаные башмаки, поверх которых — кольчужные или пластинчатые металлические сабатоны. Затем пристёгивались кольчужные гетры, или шоссы, а поверх них — пластинчатые латы для голеней, колен и бёдер. Кольчужная юбка опоясывала талию, закрывая бёдра и пах. Торс защищала кольчуга без рукавов, или хауберк, стянутый на талии кожаным ремнём. Поверх него надевалась стёганая куртка с металлическими чешуйками или цельнометаллический нагрудник. Дополнительные пластины прикрывали плечи, предплечья, локти и запястья. Кисти рук защищали кольчужные либо пластинчатые рукавицы с открытой тканевой или кожаной подкладкой на ладонях для более удобного захвата, шею закрывал металлический воротник. И наконец, на голову надевалась мягкая кожаная шапочка, поверх которой водружался бацинет, шлем с откидным забралом, защищающим лицо с подбородком, и бармицей — кольчужным капюшоном, покрывающим шею и плечи. Клювообразное забрало с узкими прорезями для

глаз и перфорацией, чтобы дышать, полностью скрывало лицо воина, когда он бездействовал. По этой причине поверх доспехов носили cotte d'armure (кот д'армюр) — безрукавку с вышитым на ней фамильным гербом. Полный комплект рыцарского облачения весил около двадцати семи килограммов, не считая оружия и прочего снаряжения{16}.

Пока бойцы облачались в доспехи, их лошади тоже готовились к бою. Средневековый боевой конь был совсем не той породы, что использовались для охоты, верховой езды, сельскохозяйственных работ и прочего. Это всегда был жеребец (рыцарь никогда не сражался верхом на кобыле), и к четырнадцатому веку это был «огромный конь» (equus magnus), достигающий шестнадцати ладоней в высоту и весящий дошестисот тридцати килограммов. Он был достаточно силён, чтобы нести на себе сто тридцать килограммов груза, которые составляли всадник, доспехи, седло и вооружение, и был специально

{16} Комментарии: 16

На протяжении 1300-х годов кольчуги (из сплетённых железных колец) все чаще дополнялись клепаными стальными пластинами для защиты от нового бронебойного оружия, смертоносных арбалетных болтов и боевых шипованных молотов. Первые доспехи, полностью сделанные из пластин, появились около 1380 года. Но многие солдаты по-прежнему носили кольчуги и чулки с пластинами, а кольчуга в основном прикрывала тыльную сторону рук, ног и суставов.

обучен внезапным атакам, резким разворотам, прыжкам и прочим боевым манёврам. Некоторые боевые кони специально обучались нападать и убивать противника ударами копыт с железными подковами.

Хорошие боевые кони стоили дорого, порой в сотни раз дороже обычной рабочей лошади или простого скакуна. Нормандия, издавна славившаяся своими лошадьми, была усеяна конезаводами, или «ара», разводящими жеребцов, известных по всей Европе. На суде Карруж уже заявлял, что Ле Гри был «состоятельным человеком и не испытывал нужды в породистых лошадях». Что касается самого рыцаря, то, несмотря на бедственное финансовое положение, вряд ли он сэкономил на породистом жеребце, ведь от коня зависела его собственная жизнь, жизнь супруги и их честное имя. Привезли ли противники с собой в Париж любимых боевых жеребцов или приобрели их специально для дуэли, эти кони предназначались исключительно для сражения.

Стандартная упряжь боевого коня включала стальную уздечку и удила с кожаными поводьями, четыре железных подковы, прочно закреплённых металлическими гвоздями; седло с высокой лукой и кантом, чтобы обеспечить

всаднику устойчивость, а также прочную подпругу, различные кольца и цепи для оружия; стёганую попону, закрывающую круп; специальный наголовник из металлических пластин, иначе называемый «шанфрен», с подкладкой и отверстиями для глаз, ушей и ноздрей. Бока и шею лошади защищала пластинчатая или кольчужная занавесь, которая порой пришивалась непосредственно к попоне. С сёдел свисали металлические стремена, и рыцари часто носили шпоры с остроконечными звёздочками, чтобы пришпоривать коней, потому что в гуще сражений часто приходилось бросать поводья.

Облачившись в доспехи и снарядив боевых коней, Жан де Карруж и Жак Ле Гри тщательно проверили оружие. Каждый должен был взять с собой на ристалище копьё, два меча, топор и кинжал.

Копьё — более длинное и тяжёлое, чем легкое метательное орудие раннего средневековья, произвело настоящую революцию во время Первого Крестового похода (1095-1099 гг.), когда конные отряды французских рыцарей, совершая организованные вылазки, сеяли панику среди сарацинов. Оружие моментально распространилось по всей Европе, став неотъемлемым

атрибутом сражений, турниров и судебных дуэлей. Длина копья составляла от трёх с половиной до пяти с половиной метров, а вес — не менее тринадцати килограммов. Стальной, острый как бритва наконечник имел форму листика или ромба. Металлическая гарда на рукоятке копья надёжно защищала руку. Конный воин держал копьё вертикально, закрепив его в специальном стремени — «фьютере». Когда наступал черёд атаки, он опускал оружие или делал «куше» (от французского «coucher» — лежать), закреплял его в специальном зазоре на щите, упирал конец древка себе в грудь и приподнимал копьё над седлом. Кожаный упор в щите не давал копью проскользнуть вовнутрь сквозь стальной зазор при ударе. Когда копье было должным образом нацелено, а всадник, упершись в стремена и пришпорив жеребца, несся по полю, сосредоточив все свои силы и мощь боевого коня на кончике копья, он превращался в настоящий «живой снаряд».

Меч был главным оружием рыцаря, и бой на мечах, будь то пешая или конная схватка, обычно следовал за предшествующим ему поединком на копьях. Французский королевский гобелен (ныне, увы, утраченный) изображал Жана де Карружа и Жака Ле Гри, вооружённых добротны-

ми короткими мечами, похожими на длинные кинжалы, висящие на поясе. В описи оружия для дуэли, состоявшейся в Бретани за несколько дней до поединка Карружа с Ле Гри, перечислены два меча, один «с клинком в семьдесят пять сантиметров длиной» и «двуручной рукоятью в тридцать сантиметров»; другой — с клинком покороче, одноручный, с рукоятью в семнадцать сантиметров{17}. Двуручные мечи предназначались для нанесения разящих ударов отточенным клинком (coups de taille — «разящие наповал», фр.). Меньший по длине одноручный меч, или эсток, имел более широкий и острый клинок для нанесения колющих ударов, известных как «coups de pointe» («разящие в цель», фр.). Поскольку разрешалось иметь при себе несколько видов оружия, вероятно, в арсенале Жана де Карружа и Жака Ле Гри значились оба меча. Двуручный меч обычно висел на седле в кожаных ножнах, а короткий меч закреплялся на поясе слева, для удобства, потому что большинство воинов были правшами.

{17} Комментарии: 17

Эта дуэль проводилась в Нанте 19 декабря 1386 года между двумя дворянами для разрешения спора об об убийстве, была санкционирована не французским королем или Парламентом, а практически независимым герцогом Бретонским.

На утраченном гобелене с дуэлью Карружа и Ле Гри также изображён топор. Это довольно распространённое оружие середины-конца четырнадцатого века, при грамотном ударе способное рассечь кольчугу и даже шлем, раскроив противнику череп. Некоторые рыцари предпочитали топор всем остальным видам оружия. Типичный боевой топор (полэкс) имел острый расширяющейся клинок с одной стороны, уравновешенный молотом с заострённой головкой, или «клювом ворона», с другой и острый колющий шип на верхушке, между ними. Воины чтили это оружие, именуя его «Святой Троицей». Топор для пешего боя имел древко длиной полтора метра и более, чтобы можно было наносить размашистые удары по сторонам, прорубаясь через неприятельские полчища. Для конного боя использовался укороченный вариант с древком чуть больше метра длиной, его крепили металлическим кольцом к луке седла, чтобы всегда держать под рукой.

Кинжал, оружие ближнего боя, также предназначался для убийства раненного или поверженного противника в финальной стадии поединка. При случае его можно было прицельно метнуть. Не столь древний, как меч или легендарное копьё,

кинжал вошёл в рыцарский арсенал примерно в конце 1200-ых. К концу XIV века рыцарский кинжал имел прочный клинок от пятнадцати до тридцати сантиметров длиной, заострённый на конце, чтобы можно было разить врага в зазоры стальных лат или в отверстия для глаз и ушей в шлеме. Кинжал из описи дуэльного оружия в Бретани был «металлическим или стальным, либо комбинированным» с клинком «около двадцати сантиметров от рукояти».

Помимо копья, мечей, топора и кинжала, каждый рыцарь был оснащён щитом с изображением фамильного герба. Щиты изготавливались из прочного дерева вроде дуба или ясеня и обтягивались вываренной кожей (кюрболи), высушенной и закалённой до состояния брони, армированной роговыми или металлическими вставками. По мере того как кольчуги уходили в прошлое, уступая место надёжно защищающим воина латам, щиты уменьшались в размерах, предохраняя лишь шею и торс всадника, сужая мишень для копья противника. Обнажив меч или спешившись для боя, воин вешал щит на шею за специальный ремешок, чтобы освободить руки, либо держал его в левой руке, отражая атаки противника и нанося ответные удары.

В день дуэли Карруж и Ле Гри помимо оружия захватили кожаные бурдюки с вином, немного хлеба, завёрнутого в отрез ткани, и кошели с серебряными монетами, чтобы заплатить за пользование ристалищем. Каждый привёз корм для своего коня на случай, если спор не разрешится до наступления темноты и будет перенесён на следующий день.

Когда ранним утром оба противника облачались у себя дома в доспехи, желающие поглазеть на поединок зеваки уже толпились на пустыре перед монастырём Сен-Мартен. Весть о сражении разнеслась по всей Франции, «до самых отдалённых уголков королевства», «и вызвала такой ажиотаж, что, привлечённые сим зрелищем люди стекались в Париж из самых разных мест», Нормандия, где имена обоих мужчин и мадам Карруж успели изрядно прогреметь, не была исключением.

Поединок пришёлся не только на святки, но и аккурат на день святого мученика Томаса Бекета. Многие парижские лавки были закрыты по случаю праздника, и все зрители находились в приподнятом настроении. Люди начали прибывать сразу после рассвета, а к восходу солнца (между 7:30 и 8:00 утра) уже текли бурной рекой

по улице Сен-Мартен через монастырские ворота. Ближе к полудню шумная многотысячная толпа наводнила монастырь. Вооружённых копьями и булавами стражников расставили по периметру ограждённого ристалища, чтобы держать зевак подальше от ограждения и ворот.

Зима 1386-1387 года выдалась на севере Франции необыкновенно суровой и снежной. Солнце на открытом поле практически не грело, а защищающие монастырь каменные стены вряд ли спасали от ледяных ветров, пронизывающих город. Поэтому зевакам, решившим прийти пораньше, чтобы занять лучшие места, в этот морозный денёк пришлось несладко. Знать, духовенство и даже некоторые городские чиновники и купцы, которым были гарантированы места на трибунах, могли не спешить. Но простолюдинам, заполнившим всё свободное пространство — лавочникам, ремесленникам, рабочим, подмастерьям, школярам и торговкам рыбой, а также карманникам и попрошайкам — приходилось брать места боем, расталкивая друг дружку локтями. По мере того как колокола парижских церквей отбивали каждый час, свободное пространство вокруг ристалища постепенно сужалось, некоторые зрители забрались на мона-

стырские стены и облепили немногочисленные деревья, чтобы разглядеть поединок в деталях.

Главными гостями в тот день были король Карл и его дяди — герцоги Бургундский, Беррийский и Бурбонский. Королевская свита прибыла на несколько часов позднее первых зрителей, но задолго до полудня, когда противники должны были выйти на поле боя. Но вот у ворот протрубили, и король въехал на территорию монастыря в окружении пестрой свиты придворных. Огромная толпа жадно наблюдала за королевским кортежем, зная, что скоро начнутся церемониальные приготовления к поединку.

Торжественная процессия в Средневековье была неотъемлемой частью почти любого публичного мероприятия, будь то свадьба или похороны, коронация или казнь. За трубачами, возвестившими о приезде короля, следовал маршал, которому на ристалище отводилась роль церемониймейстера, за ним следовал «король оружия» — чиновник, отвечающий за боевую экипировку, — а за ним несколько глашатаев «с зычными голосами», выполнявших в те времена функцию рупора. Затем появился оруженосец в королевской ливрее, несущий на подушке обнажённый Меч правосудия — длинный сереб-

ряный клинок с изукрашенной драгоценными камнями рукоятью, символ королевской власти. За ним, восседая на коне в яркой попоне в цветах королевского дома, ехал сам король Карл в сопровождении четырёх рыцарей, исполняющих роль официальных свидетелей (эскутов) дуэли, а за ними — дяди короля и прочие высокопоставленные дворяне, которым предстояло составить компанию государю на королевской трибуне. Замыкали кортеж вооружённые копьями гвардейцы, конные или пешие.

Король был не только самым почётным гостем на дуэли, но и представителем закона, верховным судьёй. Парламент именем короля разрешил дуэль, а Карл, как Помазанник Божий, действовал от имени верховного владыки и судьи, которому предстояло вынести свой вердикт по делу. Карл, отложив поединок на целый месяц до своего прибытия из Фландрии, также настоял, чтобы в означенный день дуэль не начинали до его прибытия. Лишь когда король занял своё место на высокой трибуне, подогретой изнутри углями, устроился на мягком троне, задрапированном синими полотнищами с королевскими золотыми лилиями, церемония дуэли официально началась.

Жан де Карруж, как апеллянт, прибыл на поле боя первым во главе пышной процессии, состоявшей из присяжных, родственников, оруженосцев и слуг, несущих его боевое снаряжение. Как того требовали правила, он выехал на поле верхом на коне, с откинутым забралом, с мечом и кинжалом на поясе, показывая, что полностью готов к бою. Паж привёл рыцарю осёдланного и закованного в специальную броню боевого жеребца, пока другие слуги подносили ему копьё и щит.

Помимо оружия, рыцарь нёс метровый шест синего цвета, увенчанный серебряным распятием, и поминутно осенял себя крестным знамением. Его щит, как и надетая поверх доспехов накидка, были украшены фамильным гербом Карружей: пурпурное поле, усеянное серебряными геральдическими лилиями. Рыцаря сопровождали граф Валеран де Сен-Поль и двоюродный брат Маргариты Робер де Тибувиль, который также был одним из его секундантов.

За ними в экипаже, задрапированном чёрными полотнищами, следовала мадам Карруж, укутанная в длинный чёрный балахон. Карета могла полагаться ей либо по правилам церемонии, либо как уступка для недавно разрешившейся от бремени дамы. Маргариту сопровождали её

отец Робер де Тибувиль и кузен Томин дю Буа, не так давно бросивший Адаму Лувелю вызов на дуэль, впоследствии отклонённый парижским Парламентом.

Когда в поле зрения появилась мадам Карруж, страсти накалились до предела. Молодость и красота Маргариты, её строгое чёрное одеяние и роль обвинительницы на столь громком процессе приковывали к ней всеобщее внимание. На мгновение зрители забыли о короле, его напыщенных дядьях и даже о грозном рыцаре, все повернулись, чтобы посмотреть, как на поле появилось это печально известное яблоко раздора.

Хоть Маргарита и не была официально осуждена, она станет свидетельницей дуэли, под угрозой смертной казни, которую немедленно приведут в исполнение в случае гибели её мужа. В чёрное, цвет траура и смерти, традиционно одевали палачей и их жертв, а также приговорённых к сожжению ведьм и еретиков. Одеяние Маргариты словно говорило, что сейчас её жизнь висит на волоске.

Родственники и друзья мадам Карруж, а возможно, и многие зрители сочувствовали её незавидному положению. В окружении её мужа нашлись влиятельные дворяне, которые приняли

супружескую чету в Париже и даже предлагали свои услуги в качестве секундантов. Многие люди, по словам адвоката сквайра, свято веруя в честность и правоту рыцаря, сочувствовали его супруге.

Но было также немало тех, кто поддерживал Жака Ле Гри, включая высокопоставленных придворных, а возможно, и самого короля, поскольку сквайр был фаворитом графа Пьера, двоюродного брата государя. Родные и близкие Ле Гри люто ненавидели Маргариту за то, что она запятнала имя сквайра и подвергла его жизнь смертельной опасности, обвинив в гнусном преступлении. Они искренне надеялись, что к концу дня рыцарь будет убит, а его супруга сожжена на костре.

В толпе зрителей, которым были мало интересны эти межсемейные дрязги, столь чёткой конфронтации не наблюдалось, большинство даже не знало всех деталей дела. Многие просто пришли поглазеть на дуэль, редчайшее событие, которое мало кому из присутствующих пришлось созерцать, добавить капельку насилия в коктейль пышных рождественских торжеств святочной недели. Некоторые, несомненно, жалели Маргариту, но находились и злые языки, которые подначивали толпу самыми невероятными слу-

хами и грязными сплетнями перед долгожданной дуэлью и ещё более долгожданным сожжением ведьмы, которое, вероятно, за этим последует.

Кто она? Ведьма? Чаровница? Коварная обольстительница? Когда Маргарита вышла на поле, подставив своё лицо обжигающему зимнему ветру, который трепал соболиную оторочку на её одежде, она, должно быть, почувствовала гремучую смесь сочувствия, враждебности и любопытства во взглядах зевак, изучающих её со всех сторон. Даже её публичное появление перед парижским Парламентом несколькими месяцами ранее померкло перед этим испытанием.

Последним прибыл Жак Ле Гри в окружении родственников, друзей и придворных графа Пьера — его секундантов. Как человек, обвиняемый в ужасном преступлении, Жак Ле Гри также приковывал внимание публики. За ним следовали слуги, несущие его щит и боевое снаряжение, и паж, ведущий под уздцы боевого коня. По иронии судьбы герб Ле Гри повторял герб рыцаря, только в обратном порядке: серебряное поле, пересечённое кроваво-красной полосой.

Соперники разошлись по разные стороны огороженного ристалища, рыцарь и его свита по правую руку от короля, сквайр со своим кортежем

— по левую. Каждый расположился близ ворот у собственной палатки с креслом и скамьёй, чтобы забраться на коня. Затем маршал поднялся со своего места у королевского трона и направился к правым воротам в сопровождении герольда и двух из четырёх рыцарей, исполняющих роль официальных свидетелей. Другой герольд в сопровождении оставшихся двух свидетелей проследовал к левым воротам.

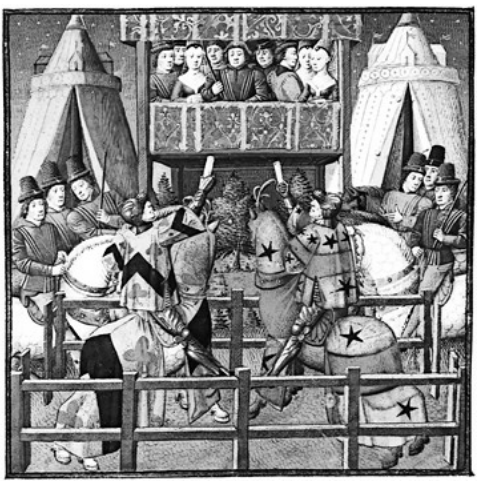
Подъехав к воротам справа, маршал остановил свою лошадь перед сидящим на коне рыцарем и потребовал сообщить, кто он такой, зачем явился сюда во всеоружии и по какой причине.

— Достопочтенный фельдмаршал, — громко начал рыцарь, чтобы слышали все присутствующие. — Я, рыцарь Жан де Карруж, прибыл сюда по приказу своего государя на коне и во всеоружии, дабы, как истинно благородный рыцарь, выйти на ристалище и сразиться с Жаком Ле Гри, сквайром, совершившим гнуснейшее преступление против моей супруги Маргариты де Карруж. И я призываю в этот день Господа нашего, Святую Деву и заступника Святого Георгия в свидетели чистоты и праведности моих намерений{18}. По-

{18} Комментарии: 18

Святой Георгий, известный как драконоборец, считался покровителем рыцарей.

сему я пришел лично, дабы исполнить долг чести, и прошу, чтобы вы по справедливости даровали мне часть этого поля, солнца, воздуха и всего, что требуется в подобных случаях. Клянусь, что я исполню волю Господа нашего, Пресвятой Девы и заступника Святого Георгия. Публично заявляю, что буду сражаться конным или пешим, как того потребуют обстоятельства, подниму или сложу то оружие, которое потребуется, буду нападать или защищаться, нанося решающий удар или отражая его, если будет на то святая Господня воля.



СВИТКИ

Бойцы перед началом поединка предъявляют свитки с изложенными в них взаимными обвинениями. МС. фр. 2258, фол. 14с. Французская национальная библиотека.

После того как апеллянт произнёс свою речь, пришёл черёд официально высказаться ответчику. По сигналу маршала глашатай зычно прокричал: «Приглашается месье Жак Ле Гри высказаться в свою защиту по обвинениям, выдвинутым месье Жаном де Карружем».

Маршал проехал через поле, пока не очутился лицом к лицу с Ле Гри, и тоже потребовал, чтобы тот объяснил, кто он такой, зачем явился сюда во всеоружии и с какой целью.

— Достопочтенный фельдмаршал, — громко продекламировал Ле Гри. — Я, Жак Ле Гри, сквайр, прибыл сюда по приказу своего государя на коне и во всеоружии, дабы, как истинно благородный дворянин, выйти на поле боя и сразиться с Жаном де Карружем, рыцарем, из-за ложного обвинения, выдвинутого им против меня, запятнавшего мою честь и доброе имя. И в этот день я призываю Господа, Пресвятую Деву и Святого Георгия в свидетели моей невиновности. Посему я пришёл лично, дабы исполнить долг чести, и

прошу, чтобы вы по справедливости даровали мне часть этого поля, солнца, воздуха и всего, что требуется в подобных случаях. Клянусь, что я исполню волю Господа нашего, Пресвятой Девы и заступника Святого Георгия. Публично заявляю, что буду сражаться конным или пешим, как того потребуют обстоятельства, подниму или сложу то оружие, что мне потребуется, буду нападать или защищаться, нанося решающий удар или отражая его, как будет на то святая Господня воля.

Публично представившись, они передали списки взаимных претензий и краткое содержание спора, изложенные на пергаментных свитках. Над свитками тщательно поработали их адвокаты. Карруж и Ле Гри, по-прежнему сидя в седле по разные стороны поля, сверлили друг друга презрительными взглядами и грозно размахивали пергаментными свитками словно оружием. Словесная дуэль вот-вот должна была перейти в реальный поединок, и теперь маршал уже обратился к королю, прося открыть ристалище для битвы.

Получив королевское дозволение, маршал приказал противникам спешиться и занять свои места. Дуэлянты взгромоздились на высокие кресла, каждый близ своего шатра, перебра-

сываясь через поле гневными взглядами. Они выполнили свои клятвы, явившись на ристалище в означенный день и час, и их поручителей отпустили. С поля увели всех лошадей, кроме двух боевых коней.

Пока Карруж и Ле Гри рассаживались по местам, а чиновники занимались приготовлениями к дуэли, Маргарита оставалась в своём экипаже на краю ристалища, ожидая, когда закончится официальная часть и начнётся поединок. Впрочем, ждать мадам Карруж пришлось недолго, король приказал ей покинуть своё убежище.

Маргариту возвели на затянутый чёрным сукном импровизированный эшафот, с которого открывался прекрасный вид на ристалище, чтобы «ожидать там милости Божьей и молиться о благополучном исходе битвы».

Как только оба противника и дама заняли свои места, «король оружия» с помощью двух эскутов, приставленных к каждому бойцу, принялся осматривать их вооружение, чтобы исключить вероятность использования на поле боя каких-либо незаконных ухищрений и убедиться, что все копья, мечи, топоры и кинжалы были одинаковой длины.

Пока проводился осмотр оружия, на ристалище

вышел герольд, чтобы зачитать толпе правила поведения во время поединка.

— Слушайте, слушайте, слушайте! Сеньоры, рыцари, сквайры и прочий честной народ! Повелением нашего верховного владыки короля Франции строго-настрого, под страхом смертной казни с конфискацией имущества, любому из присутствующих здесь запрещается иметь при себе меч, кинжал или любое другое оружие, если только вы не являетесь официальным королевским стражем, либо имеете на то специальное разрешение нашего владыки короля. Помимо этого, по велению нашего владыки короля, строго-настрого запрещается любому лицу любого ранга оставаться в седле во время боя, за исключением самих дуэлянтов. Если кто-либо из дворян ослушается, то он будет лишён лошади; если правило нарушит кто-либо из слуг — он лишится уха. Помимо этого, по велению нашего владыки короля, строго-настрого запрещается любому лицу любого звания и сословия приближаться к полю боя и выходить на ристалище, за исключением тех, кто имеет на это особое право; всякий, сделавший это, будет лишён жизни, а его имущество — конфисковано. Помимо этого, по велению нашего владыки короля, строго-на-

строго запрещается любому лицу любого звания и сословия, сидя на скамье либо на земле, умышленно закрывать обзор другим зрителям. Всякий, сделавший это, будет лишён руки. Помимо этого, по велению нашего владыки короля, строго-настрого запрещается любому лицу любого звания и сословия громко говорить, жестикулировать, кашлять, плеваться или совершать что-либо подобное. Всякий, сделавший это, будет лишён жизни, а его имущество — конфисковано.

Без сомнения, судебные дуэли не были шумными зрелищами, сопровождаемыми свистом и восторженным рёвом толпы. Хронисты сообщают, что наблюдавшие за поединком зрители сидели словно заворожённые, в гробовой тишине, боясь даже вздохнуть лишний раз.

С этого момента дуэль будет отмечена пугающей соразмерностью. Тщательно проработанные правила и ритуалы должны были обеспечить честный бой, не оставляя ничего на волю случая (или провидения), «кроме, конечно же, самого исхода дуэли». Равным надлежало быть не только оружию дуэлянтов, но и их самих следовало уравнять в правах. Жан де Карруж был рыцарем, а Жак Ле Гри — всего лишь сквайром. И вот, Ле Гри становится на колени перед маршалом, что-

бы тот посвятил его в рыцари.

Посвящение в рыцари (даббинг) далеко не всегда было сложным ритуалом с ночными бдениями, награждением оружием и прочими церемониями. Да и сам титул не обязательно присуждался за доблесть и воинские заслуги; порой мужчин посвящали в рыцари накануне решающей битвы, чтобы мотивировать их. Для посвящения сквайра в рыцари следовало лишь трижды хлопнуть его плашмя по плечу маршальским мечом и произнести слова посвящения: «Именем Господа, Святого Михаила и Святого Георгия, посвящаю тебя в рыцари; будь храбрым, учтивым и преданным!»

Однако быть рыцарем на деле — совсем другая песня. Это отточенная практика боя на мечах, прекрасное умение держаться в седле, чтобы быть достойным соперником на рыцарских турнирах и в реальных сражениях. В последнем Жан де Карруж особенно поднаторел. С юности он успел поучаствовать во многих военных компаниях (включая последнюю Шотландскую) и вернуться невредимым. Жак Ле Гри, хоть и был личным королевским оруженосцем, имел более скромный военный опыт, чем его соперник.

Но Жак Ле Гри был выше и сильнее, а это даёт

немалое преимущество в схватке. К тому же сквайр был богаче и мог позволить себе лучших лошадей и оружие. Несмотря на перенесённую в сентябре болезнь, подкосившую его после вердикта суда, сквайр имел здоровый цветущий вид и «выглядел бодро», в то время как «Карруж был обессилен лихорадкой, что мучила его уже длительное время». Как говорится в одном из донесений, «в означенный день с рыцарем случился очередной приступ лихорадки».

Любой из этих факторов: сила, здоровье, богатство, боевые навыки и опыт, могли сыграть на поле боя решающую роль, и в чью пользу они сработают, предсказать было невозможно. Переломить ход сражения могла любая из тысячи случайностей, от подвернувшейся на ровном месте ноги или лопнувшего ремешка до слепящего солнечного блика, отброшенного доспехами противника или сломавшегося клинка.

После церемонии посвящения в рыцари Жак Ле Гри вернулся на своё место, и в центр ристалища вновь вышел герольд, на этот раз, чтобы огласить противникам правила боя.

— Правило первое: если кто-либо из бойцов пронесёт на поле боя любое оружие, запрещённое французским законом, оно будет изъято без

права замены на другое. Правило второе: если кто-либо из дуэлянтов пронесёт на поле боя оружие, заговорённое при помощи чёрной магии, ворожбы и прочих языческих обрядов, способное нанести ущерб силам и способностям противника до, после либо во время боя, нарушитель будет наказан как еретик, предатель или убийца, в зависимости от обстоятельств. Правило третье: каждый дуэлянт должен взять с собой на поле боя достаточно хлеба, вина и прочей еды, питья, и всего, что необходимо в течение дня, чтобы подкрепить силы, как собственные, так и своего коня. Правило четвёртое: каждый дуэлянт волен сражаться пешим или конным, вооружённым по собственному разумению любым оружием или предметом для нападения либо защиты, за исключением оружия и предметов дьявольской природы, либо заговорённых при помощи ворожбы, заклинаний и прочих богопротивных ритуалов, запрещённых Святой Церковью для всех добрых христиан. Правило пятое: каждый дуэлянт должен принести клятву и публично заявить, что если до захода солнца Господь не поможет ему победить противника или прогнать того с поля битвы, то он примет это как Божью волю и явится сюда на следующий день, чтобы

продолжить бой.

Дуэль могла затянуться на целый день, так и не завершившись до заката или к тому времени, когда на небе покажутся звёзды. В этом случае бой будет продолжен на следующий день. Что же касается магии, то в Средние века к этому относились на полном серьёзе, ведь частенько противники не брезговали колдовством и заклинаниями, чтобы заговорить оружие, а то и вовсе выковать его по колдовским канонам, заручившись поддержкой Лукавого. Поэтому участникам судебной дуэли под страхом смерти строго-настрого воспрещалось использовать любое волхование, способное воспрепятствовать Божьей воле.

Выслушав эти правила, каждый дуэлянт должен был принести три официальные клятвы. Религиозная составляющая поединка вышла на первый план, когда священники вынесли на поле и водрузили в самом центре ристалища алтарь (прямоугольный постамент полтора метра длиной, метр шириной и полметра высотой, покрытый золототканым узорчатым покровом), на нём установили серебряное распятие и молитвенник, открытый на странице с изображением Страстей Христовых.

Священники и алтарь со священными предметами, выставленными на всеобщее обозрение, должны были благословить схватку, как Божий суд, или judicium Dei. Молитвенник и распятие также напоминали о суде и страданиях, перенесённых Христом за грехи человеческие. Здесь, на этом поле, благословлённом символами Страстей Христовых, Господь обличит виновного, заставив его пролить кровь за свои грехи.

КЛЯТВЫ

Дуэлянты, встав на колени лицом к лицу, касаясь молитвенника и распятия, в присутствии священников произносят торжественные клятвы. MC. фр. 2258, фол. 18с. Французская национальная библиотека.

Первую клятву произносил каждый по отдельности, маршал проводил церемонию, священники выполняли роль свидетелей. Вначале к алтарю подошёл Жан де Карруж. Подняв забрало и преклонив колени, он снял перчатку с правой руки и, коснувшись распятия, прочитал слова клятвы.

— Клянусь на святом Евангелии, свидетельстве Страстей Господа нашего Иисуса Христа, истиной христианской верой и Святым Крещением, что я свято верю в праведность своего дела и законность собственных деяний в сём поединке.

Затем он вновь призвал в свидетели Всевышнего, Деву Марию и Святого Георгия.

Когда рыцарь вернулся на своё место, к алтарю подошёл Жак Ле Гри и, преклонив колени, также поклялся в своей невиновности.

Для второй клятвы уже оба воина преклонили колени по разные стороны алтаря лицом друг к другу, они протянули руки, возложив обнажённые ладони на распятие так, что их пальцы едва

не соприкоснулись. Каждый под страхом навлечь на себя все муки ада поклялся в праведности своего дела и правдивости собственных показаний. Также дуэлянты поклялись, что не использовали колдовской заговор ни для себя, ни для своих коней, и что каждый из них полагается лишь на праведность собственного дела, силу своих рук и коня. Затем каждый поочерёдно приложился к распятию.

Третья, последняя клятва, была самой важной. Коленопреклонённые противники, стоя по разные стороны алтаря лицом друг к другу, возложив правые руки на распятие, на этот раз соединили левые руки без перчаток в открытой ладони маршала («La main sinistre»). С этим рукопожатием оба дуэлянта дали торжественную клятву, начал опять Карруж.

— Ты, именуемый Жаком Ле Гри, чью длань я держу в своей руке, клянусь Святым Евангелием, верой и крещением, данными мне от Бога, что вызываю тебя на бой во имя чести и справедливости, твой же мотив — есть зло.

Следующим заговорил Жак Ле Гри, всё ещё сжимая левую руку противника.

— Ты, именуемый Жаном де Карружем, чью длань я держу в своей руке, клянусь Святым Еван-

гелием, верой и крещением, данными мне от Бога, что твой мотив — есть зло. Я же защищаюсь во имя чести и справедливости.

Произнеся клятвы, дуэлянты вновь поочерёдно приложились к распятию.

Третья, и последняя клятва была похожа на те, что обычно сопровождали многие средневековые ритуалы, от брачных обетов до вассальной присяги. Разница лишь в том, что, скрепляя клятву, стороны держали друг друга за правую руку, в то время как дуэлянты соединяли левые руки, демонстрируя враждебность этой связи.

Произнося клятвы, противники рисковали не только жизнью, состоянием и репутацией, но и своей бессмертной душой. Один из священников, указав на священные предметы на алтаре, торжественно напомнил дуэлянтам и всем присутствующим, что исход поединка решит, «чьё тело и душа будут навеки прокляты после принесённых здесь обетов, ибо отныне они будут судимы Божьим судом».

Выслушав грозные предупреждения священника, дуэлянты поднялись и разошлись по своим местам в разных концах поля.

После того как противники представились, изложили взаимные претензии, предъявили

свитки, сдали на осмотр оружие, выслушали правила боя и произнесли три великие клятвы, оставалась последняя церемония.

Смертельные дуэли во Франции стали редкостью, а поединки, из-за которых на волоске висела ещё и жизнь прекрасной дамы, и вовсе были в диковину. После того как дуэлянты закончили с клятвами, пришла очередь присягнуть и главному свидетелю, Маргарите.

Жан де Карруж подошёл к жене и, подняв забрало и глядя ей прямо в глаза, торжественно произнёс:

— Мадам Карруж, на основании ваших показаний я готов рискнуть своей жизнью в битве с Жаком Ле Гри. Вам известна праведность моих намерений.

Воцарилась гробовая тишина, тысячи взоров устремились на Маргариту.

— Монсеньор, можете сражаться с чистой совестью, ибо за вами правда, — ответила она.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Маргарита, сидящая здесь в своём экипаже, прощается с Жаном перед началом дуэли. Жан де Ваврен, Английские хроники. MC. Royal 14 E. IV, фол. 267c. С разрешения Британской библиотеки.

— На всё Божья воля, — просто ответствовал ей рыцарь.

Это были последние реплики, которыми супруги обменялись перед дуэлью. Оба понимали, что, возможно, это последние в их жизни слова, сказанные друг другу.

Рыцарь поцеловал жену, сжал её руку и перекрестился. Закончив последнюю церемонию, он вернулся на место в конце поля.

Хронист описывает тревогу во взгляде Маргариты, когда она смотрела вслед мужу, отправля-

ющемуся на смертельный поединок.

«Дама осталась сидеть у края поля, вознося молитвы Господу и Пресвятой Деве с просьбой даровать желанную победу, которую она по праву заслуживала. Легко понять её тревогу, ведь она была далеко не уверена в собственной безопасности, если муж потерпит неудачу, её сожгут без всякого обжалования. Не знаю (мне не случилось с ней общаться), жалела ли она хоть раз, что зашла так далеко и навлекла смертельную опасность на голову собственного мужа, теперь ей оставалось лишь ждать, чем всё закончится».

Маргарите и впрямь угрожала смертельная опасность. Свидетельство тому — ужасная казнь чиновника Карла VI по сфабрикованному обвинению в ереси, подобная судьба ожидала и Маргариту, если её муж проиграет дуэль. Вот как описывает казнь летописец:

«Его (приговорённого) вытащили на площадь, где уже пылал костёр и стояла виселица, а у её подножия — столб с тяжёлой железной цепью. С перекладины виселицы свешивалась ещё одна цепь с железным ошейником. Ошейник, исполняющий роль петли, замкнули на шее висельника, чтобы затем, натянув цепь, зафиксировать преступника вертикально. Первую цепь обмотали

вокруг туловища, чтобы понадёжнее привязать его к столбу. Он кричал без умолку. Приковав к столбу, его обложили огромными вязанками дров и подожгли. Дрова занялись мгновенно. Несчастный был повешен и сожжён, и король, возможно, наблюдал за казнью из окна своей резиденции».

Если Маргариту сожгут, то это произойдёт прямо на глазах у государя. Средневековый люд, от короля до нищего крестьянина, с большой охотой наблюдал за чудовищными пытками и казнями, не забывая приводить с собой детей на эти жуткие зрелища с сожжением, повешением, утоплением, погребением заживо и прочими ужасами. Есть свидетельства, что приговорённые к сожжению жертвы агонизировали на костре до получаса и более.

Летописец вряд ли драматизирует, описывая тревогу во взгляде Маргариты, смотрящей на ристалище, где вот-вот решится её судьба. Он даже предположил, будто она сожалеет, что зашла так далеко со своими обвинениями, подвергнув смертельной опасности не только себя, но и супруга. Однако он признаётся, что не может с точностью угадать её мысли, поскольку никогда с ней не беседовал, набрасывая покров таинственности на мысли, что терзали Маргариту в тот трагиче-

ский момент.

9

СМЕРТЕЛЬНАЯ БИТВА

После того как были соблюдены все необходимые ритуалы и сказаны все нужные слова, настал черёд битвы. Жан де Карруж и Жак Ле Гри скрылись в своих палатках, где преданные слуги в последний раз тщательно проверили их доспехи и оружие. Священники спешно убрали с ристалища алтарь, распятие и молитвенник, стараясь впопыхах ничего не растерять. Двое слуг разровняли песок на том месте, где стоял алтарь, вновь превратив поле битвы в девственно-чистый белый прямоугольник. Король со своей свитой и многочисленная толпа с явным нетерпением ожидали начала сражения.

Когда оба дуэлянта сообщили о своей готовности сражаться, а все посторонние покинули ристалище через ворота, в центр поля вновь вышел герольд. Он развернулся лицом к королю, ожидая, когда установится полная тишина. Трибуны враз затихли, было слышно лишь, как

хлопают на ветру вымпелы, развевающиеся над красной и серебристой палаткой, да фыркают стоявшие наготове у скамеек боевые кони.

Внезапно тишину разорвал зычный голос герольда.

— «Faites vos devoirs!» (Исполняйте свой долг!)

Не успел он выкрикнуть это трижды, следуя правилам, как дуэлянты вышли из своих палаток в шлемах с опущенными забралами и во всеоружии, сопровождаемые стайкой перепуганных слуг. Карруж и Ле Гри, бряцая доспехами, проследовали к своим коням, которые ожидали всадников за воротами в противоположных частях поля. Противники с грохотом водрузили свой железный башмак на скамью рядом с конём, давая понять, что готовы к бою.

Герольд покинул ристалище, и его место занял маршал. Четверо благородных свидетелей, или эскутов, также заняли свои посты: разделившись на пары, рыцари встали по обе стороны поля, преграждая путь копьём, опущенным поперёк распахнутых ворот. Маршал стоял в центре поля, держа в руке белую перчатку. Именно на него сейчас были устремлены все взоры толпы. Дуэлянты стояли наизготовку у своих коней, фиксируя каждый взгляд и жест, и заворожённо наблюдали,

как маршал медленно поднимает перчатку над головой. Внезапно он подбросил её в воздух.

— Laissez-les aller! (Приступайте!) — скомандовал он.

Не успела перчатка коснуться земли, а маршал трижды выкрикнуть команду, как соперники, схватившись за луку седла, бодро, хоть и не без помощи слуг, вскочили на коней. Оруженосцы были тут как тут, протягивая хозяевам копья и щиты. Мечи и кинжалы уже висели у бойцов на перевязи, второй длинный меч был заблаговременно закреплён на металлическом седельном кольце рядом с топором. Лежащее на седле громоздкое копьё завершало экипировку, его подняли и закрепили вертикально в специальном седельном упоре. Полностью снарядив всадников, слуги почтительно удалились. В последний раз перед боем соперники прибегли к посторонней помощи. Отныне каждый был сам по себе.

Жан де Карруж и Жак Ле Гри пришпорили коней. Четверо эскутов, преграждавших путь, побросали копья и едва успели отскочить в сторону, когда дуэлянты вихрем пронеслись мимо них на ристалище через ворота в противоположных сторонах поля. Стражники тут же ловко затворили за ними тяжёлые двери и задвинули засовы, не

выпуская оружия из рук. Маршал поспешно покинул поле боя через узкие центральные ворота, заперев их за собой.

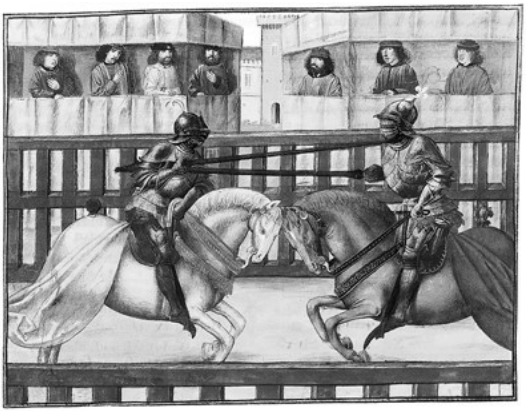
Карруж и Ле Гри остались на поле один на один, словно в западне, окружённые со всех сторон деревянным частоколом и зубчатыми железными воротами, надёжно запертыми стражей. Противники остановились напротив ворот, чтобы получше разглядеть друг друга сквозь опущенные забрала, едва сдерживая разгорячённых коней. Они прекрасно смотрелись в седле, как и подобает закалённым в битвах воинам. Французские дворяне, пришедшие поглазеть на дуэль, просто упивались торжеством этого момента.

Под пристальными взглядами толпы, готовой взреветь от едва сдерживаемого возбуждения, двое заклятых врагов внимательно изучали друг друга, их горячее дыхание вырывалось из-под опущенных забрал облачками пара, а тела под доспехами взмокли от пота. Они сошлись не на жизнь, а насмерть, словно водный поток и бушующий пожар.

Ристалище, на миг ставшее тюрьмой, теперь превратилось в пылающий тигель, где один из элементов будет уничтожен, чтобы полностью очистить другой в священном огне правосудия.

Карруж и Ле Гри будут биться без всякой пощады, пока не случится одно из трёх. Либо один из них убьёт другого, доказав вину противника и справедливость собственных обвинений; либо один заставит другого признаться в ложной присяге, отправив тем самым противника на виселицу; либо один из бойцов заставит соперника бежать с поля боя, что также было прямым доказательством его вины.

Они будут биться не только без пощады, но и без правил. В смертельной дуэли, в отличие от дружеских турниров, никто не запрещает поразить противника в спину или в глаз через прорезь в шлеме, ослепить соперника, бросив ему в лицо горсть песка, подставить подножку, пнуть ногой, а потом напрыгнуть сверху, когда тот упадёт. Во время поединка во Фландрии в 1127-м двое обессиленных дуэлью бойцов отбросили оружие и рухнули наземь, где вновь сцепились, нанося друг другу удары железными перчатками, пока один, изловчившись, не проник рукой под доспехи соперника и не оторвал ему мошонку, тут же отправив беднягу к праотцам. Рыцарство носило маску благородства и приличия в спортивных турнирах, но мгновенно сбрасывало её, едва начиналась реальная резня.



РЫЦАРСКИЕ ПОЕДИНКИ

Двое всадников сошлись в копейной атаке на ристалище, огороженном деревянным частоколом. Жан де Вавpен. Английские хроники. Royal MC 14 E IV фол.81. С разрешения Британской библиотеки.

Жан де Карруж, на правах обвинителя, вступил в бой первым. Рыцарь опустил копьё и крепко зажал его правой рукой, тщательно целясь в соперника. Пришпорив коня, он ринулся вперёд. Жак Ле Гри, увидев несущегося на него противника, тут же опустил копьё и устремился ему навстречу.

Расстояние между двумя всадниками до начала

атаки составляло более шестидесяти метров. Но сильный боевой конь мог за секунды перейти с шага на галоп. Даже при мелкой рыси в пятнадцать — двадцать пять километров в час, при сложении скоростей расстояние между противниками было бы преодолено примерно за пять секунд.

Для Маргариты, наблюдавшей за происходящим с вершины эшафота, должно быть, эти секунды показались вечностью. Она видела, как муж опустил копьё и, пришпорив коня, ринулся в атаку, словно выпущенная из лука стрела, оставив за собой белый шлейф из песка и пыли. Мгновения спустя бросился в атаку и Жак Ле Гри, воздух наполнился топотом конских копыт. Все взгляды в этот момент были прикованы к несущимся друг на друга всадникам и их нацеленным друг на друга копьям.

Поскольку это не был спортивный турнир, на поле отсутствовал разделительный бордюр по центру, чтобы направить противников и уберечь лошадей от столкновения, но соперники двигались строго по прямой линии, словно их тянули на невидимой верёвке. Дуэлянты неслись навстречу друг другу, словно два смертоносных снаряда, сверкая отточенной сталью на наконеч-

никах копий. Суммарный вес лошади, всадника, доспехов и копья, с учётом скорости, увеличивал инерционный удар такого «снаряда» практически до тонны. Такой удар мог пробить щит, сокрушить латы, рассечь плоть, раздробить кости или вывихнуть плечо, выбить рыцаря из седла, повергнув его наземь, закованного в громоздкую броню и с вывернутыми или переломанными конечностями.

Вымпелы развевались на копьях летящих во весь опор всадников, а расшитые капарисоны их коней вздымались в облачках летящей из-под копыт серебристой пыли. Лучи солнца, отражаясь от сияющих шлемов и стальных лат, отбрасывали на поле причудливые блики, пляшущие в такт скачущих галопом коней. В центре ристалища в пыли всё ещё лежала брошенная маршалом одинокая перчатка.

Немного не доскакав до этой отметки, дуэлянты с ужасающим грохотом столкнулись, на щиты пришёлся удар такой силы, что едва не выбил всадников из седла. Изумлённая толпа зрителей ахнула, от удара всадников отбросило назад, и они «едва не рухнули навзничь на крупы своих коней». Впрочем, оба были довольно искусными наездниками, «упершись ногами в бока своих

коней, всадники удержались в седле». Одновременное столкновение и тщательно рассчитанная атака копьём уравновесила удары противников. Никто не был ранен или выброшен из седла, ни один не выронил копьё или щит. Обменявшись ударами, противники разъехались по местам в разные стороны поля, чтобы немного отдышаться.

При втором заходе противники подняли копья уже выше, целясь друг другу в головы. Сир Жан нацелил копьё и, прикрывшись щитом, пришпорил коня. Но противник тоже не зевал и тут же ринулся ему навстречу. На полном скаку рыцари вновь столкнулись с чудовищным грохотом, «удары пришлись на стальные шлемы всадников, да такой силы, что высекли яркие искры». Но скользящие удары пришлись на верхушки шлемов, «наконечники копий лишь царапнули броню, не причинив всадникам особого вреда».

Разгорячённые бойцы вновь разъехались в разные концы поля, отдохнуть перед третьей атакой. Затем, «перехватив щиты и тщательно изучив друг друга в смотровые щели шлемов», они вновь ринулись в атаку, «нацелив копья», с явным намерением поразить противника. Брящая доспехами на скаку, они вновь столкнулись

«с невероятной силой». Ужасный грохот от ударов копий в стальные щиты гулким эхом отразился от каменных стен, окружающих монастырь.

Не выдержав удара, копья треснули, «обломки взмыли так высоко, что и нарочно не подбросишь». Стальные наконечники копий с обломком древка намертво застряли в обоих щитах. От столкновения такой чудовищной силы кони встали на дыбы, едва не сбросив всадников из сёдел. «Но сломавшиеся копья погасили бóльшую часть удара, и дуэлянтам вновь удалось удержаться. Если бы не сломавшиеся так кстати копья, оба рыцаря уже лежали бы на земле».

Немного отойдя от удара, Карруж галопом проскакал в свой конец поля и, выдернув из щита застрявший там наконечник копья, отбросил его в сторону. Затем он взял в руки доселе мирно висящий на седельном кольце топор. Ле Гри проделал те же манипуляции.

Держа топоры наготове, оба рыцаря вновь бросились в атаку, но в этот раз медленнее, маневрируя, пытаясь занять более выгодную позицию. Они сошлись в центре поля так плотно, что их лошади тёрлись боками, уткнувшись носами друг другу в хвосты. Вот так противники и должны были биться, впритирку, не имея воз-

можности даже толком замахнутся.

Пока лошади взрывали копытами песок, вытанцовывая круги, мужчины бились «лицом к лицу, нос к носу», методично нанося друг другу удары, лишь лезвия топоров сверкали над головами. Они уже несколько раз сцепились топорами, совершая сложные рыцарские па. Каждый пытался «поколебать соперника, заставить потерять равновесие и вышибить его из седла, сцепившись топорами и сделав резкий рывок».

Несколько раз они расходились, то отстраняясь, то вновь бросаясь в атаку, словно собирались изрубить друг друга на куски. Обмениваясь яростными ударами, противники понукали взмыленных коней, которые сблизились столь плотно, что соперники периодически с лязгом пинали друг друга железными башмаками в стременах, когда пытались управлять лошадьми.

Порой им приходилось биться одной рукой, держа в свободной щит, чтобы отражать удары. Но тогда атаки получались недостаточно сильными, поэтому щитами они пользовались крайне редко, предпочитая держать топор двумя руками, используя его не только для нападения, но и для защиты. Стальные клинки звенели, отражая удары, в такт им вторил глухой стук деревянных

рукоятей.

Битва на топорах затянулась, но ни один из дуэлянтов так и не получил очевидного преимущества, оба лишь изрядно вымотались. «Несколько раз они расходились, чтобы отдышаться, и вновь возобновляли тщетные атаки».

Наконец, Жак Ле Гри направил жеребца в сторону, словно желая разъехаться, но тут же резко развернулся и бросился прямо на ошеломлённого обманным манёвром рыцаря. Карруж успел подставить щит, отражая удар. Ле Гри, сжимая топор в обеих руках, что есть силы обрушил его на щит противника. Удар топора пришёлся под углом, и клинок, скользнув по щиту, с силой опустился на шею коня, точно в зазор между защитными металлическими пластинами, свисавшими с шанфрена вдоль конской гривы.

Клинок перебил конский хребет, и бедное животное, пронзительно заржав, пошатнулось под Карружем. Ноги коня подломились, и он рухнул на песок, заливая его потоками алой крови из ноздрей и рассечённой шеи. Впрочем, рыцарь не потерял самообладания и спрыгнул с поверженного жеребца, по-прежнему сжимая топор в руках.

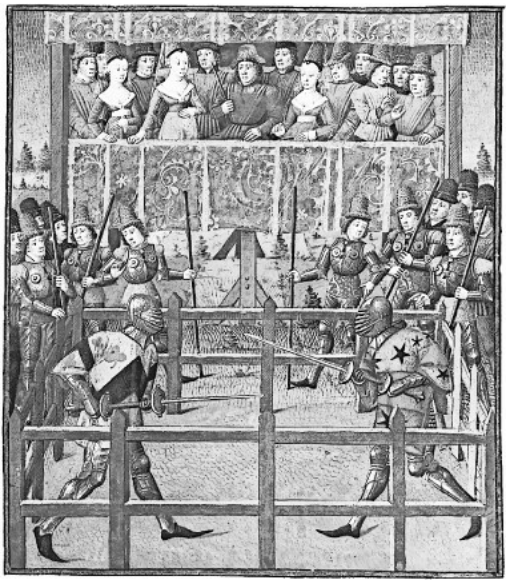
Ле Гри тут же развернул коня и вновь бросился

в атаку на пешего рыцаря, угрожающе занеся над головой топор. Атакуя Карружа, он развернул топор тяжёлым шипастым молотом вперёд. Острый металлический клюв запросто мог пробить шлем жертвы, попутно размозжив голову, особенно, если удар наносил всадник, атакуя пешего противника.

Карруж видел несущегося на него Ле Гри с занесённым топором, слышал за спиной предсмертные хрипы своего коня и поспешно отскочил от его дергающихся в агонии копыт, держа наготове полэкс. Когда Ле Гри замахнулся для удара, держа топор обеими руками, Карруж внезапно отпрыгнул в сторону, вынудив противника потерять равновесие и развернуться в седле, преследуя движущуюся жертву, и ушёл из-под удара.

Когда конь Ле Гри проносился мимо, Карруж нанёс удар и вонзил топор в брюхо жеребца, сразу под подпругой. Топор рассёк конскую плоть, уйдя туда по самую рукоять, острый клинок с шипом сработал как гарпун, оружие, запутавшись в лошадиных кишках, выскользнуло из рук рыцаря, оставшись в брюхе с грохотом проносящегося коня. Конь с кошмарным ржанием повалился на землю, споткнувшись о тело умирающей лошади Карружа. Ле Гри на мгновение растерялся, он всё

ещё находился в седле с топором в руках, опасно восседая на трупах двух агонизирующих коней.



ПЕШИЙ БОЙ НА МЕЧАХ

Два воина бьются на мечах, а распорядители и зрители наблюдают за происходящим из-за ограды. MC.фр.2258, том 22ч. Французская национальная библиотека.

Лишившись топора, Карруж достал из ножен меч. Это был короткий одноручный клинок (иначе — эсток), который он носил на перевязи. Длинный двуручный меч по-прежнему лежал в ножнах, погребённый под конской тушей.

Ле Гри отбросил топор и поспешно выпрыгнул из седла, не дожидаясь, пока агонизирующий конь прибьёт его копытом. На бегу он выхватил собственный эсток и развернулся лицом к Карружу, глядя на него через преграду из окровавленной конской плоти.

Оба изрядно запыхались и остановились на минуту перевести дыхание. На трибунах царила гробовая тишина, зрители словно онемели от страха и восхищения. Маргарита, напрягшись всем телом, наклонилась вперёд и судорожно вцепилась в деревянные перила помоста, в её бледном лице не было ни кровинки.

Карруж сделал первый шаг, обходя павших лошадей, чтобы встретить противника во всеоружии. Ле Гри явно колебался, словно прикидывая, успеет ли он дотянуться до топора или выдернуть один из двух двуручных мечей из-под горы мёртвой плоти. Помимо эстоков, каждый дуэлянт носил на поясе ещё и по кинжалу.

Стоило Карружу приблизиться, как Ле Гри

отступил на несколько шагов к королевской трибуне и словно врос в гладкий белый песок, поджидая противника с обнажённым мечом.

Изнурённые продолжительным поединком на топорах, выбитые из седла дуэлянты теперь всем телом ощущали тяжесть своих доспехов, весящих почти тридцать килограммов. Держа в руках меч и щит, они должны быть готовы в любой момент сделать выпад или уклониться от внезапной атаки, а то и резко развернуться, парируя вражеский удар. Несмотря на зимнюю стужу, им было жарко, пот тёк градом по разгорячённым телам под доспехами. Шансы прервать поединок, чтобы передохнуть, сделать глоток вина, смахнуть пот с лица за стальным забралом, стремительно таяли.

Стоя напротив королевской трибуны, они осторожно ходили по кругу с занесёнными мечами, развернувшись друг к другу лицом, ожидая, когда противник совершит ошибку. Внезапно они сошлись, «столкнулись в яростной и беспощадной атаке». Вначале медленно, но постепенно ускоряясь, они размахивали мечами, то парируя, то нанося удары «с яростью и отвагой».

Отточенные стальные клинки со свистом рассекали воздух, звонко ударяясь о броню до-

спехов, и глухо вонзались в деревянные щиты, наполняя воздух громким эхом, резонирующим от монастырских стен. Бледное зимнее солнце не порождало тени, но его слепящие блики, отражаясь от сверкающих стальных клинков и полированных доспехов, значительно затрудняли наблюдение за стремительным действом сквозь щели в толстом деревянном заборе.

Вскоре зрители уже мало что могли различить в этом вихре пыли и песка, поднятом тяжёлыми железными сабатонами дуэлянтов. Зрителей обуял священный трепет перед происходящим, и хотя некоторые были лично заинтересованы в исходе поединка, все без исключения с замиранием сердца ждали развязки.

Жан де Карруж теперь сражался пешим и ощущал не только тяжесть доспехов, но и внезапную слабость из-за сразившего его в тот день очередного приступа лихорадки. То ли лихорадка повлияла на скорость реакции, то ли его на мгновение ослепил солнечный блик, отразившийся от клинка противника. А может, Жан украдкой бросил взгляд на Маргариту, и Ле Гри использовал это мгновение, застав его врасплох.

Но что бы то ни было, когда два запыхавшихся дуэлянта кружились по полю «атакуя, рубя и

сокрушая», Ле Гри пробил оборону противника и, сделав резкий выпад, ранил рыцаря. Резкая боль пронзила бедро Жана, когда меч сквайра вонзился в его плоть. Кровь хлынула из раны и липкой струйкой потекла по ноге.

«Зрители содрогнулись от вида текущей крови», по толпе прошёл тревожный гул. Ранения ноги и бедра были очень опасны, потому что за короткий срок могли вызвать обильную кровопотерю, а также обездвижить бойца, лишив его возможности маневрировать, не говоря уж об атаке.

Жан де Карруж был на волосок от поражения, и «все его близкие немало переполошились». Маргарита, видя на поле боя истекающего кровью мужа, пошатнулась, судорожно вцепившись в деревянные перила. Всё могло закончиться в считанные секунды. «Чувство невероятной тревоги обуяло всех присутствующих. Зрители все как один застыли с открытыми ртами, затаив дыхание».

И тут Ле Гри допустил фатальную ошибку. Вместо того чтобы воспользоваться преимуществом, он выдернул клинок из рассечённого бедра рыцаря и отступил. Рана могла убить Карружа, всади его соперник меч поглубже. Однако сквайр тут

же выдернул меч из раны.

Может, Ле Гри решил, что рана смертельна и за несколько минут рыцарь истечёт кровью? А может, просто побоялся оставаться один на один с раненным, но всё ещё опасным врагом, и отступил на безопасное расстояние, ожидая, пока Карруж окончательно ослабеет, чтобы затем прикончить его без особого риска?

Но в отступлении сквайра Жан де Карруж увидел свой шанс. Несмотря на серьёзное ранение, «рыцарь не только не был побеждён, а наоборот, проявил в схватке ещё большее рвение. Собрав всю свою волю и остатки сил в кулак, он ринулся навстречу врагу».

Бросившись навстречу изумлённому сквайру, Карруж издал громкий клич, который слышали все зрители: «Пробил час расплаты!»

То, что произошло потом, немало удивило и ошеломило всех присутствующих. «Левой рукой Жан де Карруж ухватил Жака Ле Гри за макушку шлема и, притянув противника к себе, несколько раз дернул, свалив соперника наземь, и тот беспомощно растянулся, не в силах подняться под тяжестью доспехов».

Таким неожиданным манёвром Карруж спутал противнику все карты, получив неожиданное

преимущество. Ошеломлённый резким падением, закованный в тяжёлые доспехи Ле Гри был практически обездвижен, не в силах ни толком замахнуться, ни нанести противнику удар. Теперь рыцарь возвышался над ним, ловко парируя все неуклюжие удары растянувшегося на песке сквайра.

Сильный мужчина (а сквайр слыл человеком недюжинной силы) в пешем бою мог довольно резво передвигаться в искусно сделанных доспехах. Но встать после падения для человека, закованного в тяжёлую броню, было нелёгкой задачей, особенно, когда над тобой нависает противник, готовый метким ударом меча или тяжёлого железного башмака пресечь любые попытки подняться. С упавшими рыцарями обычно разделывались, как с забившимся в раковину омаром.

Но пока рыцарь, тяжело дыша, стоял над поверженным противником, держа меч наготове, у Жака Ле Гри всё ещё были шансы. Хоть сквайр и лежал на спине, едва способный отбить любую атаку, тяжело раненный, истекающий кровью рыцарь к своему ужасу обнаружил, что не в силах пробить доспехи Ле Гри. «Он долго искал малейшую щель или брешь в броне противника,

но сквайр был закован в стальные латы с головы до ног»{19}.

Карруж поверг врага и почти его обезоружил, но он был слишком слаб и обескровлен, счёт шёл на минуты. Силы покидали его с каждой каплей крови, сочащейся из глубокой раны на бедре. И пока сквайр оставался под надёжной защитой доспехов, чаша весов медленно склонялась в его сторону. Если Ле Гри сумеет продержаться достаточно долго, Карруж будет окончательно обескровлен и не сможет продолжить бой. А то и вовсе умрёт от кровопотери.

Карруж не желал упускать с таким трудом доставшееся ему и вновь ускользающее преимущество. Пока оглушённый падением Ле Гри всё ещё лежал на земле, рыцарь ловким ударом выбил меч из его рук и бросился на поверженного врага.

Теперь бой продолжался на земле. Карруж, оседлав Ле Гри и придавив его грудь коленом, принялся усердно колоть по его шлему острием меча. Ле Гри извивался и брыкался под неприятелем, вздымая облака пыли. Острие рыцарского

{19} Комментарии: 19

Состоятельный Ле Гри мог позволить себе последнюю военную моду — полный комплект пластинчатых доспехов, хотя тяжелые латы могли сделать их владельца жертвой собственной осторожности.

меча то и дело вонзалось в землю, с лязгом отскакивая от тяжёлого клювообразного шлема сквайра.

Наконец Карруж принялся ковырять замок, поднимающий металлическое забрало. Ле Гри, догадавшись о его намерениях, стал сопротивляться ещё яростнее. Он извивался, крутил головой, пытаясь предотвратить попытку взлома, беспомощно хватал песок в поисках меча. У Ле Гри ещё оставался кинжал, но он не мог достать его из ножен, придавленный рыцарем сверху.

Пока они боролись на земле на глазах у огромной толпы, зачарованной этим ужасающим зрелищем, Карруж принялся кричать на Ле Гри. Голос рыцаря был приглушён забралом, но ближайшие ряды всё же смогли его расслышать.

— Признайся! Признавайся в своём преступлении!

В ответ Ле Гри ещё яростнее мотал головой, не то отрицая вину, не то пытаясь пресечь попытки рыцаря поднять забрало.

Карруж, оставив неуклюжие попытки справиться с замком рукой в неудобной металлической перчатке, снова взялся за меч, только держа его на этот раз вверх ногами, ударил по замку тяжёлой стальной рукоятью. Лязг и металлический

скрежет от удара разнёсся по всему полю. Можно представить, что слышал и ощущал обладатель шлема. Другой рукой Карруж ухватил вертящего головой Ле Гри за шлем, чтобы наносить удары более прицельно.

Рыцарь продолжал терять кровь, и силы постепенно его покидали. Он постепенно увеличивал паузы после каждого удара, чтобы точнее прицелиться. Наконец, очередным резким ударом ему удалось сбить замок. Металлическое забрало откинулось, открывая лицо Ле Гри от лба до подбородка.

Ле Гри заморгал, ослеплённый ярким светом, и увидел перед собой лицо противника, почти вплотную к своему.

— Признавайся! — снова выкрикнул Карруж, доставая из ножен кинжал.

Придавленный безжалостным противником к земле, Ле Гри в отчаянии крикнул, с расчётом, чтобы его услышали все собравшиеся:

— Да проклянёт Господь мою душу, я невиновен в этом преступлении!

— Так будь же ты проклят! — выкрикнул рыцарь.

С этими словами Карруж приставил острие кинжала к горлу сквайра и, придерживая сво-

бодной рукой шлем противника, с силой вонзил тонкий клинок в обнажённую белую плоть, загнав клинок в глотку противника по самую рукоять.

Тело сквайра забилось в конвульсиях, кровь хлынула из разверстой раны. Ле Гри часто заморгал и издал булькающий звук, пытаясь сделать последний судорожный вздох. Его тело ещё раз дёрнулось под рыцарем и обмякло, замерев навсегда.

Карруж сидел на противнике ещё минуту или две, пока окончательно не убедился, что Ле Гри мёртв. Затем он медленно поднялся, оставив кинжал торчать в безжизненном теле, распростёртом на пропитанном кровью песке.

Ослабленный схваткой и кровопотерей, Карруж приподнял забрало и развернулся лицом к своей супруге. Маргарита одной рукой по-прежнему мёртвой хваткой сжимала перила, другой вытирала слёзы. На глазах у безмолвствующей толпы они обменялись долгими пристальными взглядами, которые словно напитали их новой живительной силой.

Развернувшись к королевской трибуне, Карруж поклонился государю. Затем, кивнув головой на все четыре стороны, поблагодарил собравшихся

зрителей, которые ещё так толком и не пришли в себя после развернувшейся у них на глазах кровавой драмы.

— Ai-je fait mon devoir? (Я выполнил свой долг?) — вопрошал рыцарь охрипшим от слабости и жажды голосом.

— Oui! Oui! — как один завторили ему десятки тысяч голосов, молчавших под страхом смертной казни с самого начала поединка.

Рёв ликующей толпы разорвал воздух над ристалищем, прорвавшись за монастырские стены, где доселе царила гробовая тишина. Обитатели парижских улиц близ Сен-Мартена, услышав громкие крики, на мгновение оторвались от своих дел и, возможно, догадались, что знаменитая дуэль завершилась, но всё ещё не знали имя победителя.

Пока оглушительные крики толпы эхом разносились по полю, отражаясь от монастырских стен, стража распахнула ворота справа, и Жан де Карруж, пошатываясь, покинул ристалище. У ворот его встретил слуга, который быстро отстегнул набедренные латы и перевязал рану рыцаря чистым отрезом ткани. Затем рыцарь проследовал к королевской трибуне. Прежде чем он обнимет свою супругу, празднуя их общий триумф, ему

придётся засвидетельствовать своё почтение государю, который всё ещё исполнял здесь роль верховного судьи.

Толпа вновь затихла, когда победитель заковылял по полю, направляясь к королевской трибуне. Король, его дяди и придворные с изумлением смотрели на потрёпанного рыцаря-триумфатора, что стоял сейчас перед ними в пыльных окровавленных доспехах. Тяжёлая и такая неожиданная победа рыцаря над более сильным и здоровым сквайром представлялась не иначе «как чудо».

Жан де Карруж упал на колени перед государем, но «король велел ему подняться, вручил кошель с тысячей франков и сделал его членом своей палаты с пожизненным ежегодным пенсионом в двести франков». Затем король приказал своему личному лекарю сопроводить рыцаря до дома и осмотреть его рану.

С трудом поднявшись на ноги, рыцарь поблагодарил короля за столь щедрые дары и вновь поклонился. Медленно попятившись, он отошёл от королевской ложи и довольно бодро, хоть всё ещё и прихрамывая, пересёк поле, чтобы встретиться с супругой.

Стражники уже освободили Маргариту, и она ждала у подножия эшафота, «там рыцарь встре-

тил свою супругу, и они обнялись». Пара сплелась в жарких объятиях на глазах у изумлённой толпы, он в грязных окровавленных доспехах, она — в длинном чёрном платье. В последний раз они обнялись и поцеловались незадолго до поединка. Теперь, после дуэли, их воссоединение, должно быть, воспринималось совсем иначе. Бог услышал их молитвы. Долгое испытание закончилось, теперь они свободны.

После того как Жан и Маргарита воссоединились с ликующей толпой друзей и родственников, собравшихся на краю поля, чета триумфаторов «направилась в собор Нотр-Дам, чтобы сделать щедрые пожертвования, прежде чем вернуться в свой дом» в Париже. Как и во время прибытия на поле битвы, пару сопровождала торжественная процессия, но в этот раз все ликовали: родственники, друзья и сопровождавшая их многочисленная челядь.

Этикет требовал, чтобы победитель покинул поле «на коне и в доспехах», демонстрируя оружие, которым сразил врага. Поэтому, когда Жан де Карруж с триумфом выехал из Сен-Мартена верхом на коне, то торжественно вздымал над головой меч и всё ещё окровавленный кинжал, которым он перерезал глотку Жаку Ле Гри.

Покинув монастырь, процессия свернула на улицу Сен-Мартен, проехав около мили в направлении острова Сите. Всю дорогу пара проследовала под цокот лошадиных копыт о мостовые, под восхищёнными взглядами толп горожан, возвращавшихся с ристалища Сен-Мартен. Зеваки, пропустившие поединок, выбегали из своих домов, чтобы воочию поглазеть на победителей. Битва закончилась, но представление продолжалось.

Нотр-Дам располагался в противоположном от Дворца правосудия (того самого, где летом проходили допросы и дознания) конце острова. Собор был отстроен столетием раньше, в 1285 году, и когда Жан и Маргарита пришли туда, чтобы отблагодарить Господа за успешное избавление, две высоченные соборные башни уже возвышались над огромной площадью, на которой проповедовали монахи, торговали купцы, искали клиентов проститутки, просили милостыню нищие, где четвертовали изменников и жгли еретиков.

Именно там в период царствования Карла V якобы состоялась легендарная дуэль между человеком и собакой. Именно там уже в сгущающихся сумерках в день памяти священномученика Фомы (Томаса Бекета) рыцарь и его супруга, пе-

режившие тяжелейшее испытание, пройдя через площадь, оказались перед высокими бронзовыми дверями собора и прошли внутрь, чтобы вознести благодарственные молитвы. Перед высоким алтарём в священном сумраке огромного святилища, среди свечей и облаков сладких благовоний они усердно молились, благодаря Господа за дарованную им победу.

Говорят, после молитвы в Нотр-Даме рыцарь пожертвовал собору часть своих трофеев. Победитель судебного поединка обычно получал доспехи поверженного противника, и один из летописцев сообщает, что Жан де Карруж возложил на алтарь все окровавленные доспехи убитого им соперника. Сим пожертвованием рыцарь признавал долг перед Господом и возносил ему своё благодарение.

А что же стало с убитым сквайром? Когда Жан и Маргарита покинули ристалище Сен-Мартен и триумфально прошествовали на молебен в Нотр-Дам, труп Жака Ле Гри должен был отправиться совсем по иному адресу. Пока родные и близкие четы триумфаторов с восторгом праздновали их победу, у родственников и друзей сквайра не было ни малейшего повода для празднеств, отныне им предстояло разделить позор, которым

заклеймило себя бренное тело их убитого родственника.

После смерти сквайра его труп «следовало вздёрнуть на виселице в соответствии с правилами дуэли». Освобождённое от доспехов тело Ле Гри первым делом вынесли с поля боя вперёд ногами, а затем «доставили к парижскому палачу». Палач бросил окровавленный труп на запряжённые лошадьми сани или розвальни и провёз его по улицам, по уже привычному маршруту, через ворота Сен-Дени и дальше, за городские стены, к Монфокону.

Если бы исход поединка был иным, грозному парижскому палачу (по-французски «бурро») со скрытым под чёрным клобуком лицом в дополнение ко всему пришлось бы повозиться с телом ещё живой Маргариты: привязать её к столбу, обложить вязанками дров, старательно собранных монахами, и предать бедняжку огню. А сейчас эта мощная зловещая фигура появилась на поле, чтобы забрать и уволочь на виселицу труп преступника, заклейменного презрением и позором доказанной вины.

В 1380-х Монфокон, настоящий город мертвецов, всё ещё располагался в полумиле к северу от Парижа. Это печально известное место бы-

ло последним пристанищем убийц, воров и прочих опасных преступников, осуждённых за свои деяния. По сути, это был невысокий холм, увенчанный огромной двенадцатиметровой каменной виселицей с тяжёлыми деревянными перекладинами, на которых можно было повесить одновременно шестьдесят, а то и восемьдесят человек. Здесь приговорённых преступников заставляли подниматься по лестнице и вздёргивали, накинув на шею верёвочную петлю. Останки всех обезглавленных, четвертованных и прочих казнённых в городе развешивали на цепях. Тела убитых в судебном поединке тоже находили здесь последний приют, «среди развешанных гроздьями скелетов, что печально покачивались под скорбную музыку играющего цепями ветра». Печально известный холм был пристанищем крыс, ворон, сорок и прочих падальщиков — любителей полакомиться мертвечинкой, которую они находили здесь в изобилии, привлечённые зловонием смерти, что заставляло любого живого человека держаться от этого места подальше и брезгливо прятать лицо, когда ветер доносил до города трупный смрад с расположенного за полмили Монфокона.

МОНФОКОН

Тела убитых в судебных дуэлях выволакивали за стены Парижа и вывешивали на огромной каменной виселице, она хорошо видна здесь за сжигаемыми еретиками. MC. фр. 6465, фол. 236. Французская национальная библиотека.

Тела казнённых преступников должны были болтаться на виселице до тех пор, пока их плоть не обгложут падальщики, а кости не выбелят солнце и ветер. Высокая каменная стена с запирающимися железными воротами не позволяла друзьям или родственникам забрать тела, а врачам выкрасть трупы для анатомических опытов.

Но ввиду большого количества претендентов, «желающих» повисеть на Монфоконе, трупы здесь надолго не задерживались, поэтому тела просто бросали в яму под виселицей, без всяких обрядов и церемоний, предшествующих христианскому погребению, здесь казнённых преступников ждало лишь ледяное забвение в общей безымянной могиле.

Жан Фруассар, один из летописцев тех времён, составивший по дуэли подробный отчёт, нисколько не сожалеет о горестной и позорной судьбе сквайра, закончившейся на Монфоконе, считая виселицу и общую могилу достойными «наградами» за преступление. Фруассар рисует сквайра «человеком скромного происхождения, что вознёсся по милости Фортуны, как и многие ему подобные. Но стоит таким взлететь, считая, что весь мир лежит у их ног, как Фортуна швыряет их обратно в грязь, и они падают ещё ниже, чем были до этого».

По мнению Фруассара, грязь, в которую госпожа Фортуна швыряет сквайра, это эквивалент земли, на которую сражённый Ле Гри был повержен мстительным рыцарем во время поединка, а также олицетворяет пол, на который Жак бросил беззащитную даму, прежде чем грязно над ней

надругаться. Таким образом, падение сквайра воплощает собой справедливость, как с поэтической, так и с обывательской точки зрения. Летописец намекает, что, де, одна госпожа наказала сквайра за ужасное преступление против другой. Хоть Фортуна и слепо правит миром, но под её колесо неотвратимо попадают как грешники, так и праведники, порой возгордившиеся снова становятся смиренными, в этом великом порядке вещей и состоит суровая правда жизни.

10

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И МОНАСТЫРЬ

Установленный Жану де Карружу пенсион и назначение его королевским камергером были не единственными достижениями рыцаря после победы над Жаком Ле Гри. Спустя два месяца после дуэли парижский Парламент присудил рыцарю дополнительную выплату в размере шести тысяч ливров золотом. Согласно арре от 9 февраля 1387 года, эта сумма должна была компенсировать «расходы и ущерб», понесённые сквайром в ходе судебного разбирательства. Шесть тысяч ливров, выплаченных из имущества убитого сквайра, значительно увеличили боевые трофеи рыцаря. Но даже убив врага, отстояв свою честь, избавив супругу от сожжения, получив королевские подарки и всеобщее признание вкупе со щедрой наградой за понесённые потери, рыцарь не был полностью удовлетворён.

После смерти Ле Гри бóльшая часть его земель перешла во владения графа Алансонского, в том числе и Ону-ле-Фокон, поместье, проданное графу отцом Маргариты в 1377--м, а в 1378--м подаренное Ле Гри. Тогда, спустя пару лет женившись на Маргарите, Жан де Карруж, понял, что Ону-ле-Фокон ускользнуло от него в лапы соперника, и начал судебный процесс по его возвращению. Но граф Пьер получил королевское одобрение на свой подарок, аннулировав требование вассала. Теперь же, расправившись с соперником на дуэли, Жан де Карруж вновь намеревался вернуть этот злополучный клочок земли, считая, что иначе его месть будет несовершенной.

Карруж даже пытался использовать часть присуждённой ему компенсации в шесть тысяч ливров, чтобы выкупить злополучное поместье. Новая тяжба за Ону-ле-Фокон продлилась почти два года. Но в итоге процесс завершился с тем же результатом, что и предыдущий: Карружу было отказано в его просьбе на основании вполне законных притязаний графа Пьера на означенные земли. 14 января 1389-го парижский Парламент постановил, что Ону-ле-Фокон по праву принадлежит графу Алансонскому, навсегда отбив у рыцаря охоту к подобным спорам. Спустя годы

это поместье перейдёт во владение внебрачного сына графа Пьера.

В своё время это поместье стало яблоком раздора между Жаном де Карружем и Жаком Ле Гри. Чувствовал ли рыцарь, получив такой укорот, что его месть удалась не до конца? И что значило Ону-ле-Фокон для Маргариты? Она пострадала от действий Жака Ле Гри гораздо больше, чем её супруг. Пережив ужасное надругательство, унизительный процесс, стресс во время дуэли, была ли она заинтересована в возвращении поместья, когда одно его упоминание воскрешало в её памяти те жуткие моменты, о которых она пыталась забыть всю оставшуюся жизнь?

В течение нескольких месяцев после дуэли Маргарита, возможно, была рада отвлечься от всех этих травмирующих воспоминаний и сеньориальных претензий на земли и богатства, посвятив себя заботам о сыне, родившемся незадолго до поединка. Мальчик был назван Робером в честь отца Маргариты Робера де Тибувиля и был её первенцем, по крайней мере, первым ребёнком, упомянутым в летописях. Двое его братьев родились несколькими годами позже.

По мере взросления в Нормандии Роберу, должно быть, приходилось жить с клеймом довольно

сомнительной славы своих предков. Его дед дважды предавал французского короля и едва не лишился головы за государственную измену, а родной отец дрался на знаменитой дуэли с соперником, обвиняемым в изнасиловании его матери. И, несмотря на расхожее мнение тех времён о невозможности зачатия в результате изнасилования, ходили слухи, что Робер, родившийся после долгих бесплодных лет брака своих родителей, был на самом деле побочным сыном Жака Ле Гри. Тем не менее, как первенец Жана и Маргариты, Робер должен был унаследовать львиную долю состояния своих родителей.

Хоть Жан де Карруж и проиграл тяжбу за Онуле-Фокон, его победа на ристалище принесла ему заслуженное признание и награды, столь долго ускользавшие от него при графском дворе в Аржантане, ведь теперь все его амбиции были перенесены в высшие сферы, к королевскому двору в Париже. Спустя несколько лет после дуэли Жан становится одним из королевских рыцарей, и 23 ноября 1390 года король Карл жалует Карружу четыреста франков золотом. Куда уж до этого какому-то Жаку Ле Гри, который был всего лишь королевским сквайром? Устранив соперника на дуэли, Карруж словно занял его место при коро-

левском дворе.

Вступив в круг приближённых к королевской особе, Жан стал получать важные поручения. В 1391--м он отправился в Восточную Европу, чтобы собрать там ценные сведения о вторжении османов. Не так давно Великий султан вторгся в Венгрию, и над всем христианским миром вновь нависла угроза исламизации. Разведывательная миссия в Турции и Греции «была поручена Бусико-старшему, маршалу Франции, и сиру Жану де Карружу». Тот факт, что имя Карружа упоминается наравне с маршалом Бусико, свидетельствует о том почёте и уважении, которым рыцарь пользовался теперь при французском королевском дворе.

Прежде чем вернуться в Восточную Европу пятью годами позднее, с очередным Крестовым походом, призванным остановить Османскую угрозу, рыцарь помог предотвратить другую опасность, гораздо ближе к собственному дому. В 1392-м Франция была охвачена смутой, когда Пьер де Краон, опальный дворянин, отлучённый от королевского двора годом ранее, попытался убить Оливье де Клиссона, коннетабля Франции, которого считал виновником своего изгнания. Однажды ночью Краон с отрядом всадников

подкараулил Клиссона на тёмных улицах Парижа и, нанеся ему предательский удар мечом по голове, бросил беднягу умирать. Но Клиссон прожил ещё некоторое время, успев обличить своего убийцу. Когда Краон бежал под защиту герцога Бретонского, наотрез отказавшегося его выдавать, король Карл срочно собрал армию и отправился в поход, чтобы приструнить мятежного герцога и наказать преступника.

Именно по этой причине Жан де Карруж летом 1392 года сопровождал короля в Бретань в окружении собственной свиты из десяти человек. Король Карл, которому уже исполнилось двадцать три года, не так давно избавился от назойливой опеки своих дядьёв и объявил себя полноправным правителем Франции. Однако затеянный юным королём поход ждала довольно неожиданная развязка.

8 августа армия короля пересекала густой лес близ Ле-Мана. Стояла жаркая и сухая погода. Неожиданно на дорогу из чащи выбежал незнакомец с непокрытой головой.

— Государь, остановитесь! Вернитесь назад, вас предали! — завопил он, ухватив королевского коня за уздечку.

Решив, что это сумасшедший, слуги принялись

его избивать, и едва незнакомец выпустил поводья, процессия тут же проследовала дальше.

Было около полудня, когда, миновав чащу, они выехали на песчаную равнину под палящее солнце. Знатные господа скакали порознь, каждый со своим отрядом, король ехал несколько поодаль от армии, подальше от поднимаемой пыли, а его дядья, герцоги Беррийский и Бургундский, примерно на сотню метров левее. Как сообщает летописец, «песок под ногами раскалился, лошади изнывали от жары». Король был одет не по погоде, на нём была «чёрная бархатная куртка, в которой было ещё жарче, и простая алая шляпа». За королём следовал паж в отполированном стальном шлеме, а за ним другой паж, который нёс копьё с широким стальным наконечником.

В какой-то момент второй паж случайно выронил копье, которое при падении задело шлем первого, ехавшего впереди. «Громкий звон стали о сталь раздался буквально над ухом у короля, столь резкий, что государь вздрогнул. Его разум, ещё не отошедший от сцены, устроенной в лесу не то безумцем, не то провидцем, внезапно помутился, он вообразил, что окружён несметными вражескими полчищами, жаждущими его погубить. От такого наваждения и без того

ослабленный разум государя окончательно расстроился, приведя его в буйство. Он пришпорил коня, затем резко развернулся и, обнажив меч, бросился на пажей, абсолютно никого не узнавая. Королю казалось, будто его окружили враги, и он размахивал мечом, готовый поразить любого, кто встанет у него на пути.

— В атаку! Смерть предателям! — завопил он.

Испуганные пажи, пришпорив коней, бросились врассыпную, уворачиваясь от королевского клинка. В последовавшей за этим сумятице обезумевший король успел насмерть зарубить мечом нескольких человек из своей свиты. Затем, заметив своего брата Людовика Валуа, во весь опор поскакал на него. Перепуганный Людовик, пришпорив коня, бросился наутёк. Герцоги Бургундский и Беррийский, обернувшись на крики, увидели, что король преследует собственного брата, размахивая мечом.

— Эй! Беда, король обезумел! За ним, Бога ради! Поймайте его! — завопил герцог Бургундский.

Услышав тревожный окрик герцога, многие рыцари и сквайры бросились в погоню за Карлом. Жан де Карруж, находившей в то время в свите короля, вполне мог примкнуть к преследователям. И вскоре длинный неровный строй

всадников во главе с перепуганным братом короля и преследующим его безумным государем уже неслись во весь опор под палящим солнцем, взрывая песок и вздымая клубы пыли.

В конце концов Людовику удалось оторваться от короля, и воины, догнав Карла, окружили его. Они взяли его в кольцо, и пока тот размахивал мечом, отбиваясь от воображаемых врагов, ловко парировали удары, стараясь не причинить вреда государю, но максимально его вымотать. Наконец, обессилевший король беспомощно обмяк в седле.

Один рыцарь осторожно приблизился к Карлу и схватил его. Остальные, обезоружив короля, аккуратно сняли его с седла и опустили на землю. «Его глаза странно закатились», он ничего не говорил и не узнавал ни дядьёв, ни собственного брата. Короля уложили на носилки и отправили в Ле-Ман, а военный поход был немедленно отменён.

Это был первый публичный приступ безумия, которое продолжало мучить несчастного государя до самого конца его довольно продолжительного правления. В течение последующих тридцати лет, до самой смерти в 1422 году, Карл метался между периодами просветления, ко-

гда его сознание прояснялось, и изнуряющими приступами безумия. Слишком чувствительный к яркому свету и громким звукам, порой он воображал, что сделан из стекла и того и гляди разобьётся. Карл, едва освободившийся от опеки дядьёв, провозгласивший себя единоличным правителем Франции, теперь не мог толком контролировать даже самого себя, не говоря уже о целом государстве. Вся власть перешла в руки его дядьёв и брата Людовика Валуа, едва не павшего от королевского меча.

Не прошло и года, как над жизнью Карла вновь нависла угроза, когда он в компании пяти придворных ввалился в бальный зал в костюмах дикарей, сделанных из льна и просмоленной пакли, бряцая кандалами. Придворные, друзья Карла, решили, что эта выходка развеет меланхолию государя и отвлечёт его от тягостных мыслей. Один из перепуганных гостей, желая узнать, кто скрывается за этим маскарадом, поднёс свечу слишком близко, и костюмы вспыхнули словно факелы. Дворяне сгорели заживо, за исключением одного, успевшего прыгнуть в ближайший бассейн с водой, и самого Карла, который отошёл в сторону, желая попугать придворных дам, и спасся лишь благодаря находчивости герцогини

Беррийской, накрывшей его своими юбками, в то время как прочие шутники корчились на полу, поджариваясь заживо. Адская вечеринка, получившая название «Бал объятых пламенем», окончательно подкосила душевное здоровье государя, лишь усугубив его безумие.

В то время Франция и Англия активно вели переговоры по инициативе довольно необычного посла Робера Отшельника, нормандского сквайра, которому было видение во время шторма на обратном пути из Палестины. Этот посол посетил оба королевских двора, увещевая государей, будто Господь желает, чтобы они положили конец многолетним распрям и предотвратили намечающийся раскол церкви. Франция и Англия также сближались перед лицом растущей османской угрозы, а в 1396 году скрепили двадцативосьмилетний мир браком между королём Ричардом II и дочерью Карла Изабеллой. Союз был неравным, Ричарду на тот момент было двадцать девять лет, а Изабелле едва исполнилось шесть. Их брак так и не будет консумирован, потому что спустя всего три года Ричарда свергнут. Но на момент обручения, в марте 1396-го, королевства объединились в едином Крестовом походе во имя спасения Христианского мира от турок.

НИКОПОЛЬ

Здесь европейские крестоносцы, включая многочисленных нормандских рыцарей, в 1396 году приняли бой с турками-османами и их союзниками у неприятельского бастиона на Дунае. Фруассар, Хроники, МС.фр.2646, фол.220. Французская национальная библиотека.

Жан де Карруж, видимо, рвавшийся поучаствовать в очередной военной авантюре, присоединился к Крестовому походу, собравшему рыцарей и дворян со всей Европы. Бургундцами командо-

вал Жан Неверский, сын герцога Филипа. Среди французских военачальников следует выделить маршала Бусико, который вместе с Карружем выполнял миссию в Турции и Греции; Филиппа д'Артуа, графа д'Э, бывшего секунданта Жака Ле Гри, и адмирала Жана де Вьена. Почти двадцать лет назад Карруж сражался под его командованием против англичан в Нормандии, а в 1385--м сопровождал Вьена в том злополучном шотландском походе. Это была уже третья совместная кампания рыцаря с легендарным адмиралом.

Некоторые военачальники планировали дойти до самого Иерусалима, но у армий коалиции не было чёткого согласованного плана. Французы и бургундцы собрались в Дижоне, где им выплатили жалованье за четыре месяца вперёд. Оттуда они двинулись через Швейцарию, Баварию, Австрию и Венгрию, соединившись в Будапеште с прочими крестоносцами, включая короля Германии и Венгрии Сигизмунда. Из Будапешта часть крестоносцев продолжила двигаться на юг, на Балканы, вдоль Дуная, в сопровождении флотилии кораблей, следовавшей за ними по реке, в то время как другие отправились более коротким сухопутным путём на север, мимо Белграда и Оршовы.

Крестоносцы вновь объединились в городе Видине, который они осадили и захватили, перебив весь гарнизон. По мере продвижения вдоль Дуная крестоносцы, испытывая нехватку припасов, захватили и разграбили ещё несколько городов. 12 сентября они прибыли в Никополь (нынешняя Болгария). Прекрасно укреплённый город располагался на высоком утёсе над рекой, под надёжной защитой османов. Первая атака с подкопами и штурмовыми лестницами провалилась из-за отсутствия осадных машин.

Султан Баязид, правитель Османской империи, весь последний год безуспешно осаждал Константинополь всего в трёхстах милях оттуда. Узнав о штурме христианами Никополя, он немедленно прекратил осаду и предпринял марш-бросок на север. Армия султана и его сербские союзники соединились в Казанлыке, примерно 20 сентября и уже с новыми силами двинулась на Никополь. Прибыв 24 сентября на место, они разбили лагерь неподалёку от города и с наступлением темноты отправили туда гонцов, призывая город не сдаваться, потому что помощь близка.

Вместо нападения султан избрал иную тактику, выстроив линию обороны за несколько миль южнее от города на гребне высокого холма за

узким лесистым ущельем. Там он приказал своим воинам установить заслоны из широких рядов заострённых деревянных кольев. Крестоносцы внезапно обнаружили, что они зажаты в тиски между неприступным городом и армией султана. Опасаясь атаки со стороны Никополя, крестоносцы спешно перебили несколько тысяч пленных, захваченных в разграбленных городах, да так и оставили их тела непогребенными.

Утром в понедельник, 25 сентября, крестоносцы выехали навстречу войскам султана. Французы и бургундцы отказались двигаться за войсками короля Сигизмунда, считая их деревенщинами, и настояли на том, чтобы идти во главе войска. Сигизмунд охотно уступил, предупредив союзников, чтобы те особо не рвались вперёд, дабы в спешке не остаться без надёжно защищённого тыла.

Не успели ряды крестоносцев толком перестроиться, как разгорячённый граф д'Э принялся размахивать знаменем с криками: «Вперёд! Во имя Господа и Святого Георгия!». Жан де Вьен и прочие французские военачальники, немало обеспокоенные подобными призывами, попросили графа угомониться, пока войска не будут полностью готовы, но тот назвал их трусами и

раньше времени бросился в бой.

Тяжёлая французская кавалерия ринулась в атаку, но во время скачки по лесистому ущелью рыцари попали под град османских стрел, выпущенных с горного хребта. Достигнув высохшего русла реки внизу, они планировали подняться на противоположный склон. Оставшимся всадникам, которых не выбили из седла вражеские стрелы, пришлось спешиться, потому что склон местами был довольно крутым.

Многим удалось взобраться на вершину, поскольку пластинчатые латы надёжно защищали от османских стрел. Но стоило неприятельским лучникам отступить, как перед рыцарями вырос лес острых кольев, заслонивших османскую пехоту. Крестоносцы принялись вырывать колья, чтобы добраться до врага, и наконец им удалось прорвать оборону и перебить бóльшую часть легко вооружённой пехоты.

Крестоносцы уже было собирались броситься в погоню, но внезапно на них обрушилась османская кавалерия. Во время последующей схватки французские рыцари спешились и, ловко орудуя кинжалами, нападали на неприятельских всадников. Обе стороны понесли большие потери, но в итоге турецкой кавалерии пришлось отсту-

пить. Крестоносцы, посчитав, что они выиграли сражение, решили отдохнуть, совершенно вымотанные тяжёлым восхождением на крутой холм под палящим солнцем, градом вражеских стрел, прорывом через лес заточенных деревянных кольев и битвой с неприятельской пехотой и кавалерией.

Вот тут-то они и были застигнуты врасплох скрывшейся за деревьями вражеской кавалерией, которую султан держал в резерве. Некоторых крестоносцев убили на месте, другим пришлось отступить к подножию холма, на который они с таким трудом поднялись, и бежать обратно к городу, остальные перебрались через Дунай, от греха подальше. Самые отважные остались на месте и приняли неравный бой среди груд окровавленных трупов своих боевых товарищей. Жан де Вьен был одним из многих павших в тот день. Даже мёртвый, он продолжал сжимать в руке знамя с образом Пресвятой Девы. Войско Сигизмунда, следовавшее за франко-бургундской армией, было разбито в пух и прах.

Оставшимся крестоносцам в конце концов пришлось сдаться превосходящим силам противника, в том числе сдались маршал Бусико и граф д'Э, возглавлявшие французское наступле-

ние. Турки взяли около трёх тысяч пленными. Некоторые богатые пленники вроде Бусико и Жана Неверского, сына герцога Филиппа, вскоре были выкуплены. Но многим христианам пришлось поплатиться жизнью за устроенную накануне резню, месть султана была ужасна. На следующий день после битвы турки обезглавили несколько сотен крестоносцев, пока утомлённый кровавым зрелищем султан не отдал приказ прекратить бойню.

Можно только догадываться об участи, постигшей Жана де Карружа в Никополе. Вероятно, он был убит в битве с турками недалеко от того места, где пал его старый командир Жан де Вьен, и упокоился вместе с ним в братской могиле. А может, он был казнён на следующий день, став жертвой мести султана за устроенное христианами побоище и убийство пленных. Маловероятно, что Карруж был в числе бежавших с поля боя, учитывая его доблесть, отвагу и преданность товарищам по оружию. Никополь — одно из величайших военных поражений в истории, положившее конец длившимся уже три столетия европейским авантюрам на Ближнем Востоке. Можно сказать, Жан де Карруж пал в так называемом Последнем Крестовом походе.

Если отъезд Жана в Крестовый поход и оставлял Маргарите надежду, что её покровитель вернётся, то известие о гибели мужа навсегда лишило её подобных иллюзий. Её сыну Роберу де Карружу на момент гибели отца исполнилось всего десять лет, ровно столько же ему оставалось до совершеннолетия; он возьмётся за оружие, защищая Францию, в 1415 году, когда Генрих V высадится со своей армией в Нормандии. Возможно, Маргарита рассчитывала на покровительство своего кузена Томина дю Буа, который однажды вызвал на дуэль от её имени Адама Лувеля; либо другого кузена, Робера де Тибувиля, что был одним из секундантов её мужа на ристалище Сен-Мартен. Но с момента их разлуки с Жаном весной 1396-го, тщетно ожидая его возвращения, Маргарита, скорее всего, чувствовала себя безумно одинокой и всеми покинутой.

Дуэль между Жаном де Карружем и Жаком Ле Гри десятилетней давности официально положила конец судебным дрязгам, но не грязным сплетням, домыслам и пересудам. Два летописца сообщают, что, якобы, спустя несколько лет после дуэли некий человек (по одной версии приговорённый к смертной казни преступник, по другой — больной на смертном одре) признался в

изнасиловании. Ни один источник не приводит точных деталей предполагаемого признания, и ни одна из версий не нашла документального подтверждения, но многие хронисты и историки до сих пор преподносят эту довольно мутную историю, как неоспоримый факт.

Некоторые утверждают, что именно признание «истинного» преступника и побудило Жана де Карружа отправиться в Крестовый поход, чтобы избежать публичного скандала, а заодно и покаяться в грехах. Другие уверяют, будто весть о запоздалом раскаянии заставила Маргариту уйти в монастырь, поскольку её снедало чувство вины за то, что она обвинила невинного человека, отправив его на верную смерть. По одной версии Маргарита приняла постриг и дала обет вечного целомудрия, по другой — стала добровольной затворницей и закончила свои дни в жестокой епитимье, добровольно замуровав себя в келье. Но ни одна из этих малоправдоподобных версий не находит подтверждения{20}. Порой богатые и знатные вдовы уходили в монастыри и жили там на положении «гостей», некоторые всё же впоследствии становились монахинями. Но

{20} Комментарии: 20

Ещё одна ложная легенда утверждает, что якобы Маргарита, не перенеся позора после надругательства, покончила с собой.

Маргарита явно сохранила контроль над своими землями, потому что в дальнейшем завещала их своему сыну Роберу. Поэтому версия, будто она закончила свои дни затворницей, снедаемая чувством вины, не выдерживает никакой критики.

По иронии судьбы, о дальнейшей судьбе Маргариты сохранилось меньше письменных свидетельств, чем о человеке, обвинённом в её изнасиловании и погибшем на той знаменитой дуэли. В контракте, датированном 15 марта 1396 года (примерное время отъезда Жана в Крестовый поход), говорится, что сын убитого сквайра Гийом заплатил монахам Сен-Мартена в Сесе близ Аржантана двести золотых франков за вечное пение месс о спасении души покойного Жака Ле Гри. Умирая на поле боя, так и не сознавшись в совершённом преступлении, сквайр (если он и впрямь был виновен) навлёк на себя проклятие за ложную присягу. Однако многие, включая и членов его семьи, считали, что сквайр невиновен. И, возможно, мессы были лишь частью спланированной кампании против его несправедливой смерти и бесчестия. Семейный контракт с монастырём Сен-Мартен вызывающе именует сквайра, убитого за печально известное преступление десятью годами ранее, «человеком,

оставившим о себе добрую память». Даже пять столетий спустя потомки сквайра протестовали против исхода дуэли, называя её судебной ошибкой.

Мы, вероятно, уже никогда не узнаем, что случилось с дамой, оставшейся в одиночестве в замке. Хотя даже адвокат сквайра сомневался в невиновности своего подзащитного, некоторые хронисты не верят показаниям Маргариты, и множество историков вот уже несколько веков солидарны с ними, задаваясь уймой вопросов как о скандальном преступлении, так и о самой дуэли. Но многие другие и тогда, и ныне поверили мадам Карруж и её показаниям, истинность которых, как ни странно, она с завидным упорством отстаивала под присягой в Верховном суде Франции, подвергая себя большой опасности.

Что же касается знаменитой смертельной дуэли между Жаном де Карружем и Жаком Ле Гри, то это была последняя судебная дуэль, одобренная парижским Парламентом. Спорный исход поединка способствовал упадку института, который некоторые люди того времени и большинство последующих поколений считали одной из самых варварских судебных практик Средневековья. В последующие годы в парижский Парламент по-

ступило несколько ходатайств о судебной дуэли, но ни одно из них так и не было удовлетворено.

Однако в течение следующего века судебные дуэли продолжались в некоторых частях Франции за пределами юрисдикции Парламента, таких как Бретань, и некоторых частях Фландрии, контролируемых Бургундией. В 1430 году в Аррасе дрались на дуэли два дворянина; в 1455 году пара горожан бились на дубинках перед огромной толпой зевак в Валансьене; а в 1482-м состоялась дуэль в Нанси. Испытание поединком сохранялось и в других частях Европы, особенно в Британии, где и дворяне, и простолюдины пользовались этой привилегией, пока она окончательно не вышла из обихода. Даже в 1583 году в Ирландии с одобрения королевы Елизаветы произошло испытание поединком. Судебные дуэли продолжались в Англии вплоть до 1819 года, пока громкое дело об убийстве во время подобного поединка не вынудило английский Парламент навсегда покончить с этим обычаем.

К тому времени в большинстве стран Европы и недавно обретших независимость Соединённых Штатах дуэль стала частной и незаконной практикой выяснения отношений, проводилась тайно, обычно на пистолетах, и касалась отстаи-

вания чести джентльмена, а не была результатом официальных судебных разбирательств. Победитель, убивший на дуэли противника, рисковал быть обвинённым в убийстве, и это ясно показывало, что дуэль отныне не является частью правовой системы, а всего лишь пережиток ушедшей эпохи.

Дуэли — древний ритуал, призванный улаживать ссоры до того, как они перерастут в кровную вражду, — были узаконены в Средние века, превратившись в сложную процедуру религиозных церемоний и рыцарских поединков, проводившихся в городах и провинциях, на площадях перед дворцами знати, при стечении многочисленной толпы народа. Но в наше время, когда на смену мечам пришли пистолеты, а стороны отказались от рукопашного боя, дуэли превратились в опасный и запретный ритуал, проводимый тайно на лесных полянах и пустырях вдали от цивилизации.

В этой частной и незаконной форме дуэль стала пародией на некогда торжественный и величественный ритуал Золотого средневековья, когда чопорные аристократы гневно бросали друг другу перчатку, а затем, облачившись в доспехи и произнеся торжественные клятвы пе-

ред священнослужителями, пришпорив боевых коней, выезжали на ристалище, где на глазах у многотысячных толп свидетелей должны были копьём, мечом и кинжалом доказывать собственную правоту, рискуя ради этого принесёнными обетами, честью, головой и спасением своей бессмертной души. Мир уже никогда не увидит подобных зрелищ.

ЭПИЛОГ

Капомесниль, место предполагаемого преступления, ныне тихая деревушка в глухой нормандской провинции. Река Ви по-прежнему служит источником жизни для небольшой плодородной долины, где некогда располагались феодальные владения семьи Карруж. Бóльшую часть года эта речка успешно снабжает местных рыбаков форелью, мирно петляя через поля, сады, мимо средневековой мельницы, вдоль невысокого утёса, где некогда стоял старинный замок. После того как земли перешили от семьи Карруж к другим владельцам, в замке появились новые хозяева, и тот постепенно стал приходить в упадок, пока и вовсе не был разобран во время Французской революции. Сегодня от него не осталось и камня , если не считать куски каменной кладки, позаимствованные фермерами для более поздних хозяйственных и жилых построек, рассыпанных по утёсу вдоль реки.

Примерно в миле на север, с другой стороны

речной долины, раскинулась деревня Сен-Креспен, её церковный шпиль до сих пор виднеется на горизонте. Наверняка Жан и Маргарита не раз любовались им, посещая Капомесниль. На востоке высится цепь невысоких холмов, а примерно в десяти милях от них расположен город Лизьё, прямо вдоль дороги из Фонтейн-ле-Сорель, по которой Жан и Маргарита ехали в Капомесниль зимой 1385-1386 года, навстречу новой бурной главе в их жизни, которая вот-вот должна была начаться.

Другая дорога ведёт в Капомесниль с юга, из Сень-Пьер-сюр-Див, в этот город вызвали Николь де Карруж, в результате чего Маргарита осталась в то роковое утро одна. Современный турист может добраться до Капомесниля по шоссе D16 к северу от Сен-Пьера, свернув на узкую просёлочную дорогу, пролегающую вдоль речки Ви к невзрачной деревушке из горстки однотипных строений.

Ранним мартовским утром, когда поля ещё не просохли от зимнего ненастья, речка за плотиной близ старой мельницы вздулась от паводка, чиновники из Бюро-Дез-О не придумали ничего лучшего, как открыть шлюзы, затопив дорогу, ведущую на север через речную пойму, полностью

отрезав этим импровизированным рвом Капомесниль от Сен-Креспена, как некогда делали средневековые крестьяне во времена Столетней войны, пытаясь защитить своё зерно и скот. Но паводок уже отступает, скупое солнце золотит лучами раскисшую плодородную почву, суля весеннее тепло, а громко каркающие вороны, рассевшиеся на яблонях вдоль реки, похоже, единственные, кто ссорится в это мирное утро.

Возле дорожного указателя с надписью «Капомесниль» я замечаю человека в резиновых сапогах, орудующего лопатой в грязном дворике близ того места, где некогда располагался древний замок. Я притормаживаю у обочины и выхожу из взятого напрокат «Ситроена». После нескольких дней общения с нормандскими старожилами, в том числе и с местным историком, который вооружил меня рядом интересных фактов, мне не терпится узнать, что известно человеку с лопатой о замке, некогда располагавшемся на этом самом месте, и его средневековых обитателях. Может, ему удалось случайно раскопать какие-нибудь артефакты — послания седой старины.

Подойдя к забору из колючей проволоки, за которым маячит незнакомец, я окликаю его на своём лучшем французском и, представившись,

спрашиваю, известно ли ему что-нибудь о старом замке и семействе Карруж. Прекратив перелопачивать почву, мужчина настороженно изучает меня, явно ошарашенный визитом незваного гостя, пожаловавшего в эту глухомань и проявляющего подозрительный интерес к его земле.

То ли во всём виноват мой неидеальный французский, то ли я не так представился, а может, виной всему мой нарочитый американский акцент или врождённое нормандское недоверие к незнакомцам, задающим дерзкие вопросы, — тысячелетняя история бесконечных войн, разбоев, предательств и грабительских поборов не прошла даром. Какова бы ни была причина, мужчина коротко отвечает, что мне стоит обратиться за подобной информацией в местную мэрию, расположенную в городской ратуше. Он поднимает грязную лопату и тычет мне через плечо в сторону Месниль-Може в двух милях отсюда, откуда я только что приехал. Огромный свирепый пёс заливается лаем позади ветхого заборчика за спиной крестьянина, подпрыгивая и угрожающе раскачивая изгородь огромными лапищами.

Я так и остаюсь по другую сторону натянутого меж нами проволочного забора. Мужчину явно

не прельщает мысль, что я буду бродить по его владениям, копаться в земле в поисках древнего фундамента и, потягивая кальвадос (разновидность местного бренди на яблоках), услаждать слух красочными местечковыми байками про мрачное Средневековье. Буквально на этом месте некогда высился старинный замок, где жила та злосчастная дама, ставшая жертвой ужасных обстоятельств, а теперь здесь живёт этот фермер (возможно, с женой и детьми), оберегая древние тайны, погребённые в этой земле, без малейшего желания выложить их первому встречному; либо он просто слишком занят, чтобы думать о призраках прошлого. Но я не вправе винить его за то, что он так небрежно отмахнулся от меня лопатой. Нормандия имеет долгую кровавую историю, полную жестокости и насилия; до сих пор на чужаков здесь смотрят как на потенциальных врагов, и нужно немало постараться, чтобы подтвердить свой дружеский статус. Собака по-прежнему захлёбывается лаем, а мужчина продолжает размахивать грязной лопатой, я благодарю его за потраченное на меня время и полезную информацию, возвращаюсь к своему авто и уезжаю.

ДОПОЛНЕНИЕ:

СЛЕД

В ИСТОРИИ

Печально известное преступление против Маргариты, расследование, учинённое парижским Парламентом, и нашумевшая дуэль между Жаном Карружем и Жаком Ле Гри на ристалище Сен-Мартен изрядно прогремели в своё время и на много веков пережили своих участников, дав почву многочисленным домыслам и мифам. Вот уже несколько столетий это знаменитое дело не перестаёт быть источником многочисленных споров, и более поздние мнения по данному вопросу столь же резко разделены, как и на момент дуэли. Хронист Жан Фруассар, описывающий данное событие несколько лет спустя (около 1390-го), утверждал, что сам король, вся его свита и огромная толпа зрителей радовались исходу поединка. Но Жан Ле Кок, адвокат обвиняемого сквайра сообщает, что во время дуэли реакция присутствующих была неоднозначной: одни решили,

что Карруж полностью доказал свою правоту, другие — считал, что Ле Гри пострадал безвинно. А написанная на латыни спустя десять-пятнадцать лет «Хроника Сен-Дени» утверждала, будто Маргарита ошибочно (хоть и искренне в это веря) обвиняла Ле Гри, и, что якобы другой преступник признался в содеянном преступлении. В 1430-ых Жан Жювеналь де Урсин использовал сей миф в своей знаменитой Французской хронике, только он заменил признания осуждённого преступника исповедью больного на смертном одре, доказав тем самым живучесть данной легенды. Миф о ложном обвинении, несправедливом приговоре и запоздалом разоблачении до сих пор актуален среди историков.

Вряд ли мы когда-либо узнаем, что случилось с мадам Карруж в Капомесниле 18 января 1386 года, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос. Как писал в своём дневнике Жан Ле Кок, видимо подозревая своего подзащитного в лукавстве: «Никто не знает, что там случилось на самом деле». И всё же маловероятно, что Маргарита ложно обвиняла Ле Гри и его предполагаемого сообщника, искренне веря в свою правоту. Она присягнула в суде, что видела обоих мужчин при ярком дневном свете, и Лувель довольно ясно

назвал ей имя Ле Гри, прежде чем тот сам возник на её пороге несколько минут спустя, и что она разговаривала с обоими мужчинами, прежде чем те напали на неё. Всё это сводит к нулю вероятность того, что Маргарита обозналась, даже если она видела Жака Ле Гри второй раз в жизни. Кроме того, Маргарита обвиняла двух мужчин, хотя в легенде об «истинном виновнике» фигурирует только один единственный персонаж, что тоже довольно странно.

Другая расхожая версия (ещё со времён процесса), будто Маргарита сознательно оговорила Ле Гри, тоже не выдерживает никакой критики. Согласно данной версии, Маргарита сама придумала эту небылицу с изнасилованием, чтобы прикрыть собственную супружескую неверность, либо на неё элементарно надавил муж, желая отомстить сопернику (эту версию, кстати, во время процесса открыто высказывал сам Ле Гри). Ложкой дёгтя здесь является включение в список обвиняемых Адама Лувеля. Учитывая отсутствие свидетелей, способных подтвердить показания Маргариты, её обвинения против Лувеля — необоснованный и довольно рискованный шаг, в случае если её заведомая ложь раскроется. Чем сложнее и запутаннее обвинение, тем больше

в нём слабых мест. И включение в список обвиняемых Лувеля лишь делало её показания более уязвимыми. В протоколах сохранилось только алиби Ле Гри, но если бы нашлись свидетели, видевшие Лувеля в день преступления в другом месте, то их показания оправдали бы и сквайра, так же как алиби Ле Гри помогло бы оправдать Лувеля. Два алиби сложнее опровергнуть, чем одно, если конечно они не противоречат друг другу. Но, как говорят протоколы, Адам Лувель отказался признать вину даже под пытками.

Поэтому версия о том, что Маргарита якобы оболгала невиновного, «будучи уверенной» в своей правоте, а затем, спустя продолжительное время, после раскаяния истинного преступника осознала свой грех, не более чем легенда эпохи рыцарства, сочинённая с целью спасти честь дамы и одновременно объяснить то, что многие воспринимали, как ужасную судебную ошибку. Другая, ещё более ужасающая версия, будто Маргарита (по собственной инициативе, либо под давлением мужа) умышленно сфабриковала обвинения против Ле Гри или, как выразился граф Пьер, «выдала желаемое за действительное», кажется ещё менее правдоподобной. Тем не менее, легенда о том, что Жак Ле Гри был

якобы несправедливо осуждён и убит на дуэли за преступление, истинный виновник которого обнаружился лишь много лет спустя, родилась довольно давно и со временем расцвела пышным цветом.

Легенда о несправедливом приговоре и запоздалом разоблачении активно муссировалась в XVIII веке лидерами Просвещения, дабы заклеймить варварское и мрачное Средневековье. Философы осуждали судебную дуэль как таковую и приводили дело Карруж — Ле Гри как яркий образчик подобного безрассудства. Данное дело вскользь упоминается в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера (1767), где пересказывалась легенда, что якобы сквайр пострадал невинно, а истинный преступник обнаружился лишь спустя продолжительное время. Вольтер тоже не прошёл мимо, сказав, что данная дуэль — есть «необратимое преступление», по неизвестным причинам возведённое в закон.

Новую жизнь легенде о несправедливо осуждённом и убиенном Ле Гри дали известные историки, вроде Луи Дюбуа, посвятившего этому делу несколько страниц в популярном обзоре истории Нормандии (1824 г.). В пересказе Дюбуа, просто адаптировавшем Хроники Сен-Дени, ма-

дам Карруж обвиняет Ле Гри ошибочно и осознает свою ошибку лишь спустя годы, когда открывается «истинный преступник» — «некий сквайр, который несомненно [sans doute] имел определённое [quelque] сходство с несчастным Ле Гри». Эту прилизанную версию уже известного нам финала он завершает словами: «В полном отчаянии, желая раскаяться за грех своего невольного лжесвидетельства, мадам Карруж приняла постриг. Он умерла в покаянии и тоске, не находя душе покоя из-за жесточайшей несправедливости, виновницей каковой себя считала, и за которую заплатила бы сожжением на костре, будь Карруж повержен».

Споры разгорелись с новой силой с лёгкой руки местных историков и специалистов по семейной генеалогии, мнения которых по данному вопросу (порой предвзятые) разделились. В 1848-м Огюст Ле Прево опубликовал историю Сен-Мартен-дю-Тийёль, поместья, некогда принадлежавшего отцу Маргариты. Ле Прево, маститый историк-краевед Нормандии, уроженец Тийёля, посвятил этому делу несколько страниц, утверждая, что Маргарита действительно стала жертвой Ле Гри, и что сквайр был справедливо покаран за своё преступление. Ле Прево признаёт, что со времён

процесса возникла масса сомнений в истинной виновности Ле Гри. Однако историк подчёркивает, что тогдашняя политика двора короля Карла, лояльная к сквайру и предвзятая к Маргарите, подготовила определённую почву, на которой современные историки и строят свои домыслы, порочащие даму.

Ле Прево осуждает лиц, искажающих исторические факты, утверждая, что Ле Гри, как фаворит и протеже графа Пьера, был принят в Париже лично королём и его дядьями «с благосклонностью, которой тут же подпел дружный хор летописцев того времени, и многие современные историки лишь продолжили сию традицию, не утруждаясь глубинным изучением данной проблемы, как это делается в отношении большинства общепризнанных исторических фактов». Он также утверждает, что «вряд ли декадентский двор Карла VI мог разжалобить вопль отчаяния безвестной провинциалки, которая в глазах короля и придворных была не более чем дочерью этого старого предателя Робера де Тибувиля». В заключение, Ле Прево осуждает историков, небрежно излагающих мнение хрониста Сен-Дени, утверждающего, будто дама обозналась. Он советует им перечитать первоисточники (иллюстрируя

это выдержками), включая заметки Жана Ле Кока, адвоката сквайра, «который, тщательно взвесив аргументы обеих сторон, склоняет чашу весов не в пользу своего подзащитного».

Противоположная точка зрения была высказана в 1880-ых Ф.Ле Грикс -Уайтом, который утверждал, что является прямым потомком Жака Ле Гри, выражая негодование по поводу позорной гибели своего предка, абсолютно несправедливой по его мнению. Ле Грикс яро отстаивает честь своего предка, указывая на ошибки в хронике Фруассара, по-видимому, даже не ознакомившись с судебным протоколом или отчётом, сделанным адвокатом сквайра (оба документа были к тому времени уже неоднократно изданы). Ле Грикс сомневается, что сквайр мог добраться до места преступления и обратно за отведённое время (хотя его данные, полученные у Фруассара, ошибочны). И даже соглашаясь, что «ни один судебный процесс не смог бы пролить больше света на это дело, которое и по сию пору — тёмный лес», Ле Грикс вновь приводит древнюю легенду о том, что якобы другой человек позднее сознался в означенном преступлении, как «неопровержимое доказательство» невиновности сквайра. Ле Грикс, рыцарь викторианской эпохи, считает

обвинения Маргариты местью обиженной женщины, которую она вершила неосознанно, по ошибке, сводя счёты за гнусное преступление. Ни одно их этих утверждений не является неоспоримым фактом, свидетельствующим в пользу сквайра, но это наглядно иллюстрирует, сколь жаркие споры вызывает это дело, уязвляя порой чьи-то сокровенные чувства, даже спустя пять столетий после дуэли.

Не смотря на совет Ле Прево перечитать первоисточники, многие авторитетные издания двадцатого века продолжали культивировать мифы и заблуждения, которыми обросло это дело, не успев даже толком начаться. Высоко ценимое мной издание «Британской энциклопедии» (1910г.) в статье «Дуэль» уделяет несколько строк и делу Карруж — Ле Гри, перевирая многие важные детали и превращая само изнасилование в некий адюльтер.

В 1385-м произошла дуэль, результат которой был столь нелепым, что даже ярые фанатики стали сомневаться в праведности Божьего суда. Супруга Жана де Карружа обвинила некоего Жака Ле Гри в том, что он явился к ней под покровом ночи и совратил, выдав себя за вернувшегося из Крестового похода мужа. Парижский парламент

назначил дуэль, которая должна была свершиться в присутствии Карла VI. Ле Гри проиграл сражение и был тут же повешен. Вскоре после этого арестованный за некое противозаконное деяние преступник взял на себя вину за это изнасилование. Несмотря на противодействие властей, дело получило широкую огласку, и Парламент был вынужден аннулировать принятое ранее решение.

Здесь Маргариту совращает муж-самозванец, пока её настоящий супруг воюет в Крестовых походах, этакая исковерканная версия знаменитого «Возвращения Мартина Герра». В 70-е «Британника» переписывает вариант данной легенды. На сей раз мадам Карруж обвиняет Ле Гри в том, что он «соблазнил» её, пока супруг отсутствовал, но лишь после казни сквайра, узнаёт, что «соблазнителем» был совсем другой человек. Из пятнадцатого издания «Британники» дело Карруж — Ле Гри и вовсе вырезали безо всяких исправлений.

Некоторые современные комментаторы, в том числе и один французский юрист, предложивший в 1973 году публично пересмотреть данное дело в Кане, подтверждают виновность Ле Гри и правдивость показаний Маргариты. Но большинство

продолжают повторять старую сказку о ложном обвинении и запоздалом возмездии. Один из самых уважаемых историков Р.К.Фамильетти в своих «Альковных байках средневековой Франции» (1992 г.) пишет, что дело Карруж — Ле Гри является «одним из самых зловещих примеров насилия, вошедших в историю». Фамильетти утверждает, что Карруж, узнав об изнасиловании супруги, «решил обратить преступление себе на пользу» и вынудил жену обвинить в этом Ле Гри». Ссылаясь на протоколы суда, но принимая версию Ле Гри, Фамильетти утверждает, что обвинения Маргариты не более чем «спектакль», срежиссированный её супругом с целью устранения ненавистного соперника. Таким образом, женщина обвиняет невиновного не по ошибке, а умышленно, по предварительному сговору с мужем. Далее Фамильетти повторяет старую байку о том, что якобы истинный виновник был разоблачён позднее, а Маргарита «с клеймом лжесвидетельницы» со стыдом удалилась в монастырь. Но опять же, эта уже навязшая в зубах история о предсмертной исповеди «истинного» преступника ничем не подкреплена.

Эта сомнительная легенда, родившая вскоре после знаменитого происшествия, неоднократно

воскресала спустя долгие века, благодаря перу хронистов и историков, и будет жить дальше, вызывая жаркие споры, до тех пор, пока нашумевшая история рыцаря, сквайра и прекрасной дамы будет обсуждаться и переосмысляться, вновь и вновь оживая на страницах истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания упорядочены по главам и темам (либо цитатам) со ссылкой на первоисточник в конце. Цитаты из печатных источников публикуются со ссылкой на автора и страницу (либо статью) с условными сокращениями на случай, если источник дублируется в списке. Рукописные источники по архивам, сериям номеру в каталоге (номеру вызова) и фолио. Для примера: «НА X 2A10, фол. 232 стр.» означает Государственный архив (Париж), серия X, рукопись 2A10, фолио 232 стр. (стр.= страница). Цитаты ЧЛ (частных лиц), резюме свидетельских показаний в парижском Парламенте представляют собой рукописный фолио с пронумерованными страницами конспектов заседаний, в издании Бюшона «Хроники Фруассара», том.10. (Collection des chroniques nationales françaises, vol. 20). Для примера: «ЧЛ 208c/512» относится к X 2A11, фолио 208 стр./ Фруассар-Бюшон, 10:512. Примечания в скобках об источнике свидетельских показаний (C = Carrouges, L = Le Gris) добавляется, когда это

уместно и непонятно из контекста. В примечаниях используются следующие сокращения:

ВА — Ведомственные архивы

НА — Государственный архив

НБ — Французская национальная библиотека

ЦП — Церемония военной присяги

Фр-Бр — Фруассар, Хроники (пер.Беретон)

Фр-Бу — Фруассар, Хроники (изд.Бушон)

Фр-Дж — Фруассар, Хроники (пер.Джонс)

Фр-Л — Фруассар, Хроники (изд. Леттенхов)

Фр-М — Фруассар, Хроники (изд. Мирот)

ЖЖУ — Жан Жювеналь де Урсин, История Карла VI

МС — Манускрипт (рукопись)

н.с. — по новому стилю (начало года с 1 января)

О.Ч. — Оригинальная часть

ПП — парижский Парламент, письменные показания.

РСД — Реликварий Сен-Дени, религиозные хроники Сен-Дени.

ЧАСТЬ 1: КАРРУЖ

Путь в Китай: Иоанн Монте-Корвино, монах-францисканец, основавший церковь в Камбалеке (ныне Пекин) в 1290-ых годах, писал, что сухопутный путь из Европы может занять «пять, а то и шесть месяцев» (Рожд.,37), по самым оптимистичным оценкам. Ислам, Испания, Сицилия, крестовые походы: Кантор, 136-37, 289-303. Время пути (из Франции): Жиль ле Бувье, цитируется по Бойер, 597.

Англо-французская война: Фр-Бр, 55–62, 68–110, 120–45, 151–60; Контамин, 5–13, 27–43; Предположительно, 1: 489–586 (Креси, Кале), 2: 195–249 (Пуатье), 2: 294–350 (народные восстания), 2: 447 (королевский выкуп); Сьюард, 41–102. Урожаи, погода, чума, население: Бродель, 157–61; Фэган, 79–84; Циглер, 63–83. Раскол: Напряжённость, Средневековая Европа, 284–88. Английский «крестовый поход» во Франции: Отран, Карл VI, 145–46. Рутьеры, укрепленная Франция: предположительно, 2: 28–30, 38–44, 351–484. Бретонские монахини: Сьюард, 125.

Карл VI (возраст, даты): Ван Керребрук, 114–29.

Королевская семья, Франция в 1380 году: Контамин, 46–72; Отранд, Карл VI, 9–19, 39–53. Три сословия: Адальберо Лаонский (ок. 1025 г.), цитируется по Дуби, Приказы, 4–5. Феодализм: Блох, Феодальное общество, 1: 145–254; Бишоп, 109–41 («Нет сеньора без земли», 110). Нормандия: Мабир и Рагаш, 15–199.

История семейства Карруж: BN, P.O. 605, Карружи, разд. 1–21; Фр-М, 13:XXXI — XXXIII (отрывки); Хроники Мармутье, 74–77 (№ 57); Словарь дворянства, 4: 738–39; Одолант-Десно, 1: 439–47; Дигурье, 161–63; Руссо, 3–9; Ле Прево, Эвр, 3: 479, 481; Ле Прево, Тиллеул, 64, 124; Турнуэр, 355–59; Терье и Рено, 6. Граф Ральф: Вануксем, Вильери, 40–43. Семейные гербы: НБ, Синий раздел 155, Карружи, ном. 1; Ле Прево, Тиллеул, 64 (с иллюстрациями).

Утраченный портрет Жана IV:Мальхерб,3: 537–38 (письмо № 203). Карьера и характер: Фр-Бр, 309; ПП 206р / 503–4 (В), 208р / 512–13 (Л); НБ. ОЧ. 605, Карруж, №№ 4–10, 17–18; Канель, 642; Десмаделье, 36; Деванье, 34; Вануксем, «Дуэль», 198. Неграмотность Жана: Фр-Л, 20: 507. Рыцарство (в целом): Вайс, 21; Франция, 58–59. Оценка доходов основана на данных 1424 г.: Турнюр, 357.Братья и сестры: Руссо, 7; Нортье, 110-111, ном. 463; Дижюрье, 163.

Карруж (имение): Лагранж и Таралон; Терье и

Ренодо, 6–8, 41, 57; Руссо, 4; Турнюр, 356; Рождество, 4–5. Беллем: Мериэль, 46–47; Перно, 131–33.

Жена Жана IV, сын: ПП 206r / 503; Ле Прево, Эвр, 3: 479 (трое оставшихся в живых детей, все от второй супруги Жана). Шамбуа: Дешам, 293–300.

Семейство Алансон: Ван Керребрук, 412–419; Отранд, Карл V, 648–54; Фр-Л, 20: 22–23; Вануксем, «Дуэль», 197–99. Пьер в заложниках: Н.Б. фр. 23592, л. 62р — 65р. Аржантан: Одолант-Десно, 1: 418–39; Приор; Барбей, 48–49, 51. Жан в должности камергера: Канель, 642; Деванье, 34.

Ле Гри, камергер: НБ н.с. 7617, л. с.265. Дружба с Карружем: ПП с.206 / 503 (С); Деванье, 35. Ле Гри при дворе графа Робера: ПП 208r / 512. Семейная история, характеры: Фр-Бр, 309; Фр-Л, 22:85; Кайс, 367, 370; Канель, 642; Верель, 167–68 (с оружием); Деваннье, 34–35; Гене, 331–32.

Телосложение Ле Гри: Фр-Бу, 10: 278; Фр-Л, 12:32. Капитан Эксме, 1370: Нортье, 136–37 (№ 569). Образование: Ле Кок, 110; Десмадлен, 36. Дети: Ле Кок, 112; Контадье и Масе, 87 («Гийом Ле Гри сын»). Предполагаемые соблазнения: ПП 206c / 504 (С); Канель, 645; Дюкудре, 404; Деванье, 35. Ле Гри, крестный отец: ПП 206p / 503 (С); ПП 208p / 512 (Л). Семейная связь: ПП 206r / 503 (С); Канель, 642; Десмадлен, 36; Деванье, 35. Клятвы при крещении:

Бишоп, 118.

Ону-ле-Фокон: НБ н.с. 7617, фол. 265c — 266c; Одолант-Десно, 1: 439. Робер де Тибувиль: Ле Прево, Тиллеул, 56–57. Ревность Жана к Ле Гри: Канель, 642.

Смерть Жанны: ПП 206c / 503 (С); ПП 208r / 512 (Л), подразумевается, что ребенок родился после того, как оба оруженосца присоединились ко двору графа Пьера в 1377 году, получается, Жанна умерла между 1377 и1380 г. Ранняя смерть ребенка: Ла Ноэ, 5 лет; Руссо, 7. Роды, смертность: Готлиб, «Рождение», 232–33; Вердон, 43–47.

Кампания 1379–1380 гг.: Де Лорей, 133–48 гг. Военная служба Жана: НБ. ОЧ. 605, Карруж, ном. 4–10; отрывок из Фр-М, 13: XXXI. Феодальный брак: Дуби, Брак, 1-22; Вердон, 22–33.

ГЛАВА 2: РАЗЛАД

Брак Жана и Маргариты около 1380 года: Ле Прево, Тиллеул, 63; Ла Ноэ, 5. Рождение Маргариты, возраст: Ле Прево, Тиллеул, 56. Красота, характер: Фр-Бу, 10:277; ЖЖУ, 371; ПП 206c/504 (С), 209c/518 (Л). Потерянный портрет: Малерб, 3:537-38 (письмо ном. 203). Женская красота, одежда: Романтика роз, 37-38 (строки 523-72); Вердон, 13-21; Хорн, 39-40. Домашнее хозяйство, нравы, мораль: Ла

Тур Ландри; Бишоп, 116-18; Арье и Дюби, 348-56. Целомудрие: Дюби, Брак, 7. Юность и зрелость: Чосер, 158. Брачный возраст: Вердон, 28-29 лет.

Тибувиль: Ле Прево, Эвр, 2:115-18, 3:248-49; Китс-Рохан, 732-33 (с сокр.). Семейная история: НБ, ОЧ. 2825, Тибувиль, ном. 1-13; ВА. Эвр, Серье Е. 2703, Синьор де Карси (копия заещания, 11 января 1451 г.); Ле Прево, Тиллеул — 47:65 (оружие, 54), 121:23, 3:424 — 34:34, 472:80; Шарпийон, 2:201-202. Измена Робера V: Ле Прево, Тиллеул, 52-56 (и примечание Э); Мобюссон, гл. 2; Ла Роке, 4:1899-1906. Карл Злой: Шарпильон, 2:365-73, 418-19. Роберт V в 1360 Помилование: Ла Рок, 4:1426. Робет V в 1370: Шарпильон, 2:973 (с разр. «Вернон»). Гийом де Тибувиль: Ле Прево, Эвр, 3:478. Заложник Тибувиль: НБ.МС.фр. 23592, фол. 66с.

Святая Маргарита Карружская: Турнуэр, 388–90; Руссо, 4. Святая Маргарита: Фергюсон, 131. Брачные ритуалы и дарение: Стивенсон, 68–76; Леонард, 188–94; Вердон, 31–33; Ле Прево, Тиллеул, 95–97; Дюкудрэй, 791–96.

Тяжба за Ону-ле-Фокон: Ла Ноэ, 5; Одолант-Десно, 1: 439. Положение от 29 мая 1380 г .: НБ н.д. 7617, л. 265р — 269р. Ле Гри явно не присутствовал на свадьбе Жана и Маргариты (1380 г.), ибо даже если он солгал о посещении Капомесниля

18 января 1386 г., то не стал бы рисковать своим авторитетом в суде, заявив, что впервые увидел Маргариту в 1384 г., если бы в действительности публично присутствовал на её свадьбе четырьмя годами ранее.

Ле Гри в Париже, август 1381: Гавр, 8-9. В чине королевского сквайра: ПП 208c/512. Конфликт из-за Беллема, судебный процесс: ПП 208c/512 (Л); Одолант-Десно, 1:439; Деванни, 35. Cuigny и Plainville: РР 208r/513 (Л); Одолант-Десно, 1:442-43; Рождество, 5-6; Деванье, 35. Жан «отличный солдат, но никудышный придворный»: Вануксем, «Дуэль», 198. Карруж обвиняет Ле Гри: ПП 208c/512 (Л); Кайс, 369; Ле Ноэ, 6; Деванни, 35. Карруж с кратким визитом во Фландрии (1383): Ле Ноэ, 6 (со ссылкой на 23 августа 1383, выписка); Отран, Карл VI, 146-47 (датировано 15 августа).

Встреча у Креспена: ПП 206т/504 (С), 208c/513 (Л); Канель, 645; Деванни, 35. Креспен в чине лесничего: Ле Прево, Тиллеул, 105c. Примирение: повод, компания, приветствие и поцелуй все из достоверных источников; добавлены некоторые детали обстановки и поведения. Ла Ноэ, 6, утверждает, что Карруж лишь симулировал перемирие. Интерес Ле Гри к Маргарите: Канель, 645.

ГЛАВА 3: БИТВА И ОСАДА

Шотландская кампания 1385-го: Фр-Дж, 2: 35–37, 47–50, 52–57; РСД, 1: 361–70, 384–92; ЖЖУ, 364–66; Вестминстерская хроника, 120–33; Книга Плюскардена, 1: 246–47; Де Лорей, 179–205; Палмер, 59–60. Жан де Вьен: Де Лорей, 79–85. Карруж в Шотландии: ПП 206c / 503–4; Де Лорей, CVIII Авантюра Карружа: Фр-Л, 12:30. Война, грабеж, выкуп: очерки о Кине, Средневековые войные, исп. Роджерс, 136–60, и Джонс, 163–85.

Маргарита в Фонтейн-ле-Сорель, хорошие отношения с Жаном: ПП 206c/503-4 (C); Деванни, 35. Робер де Тибувиль: Де Лорей, CVIII. Слюйс: Фр-Бр, 305. Броня, деньги, пушки: Де Лорей, 185-87, CXXXVIII. Жалованье Карружа: Де Лорей, CVIII. Шотландские жалобы, требования короля Роберта: Фр-Дж, 2:35-36.

Нортумберленд: Фр-Дж, 2:47-50. Уорк: Лонг, 166-67; Фр-Дж 2:49; РСД, 1:366-69 («Доварт»); ЖЖУ, 365 («ЖЖУ»). Эскалада (в основном): Вайс, 174-76. «моментально простреливая каждую голову...»: Уорнер, 39 (взято из аналогичной осады). «убивая, грабя и поджигая»: РСД, 1:366, 370. Английская контратака: Вестминстерская хроника, 120-33; Фр-Дж, 2:52-54. Шотландцы открывают ворота, французы убегают, англичане в Эдинбурге: РСД, 1:388-91. Камберленд: Фр-Дж, 2:53-54; Уайт, 47-48.

Карлайл: Саммерсон, 1:313-15. Осада Карлайла, набег Перси: Вестминстерская хроника, 132-35. Ревю от 28 октября: Де Лорэй, CVIII. Новые шотландские роптания: Фр-Дж, 2:55-56. Дело адмирала: РСД, 1:390-92; ЖЖУ, 366. Бедные французы: Фр-Дж, 2:56-57; ЖЖУ, 366. Провальная кампания: Отран, Карл VI, 148.

Ле Гри якобы заявил Маргарите, будто ему известно, что её муж вернулся из-**за** границы, испытывая нехватку средств, или вовсе без денег; см. ПП 207c / 506 (С); Деванни, 36. Болезнь Жана: Ле Кок, 111; Фр-Л, 12: 367 (с правками Ле Кока); ЖЖУ, 371. Рыцарство Жана: Де Лорей, CVIII. Поездка в Капомесниль: ПП 206стр / 504; Деванье, 35. Погода зимой 1385–86-го: ЖЖУ, 363.

ГЛАВА 4: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Признаки отчуждённости: отстранённости от Николь; Жан де Карруж заподозрил, что его мать и жена поссорились в его отсутствие. ПП 207c / 509). Римский тракт: Тальберт, стр. 7, 11; Разд., 22–23. Средневековые маршруты: Кассини де Тьюри, Карте, стр. 61–2; Мариетт де-ла-Палджери: карты IGN maps, Série Top 100, ном. 18 (Кан / Алансон); Série bleue Франция 17130 (Ливаро). Капомесниль: Хиппо, 58. Жилые дома: ПП 209c / 519 (Л). Общий

вид: ПП 206в / 504 (С). Комнаты: ПП 207с / 507. Донжон: Ассе, 132. Участок на берегу реки: Ле Форт, 98. Демонтировано: Ле Прево, Тиллеул, 105с2.

Карруж остановился в Аржантане по дороге в Париж по личным или судебным делам (для переговоров):ПП 206с/505 (С). Его инструкции горничной: ПП 208с/514 (Л). Аржантан: Барбай, 48-60. Встреча Жана с Ле Гри и прочими: ПП 206с/505 (С).

Характер Адама Лувеля: ПП 206с/504-5 (С); Одолант-Десно 1:404. Ле Гри-вдовец (1386): Ле Кок, 110., 1:440; Десмадейне, 37; Caix, 367. «Адам Лувель» служил под началом Карружа в 1379-80 годах: НА ОЧ. 605, Карруж, no. 18 (ср. Лувель как «Луве», НА X 2A10, фол. 233с). Похотливое влечение Ле Гри: ПП 207с/504 (С); Fr-Br, 309-10; Дюкудре, 404. Ле Гри-вдовец (1386): Ле Кок, 110.

Отъезд Николь: ПП 206с/505 (С); 208с/514 (Л). Ле Гри предупреждён Лувелем: ПП 206v/505 (С); Канель, 645. Маргарита осталась «практически одна» (quasi solam): ПП 206с/505 (С). Показания одной оставшихся служанок: Ле Кок, 112.

Моя версия того, что якобы произошло в Капомесниле 18 января 1386 года, полностью соответствует судебному протоколу Карружа, основанному на показаниях его жены под при-

сягой: ПП 206c — 207c / 505–509. Повествование от третьего лица порой превращается в диалог, а некоторые детали добавляются, дабы не прерывать повествование (например, жалобы Лувеля на холод).

«Харо»: Вольфталь, 42-43. «Против ее воли»: Фр-Бр, 310; Fr-Bu, 10:278; PP 207r/508 (C). Плачевный вид, разорванное платье: Вольфталь, 43. Угрозы Ле Гри, клятвы Маргариты, кошель с монетами: ПП 207c/509; Фр-Бр, 310. Краткий обмен репликами между Ле Гри и Лувелем — мое личное дополнение.

Средневековый законодательство об изнасиловании и отношение к нему: Гравдаль, 1–20, 122–44; Вольфталь, 1–6, 99–107, 127–29; Сондерс, 48–75, 141–42, 173–77. Боммануар, нет. 824. ном., 1346: Фр-Бр, 76–77. «Преступление из преступлений»: Ружмен, 222. Эдуард III: Сондерс, 173–75. «Скорбь»: Пизан, 161. Священники: Гравдаль, 124–27; Вольфталь, 54.

Печаль Маргариты: Фр-Бр, 311; Вольфталь, 45-46. Женская честь: Ла Тур Ландри, 3-4. Прерогатива мужа: Блох, Закон, 55. «Она прочно врезалась в память»: Фр-Бр, 311. Возвращение Жана из Парижа: ПП 208c/514 (L). Депрессия Маргариты: ПП 207c/509 (C). Сцена в спальне: Фр-Бр, 311. Обычаи

сна: Бишоп, 127. Маргарита рассказывает Жану свою историю: ПП 207c/509 (С). Семейный совет: ПП 207c/510 (С); Фр-Бр, 311-12; РСД, 1:464. Беременность: Ле Кок, 111 (послеродовой период); Ла Ноэ, 6.

ГЛАВА 5: ВЫЗОВ

До графа Пьера доходят вести, следствие: ПП 208c / 515 (Л). Затруднительное положение Пьера: Вануксем, «Дуэль», 197–99. Суд без истца, арест Лувеля: ПП 209c / 515–16 (Л); Деванье, 36. Дело закрыто: ПП 209c / 516 (Л). « По-моему, она выдаёт желаемое за действительное»: Фр-Бр, 312.

Процедура апелляции: Дюкудре, 528–38, 664–68; Блох, Лоу, 136–39; Шеннан, 71. Граф пишет королю: ПП 209c / 516 (L). Гнев Карружа: Фр-Бр, 313. Парижские друзья Жана: Ла Ноэ, 6. Ле Гри провоцирует, предубеждение против Маргариты: Ле Прево, Тиллеул, 103.

История судебных дуэлей, попытки их запретить: Бонгерт, 228-51; Дюкудре, 375-406; Нильсон; Леа, 101-247, 255-59; Монестье, 7-97; Блох, Лоу, 18-28, 119-21; Бартлетт, 103-26; Коэн, 55-61. Искушение Бога: Леа, 207; Гене, 333. Указ Филиппа IV от 1306 года: ЦП, 1-35; Ордонанс, 1:434-41.

Средневековый Париж: Фавье; Купери, 19-26;

Сумпон, 1:1-9; Хорн, 42-64; Отран, Карл VI, 233 (карта). Столкновения между школярами: Хаскинс, 25-26 (цитата Жака де Витри).

Адвокаты Карружа: HA X 2A10, фол. 243стр («Жан де Бетизи»); Ле Кок, 99 (бейлиф).

Венсенский замок: Шапело; де Прадель де Ламаз. Бюро де Ла Ривьер: Отран, Карл VI, 156-58. Покушение на убийство (1385): ЖЖУ, 364; Лорей, 183-84. Апелляционная формулировка, адаптированная по книге «Из заседаний мещанского суда» цитируется по Коэну, 62. Письмо короля Парламенту: ПП 210c/522. Парламент и апелляции: Шеннан, 78.

Адвокат Ле Гри: Ле Кок, 110. Биографические подробности: Буле (ред.) Ле Кок, VI–XVII; Дюкудре, 223-25; Делахеналь, 345-46. Пособие для духовенства: Дюкудре, 593-600. Совет адвоката, отказ Ле Гри: Ле Кок, 110. Судебные издержки, задержки: Дюкудре, 959-71.

Жилище Карружа, Ле Гри: HA X 2A10, fol. 239r. Наём: Хилайре, Улицы, сл.ст. «Сен-Антуан (улица)»; «Бодойер (усадьба)»; «Лувр (улица)». Дворец правосудия: Дюкудре, 11-21; Шеннан, 98-109; Примерно, 2:196. События 1356-58: Примерно, 2:254-55, 312-13. Судебные приставы: Дюкудре, 285-94; Шеннан, 48-49. Гранд шамбре: Шеннон, 106-7. Арнольд

де Корби: Делахеналь, 170с.

Заседание от 9 июля 1386 г .: НА X 1A1473, л. 145с; Ле Кок, 95с. Речи адаптированы по формуляру 1306: НБ, 7–9; Таинства, 1: 435–36. Докладчик: Шеннан, 64–65. Решение от 9 июля 1386 г. (перечисление обязательств): НА X 2A10, л. 232р-в; Фр-Л, 12: 368–69. Валеран де Сен-Поль: Фр-Л, 23: 77–78. Граф д'Э (Филипп Артуа): Французский биографический словарь, 13: 231–32.

ГЛАВА 6: СЛЕДСТВИЕ

Показания Маргариты: РР 210v / 523. Маргарита в суде: ПП 208с / 513. Жан обосновывает показания Маргариты: Ле Прево, Тиллеул, 103 («sous sa dictée»). Стряпчие: Дюкудре, 257–61; Шеннан, 45–46.

Конспект дела: НА X 2A11, фол. 206с–210с. Я изучил эту рукопись в Национальном архиве (Париж), сверив точность изложенного у Фр-Бу, 10:503-26. Сокращённая расшифровка (только показания Карружа) от Ле Прево, Тиллеул, 104-9.

Карруж утверждал (ПП. 206ч/505), что Николь была вызвана в Сен-Пьер виконтом Фалезским (Рено Биго). Ле Гри, приводя разнящиеся, но не противоречащие друг другу факты, говорит (ПП. 208ч/514), что она приехала к бейлифу Кана

(Гийому де Мовине) по просьбе некоего Робера Февреля. Ле Гри называет только Февреля; о Биго и Мовине см. Дюпон-Феррье, 1:496 (сатья 4541), 1:450 (статья 4232).

«Не более двух лье»: ПП 208ч/514. Лье (2,75–3,0 мили): Шардон, 133. От Капомесниля до Сен-Пьера-5,5 миль по прямой, и чуть больше по дороге. Николь, вероятно, двинулась на запад вдоль Ви, а затем на юго-запад к Сен-Пьеру (Мариетта де Ла Пажери). Лье составляет три мили, это примерно шесть миль туда и обратно, что кажется почти соответствует действительности.

В Капомесниле (49 ° 5′ северной широты, 0 ° 5′ восточной долготы) светает и темнеет 18 января в 7:23 утра. и 16:36 соответственно (данные из таблиц ВМС США с поправкой на десятидневный сдвиг по григорианскому календарю и световой день). Гражданские сумерки (полезный свет) начинаются примерно за тридцать минут до восхода солнца и заканчиваются примерно через полчаса после захода солнца.

«К утренней трапезе»: ПП 208ч/514. Большая дневная трапеза начиналась между девятью часами утра и полуднем, как правило в десять утра (Бишоп, 134). Таким образом, Николь могла вернуться уже к полудню или позже, если верить

Ле Гри. «Прайм»: изначально шесть утра (или восход солнца), но обычно около девяти утра к четырнадцатому веку (Оксфордский словарь английского языка, С. в.). «Белошвейка и две другие женщины»: ПП. Избиение кулаками: ПП 208ч/515. Отношение к избиению жены: Вердон, 38-39.

От Аржантана до Капомесниля около двадцати трех миль напрямую, но по дороге значительно дольше. Если лье равнялось трем милям, то девять лье составляет около двадцати семи миль по самым скромным подсчётам. Мариетта де Ла Пажери прочертила вероятный маршрут на север от Аржантана до Труна, мимо Монпинсона и почти до Ливаро, а затем на запад мимо Сен-Жюльен-ле-Фокон до Капомесниля. Стандартный дневной путь (около 1400 г.) составлял от двадцати до тридцати миль, причем переезд в пятьдесят миль были возможен только для людей, у которых была возможность поменять коней; см. Бойер, 606.

Травмы как свидетельство совершенного насилия: Сондерс, 63 года (учитывая 40-дневный срок в средневековой Англии); Гравдал, 129–30 (со ссылкой на медицинские осмотры во Франции XIV века). «Десять или двенадцать домов»: ПП 209ч / 519 (Л). Ги де Калиньи: ПП 209ч / 519.

Ответная речь Карружа: 210с-ч/521-22. Риск

бесчестия для женщины, подвергшейся насилию: Ла Марш, 51. Ребенок Маргариты: Ле Кок, 111, родился между между 9 июля и 29 декабря. Изнасилование и зачатие: Готлиб, «Беременность», 157; Сондерс, 73-75.

Квитанции Беренгье: НБ МС. фр. 26021, ном. 899, 900; Морисе, 207 (выдержки). Вызов Адама Лувеля (20 июля): НА X 2A10, фол. 233р. День уведомления (объяснение): Блох, Лоу, 126–27. Томин дю Буа бросает вызов Адаму Лувелю (22 июля): НА X 2A10, фол. 233р-в; Ле Кок, 97с.

Дальнейшие аресты (20 августа): НА X 2A10, фол. 235r; Ле Кок, 97n (выдержки). Адам Лувель и служанка, допрошенные под пыткой: Ле Кок, 112. Судебные пытки и методы: Дюкудре, 506-19; Петерс, 67-69. Жанна де Фонтене: НА X 2A10, фол. 239ч. Арест Белото: НА X 2A10, фол. 236с-ч; Ле Кок, 99.

Планы французского вторжения: Фр-Бр, 303–8; Fr-L, 11: 456–57 (влияние Бургундии); Фр-Ж, 2: 174–77, 195–200 (королевская клятва, 196); Палмер, 67–87.

«Никто толком не знает»: Ле Кок, 111-12. Подозрения Ле Кока: Одолант-Десно, 1:445ч; Ле Прево, Тилль, 104. Запись от 15 сентября 1386 года, аррет: НА X 2A10, фол. 238v–239r; Фр-Л, 12:369-70. Латин-

ский текст аррет: HA X 2A11, фол. 206ч–210ч; Фр-Бу, 10:503-23. Подпись Арнольда де Корби: фол. 210ч. Сакс, докладчик: Шеннан, 64-65. Запрет дуэлей (1330-83): Дюкудре, 396-406. Дуэль, разрешена по факту изнасилования в 1354 году: Дидро и д'Аламбер, С. В. «Дуэль.» Первоначальная дата дуэли (27 ноября): HA X 2A10, фол. 239ч.

Обоснование Парламента, полемика, болезнь Ле Гри: Ле Кок, 96-97, 101-111. «Сквайр слёг»: HA X 2A10, фол. 239ч. Маргарита будет сожжена, если её уличат в лжесвидетельстве: Фр-Бр, 314; Фр-М, 13:107. Сожжение женщин за лжесвидетельство: Ибелин, 175, цитируется по Рейхарду, 187; Ла Марш, 16, 51; Леа, 172-73.

ГЛАВА 7: СУД БОЖИЙ

Сен-Мартен-де-Шамп: Бивер и Бивер, 27-29; Хиларе, Улицы, s.v. «Байи (улица),» «Мо (улица),» «Сен-Мартен (улица) «. Сен-Мартен: Фергюсон, 133. Новая городская стена (1356-83): Купери, 19; Аутранд, Карл VI, 233. Акведук: Лакордер, 219-21. Суд, тюрьма: Хиллэрт, Гибец, 233-39. Протоколы судебных заседаний: Судебная книга, 220–22, 227–28.

Место боя: Хронография, 85; Ле Кок, 110; Хиллэрт, Гибетс, 236, и Улицы, s.v. «Могольфье (улица)»,

«Сен-Мартен (улица),» Ном 292. Размер поля: ЦП, 20-21 (40 на 80 шагов); Пизан, Закон об оружии, цитируется по Фр-Л, 20:508-9 (24 на 96 шагов, исправлено с «94»). Темп (2,5 фута): Оксфордский словарь английского языка, s.v. «пейс», 3. «списки . . . сделанные . . .»: Пизан (как указано выше); Ле Кок, 110; Десмадейнес, 41. Стены, фурнитура: Джейл, 142-44; ЦП, 31. «Большие трибуны . . .»: Фр-Бр, 313. Песок: Джейл, 142; Фр-Дж, 2:229.

Гомер, Илиада 3.310–80 (Латтимор, 108–10). Дуэли на островах: Леа, 111–12. Королевские вызовы: Хейзинга, 107–8; Отран, Карл VI, 146–47. Дуэль «собака-человек»: Баллет, 70–71; Монестье, 82; Коэн, 60–61.

Маршрут Карла VI: Пети, 28–32; Лехукс, 2: 194. Бури, знамения, вторжение отменено: Фр-Дж, 2: 201–3; РСД, 1: 457–62; Палмер, 77–81.

Королевская свадьба: Фр-Бр, 252–59; RSD, 1: 357–61; Отран, Карл VI, 152–58. Изабо (даты): Ван Керребрук, 115. «Полностью обнаженная»: Фр-Л, 10: 345. Рождение, смерть дофина: РСД 1: 456; Ван Керребрук, 115; Отран, Карл VI, 171. Дуэль как изюминка Рождественского празднований при дворе: Лехукс, 2: 196–97. Маргарита родила: Ле Кок, 11

ГЛАВА 8: ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА И КЛЯТВЫ

Молитвы, пост, месса: Ле Кок, 111; Деванни, 32; Блох, Ло, 24; Монестье, 71, 74 (со ссылкой на специальную missa pro duello).

Доспехи, оружие, конское снаряжение: Лобинье, 2: 672–77 (дуэль в Бретани, 19 декабря 1386 г.); ЦП, 10 (копье, меч, кинжал, щит); Фр-М, 13: 107 (копья, мечи); Брантом, 51–52 («булавы, которые называют bebecs de corbin (вероятно, топоры, полэксы), и прочный короткий меч, напоминающий большой кинжал»); Мальхерб, 3: 537–38 (оба мужчины «на конях ... с копьями»). Деванье, 41–42, цитируя Брантома, дает каждому по топору (полэксу).

Дополнительные сведения: Уайз, 66-87 (копье, меч, кинжал); Хьюитт, 2:261-65 (топоры); Дэвис, 11-29, 55-58, 67 (боевые кони, копья); Монестье, 57-58 (мечи);Эссе Айтона в Кине, Средневековая война, 186-208; Виолле-ле-Дюк, с.в. «доспехи,» «бацинет,» «спайка,» «башмаки,» «кольчуга,» «Кинжал,» «экю,» «меч,» «рукавица,» «топор,» «упряжь,» «копье,» и т. Хлеб, вино, деньги: ЦП, 19-20; Джейл, 155; Лобинье 2:676. Хиларет, улицы, с.в. «Монгольфье (улица),» со слов дворянина, поставившего на дуэль и проигравшего 60 фунтов.

Прославление дуэли, огромная толпа: Фр-Бр, 309, 313; РСД, 1: 464; Деванье, 31 год. Восход солнца

в Париже (48 ° 48′ северной широты, 2 ° 30′ восточной долготы) 29 декабря 1386 г. (с десятидневной поправкой на григорианский календарь) был около 7:45 утра, с началом гражданских сумерек (полезный свет) вскоре после 7 часов утра. Зима 1386–1387 гг .: Лебретон, 72.

Королевская процессия: Джейль, 149-50. Правила прибытия бойцов на поле боя: ЦП, 10-11, 15; Джейл, 153-54. Официальный формуляр, возможно, составленный специально для дуэли Карруж — Ле-Гри (Гюне, 335), указывает, что оба борца должны прибыть к полудню (середина дня), но все ждали прибытия короля; НБ МС. фр 2699, фол.189r. Обязательства: Фр-Бр, 313. Список обязательств: НА X 2A10, фол. 243v–244ч; Фр-Л, 12:371.

Одежда Маргариты, экипаж: Фр-Бр, 313; Ле Кок, 111; Брантом, 51; Ла-Марше, 16. Сир Роберт де Тибувиль (в 1386 г.): Ле Прево, Тиллеул, 57; Eure, 3: 478. Дуэль Дю Буа — Лувель запрещена: НА X 1A 1473, фол. 224р; Ле Кок, 97ч.

Преддуэльные церемонии: CG, 12-29; Джейл, 153-65; Лобинье, 2:670-71 (Дуэль в Бретани); Вилье, 31-41; Ибелин, 165-75; Дю Брейль, 101-23; Сумма, 167-74; Бомануар, ном. 1828-50; Фр-Бр, 313-14; НБ МС. fr. 2699, фол. 188v-193r; НБ МС. фр. 21726, фол. 189ч (третья клятва). Дополнительные сведения:

Коэн, 56-59; Монестье, 74-75; Бартлетт, 121.

Маргарите приказали покинуть экипаж: Ле Кок, 111; Ле Прево, Тиллеул, 111ч. Маргарита на дуэли: О.-Л., 12:37 («женщина... присутствовала там»); Ла Марш. 16. Эшафот: Брантом, 51.

«Не уповая на волю случая «: Монестье, 70. Ле Гри посвящен в рыцари: Ле Кок, 111. Даббинг: Блох, Феодальное общество, 2: 312–16; Кин, Рыцарство, 64–82. Здоровье дуэлянтов: Ле Кок, 111; Фр-Л, 12: 367 (дополняя Ле Кока); ЖЖУ, 371.

Алтарь: ЦП, 23; Джейл, 148. Третья клятва: Коэн, 57-58. Слова Маргариты: Фр-Бр, 313-14; Фр-Бу, 10:383-84; Ле-Кок, 111 (dicendo ... in die duelli). Молитвы Маргариты, казнь через сожжение (Бетисак): Фр-Бр, 314, 369.

ГЛАВА 9: СМЕРТЕЛЬНАЯ БИТВА

Алтарь убран, приказания, перчатка, эскорт: CG, 30-31; Вильерс, 39; Джейл, 164-65; Монестье, 75. Возможный исход: ЦП, 32-33; Джейл, 165-66. Ни пощады, ни любезности: Бомануар, № 1843; Монестье, 71; Леа, 178; Бартлетт, 111. Дуэль 1127 года: Гальберт Брюггский, 212-13 (широко цитируемо).

Поединок на копьях: Фр-Бу, 10:284; Фр-Л, 12:38; Фр-М, 13:107. РСД, 1:464, говорит, что двое мужчин спешились после выхода на поле и сражались

пешими на мечах. Ле Кок, 111, говорит, что Ле Гри атаковал своего конного противника пешим. ЖЖУ, 371, описывает только бой на мечах. Хронография, 84-85, не дает никаких боевых подробностей. Малербе, 3:537-38, приводит фреску (дошедшую до нас в 1621 году), на которой изображены оба всадника, вооруженные копьями. Детали рыцарского поединка взяты из турнира Сен-Инглевер (1390), в котором также участвовал Карл VI, Фр-Дж, 2:434-46.

Скорость: современная скаковая лошадь может развить скорость 40 миль в час, что примерно в двенадцать раз больше расстояния от одного конца поля Сен-Мартена до середины (440 ярдов или четверть мили). Более медленный и тяжелый средневековый боевой конь нёс груз до 300 фунтов, но максимальная скорость 15 миль в час более вероятна, поэтому скорость сближения 30 миль в час, или почти 45 футов в секунду. В среднем, развив скорость 10 миль в час во время атаки, Карруж и Ле Гри встретились бы в центре поля примерно за семь секунд.

Бои на топорах: Конные и пешие бои на топорах были распространённой забавой (например, Фр-Дж, 2:230), и в формулярах судебных дуэлей упоминаются топоры (например, Джейл, 165).

Brantôme, 52, упоминает becs de corbin, подразумевая полэкс (топор), также топоры появляются в единственном сохранившемся изображении дуэли, Британская библиотека Королевский MC.14 E. iv, фол. 267ч. Деванье, 41-42, описывает Карружа и Ле Гри, сражающихся на лошадях с топорами (полэксами), отрывок, который я цитирую, добавляет сведения о гибели двух коней. Тактика боя топором: Хьюитт, 2:261-65.

Детали боя на мечах: Фр-Бу, 10:284-85; Фр-Л, 12:38; Фр-М, 13:107; РСД, 1:464-66;ЖЖУ, 371. Также Фруассар, и РСД сообщают о ранении Карружа в бедро. «Выпады, удары и рубящие удары»: ФрБр, 314 (типичное фехтование). Фруассар говорит, что Карруж поверг Ле-Гри наземь; РСД, якобы Карруж схватил Ле-Гри за шлем и рванул назад, уронив его; ЖЖУ, что Ле-Гри упал, а Карруж прыгнул на него. Тяжелая броня Ле Гри, безуспешные попытки Карружа пробить ее: РСД, 1:466.

Если верить ЖЖУ, то Карруж оседлав Ле Гри, вскрыл забрало его шлема с помощью кинжала. Шлем, забрало: Вайолетт-ле-Дюк, С.В.. «Бацинет». В исповеди отказано: Фр-М, 13: 107; ЖЖУ, 371; РСД, 1: 466-67.

Крик рыцаря, ответ толпы: Фр-Бу, 10: 285; Десмадлен, 42 Раны победителя обработаны.:

Джайль, 169. Карруж и король, награды, воссоединение с женой, Нотр-Дам: Франция, 314. Оказание медицинской помощи (адаптированный рассказ Клиссона): Фр-Дж, 2: 525. Победа рыцаря «как чудо»: Ле Кок, 111; Фр-Л, 12: 367 (исправлено Ле Кок). Победитель покидает поле боя: ЦП, 33–34; Джейл, 168–69.

Право победителя на доспехи проигравшего: Джейл, 169. Доспехи пожертвованы: Десмаделенье, 35. Тело Ле Гри: Фр-Бр, 314; Джейл, 188-89. Монфокон: Хиллэрт, Гибетс, 31-39. «Гроздья скелетов...»: Уайт, 51. Фортуна наказывает Ле Гри: Фр-Бр, 309; Фр-М, 13:107.

ГЛАВА 10: КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И МОНАСТЫРЬ

Награда в 6000 ливров: ПП 211ч–212р/523-26; Ле Кок, 112-13. Земли Ле Гри распроданы: Сайкс, 370. Ану-ле-Фокон: Одолант-Десно, 1:439н; Ван Керребрук, 417. Робер де Карруж, его братья и сестры: Ле Прево, Эвр, 3:479.

Жан IV как кавалер ордена почетного легиона: НБ ОЧ. 605, Карруж, ном. 11 (23 ноября 1390). Путешествие Карружа на Восток в 1391 году: Фр-Л, 12:39, 14:386. Краон и Клиссон, кампания в Бретани, безумие короля: Фр-Дж, 2:521-35; РСД, 2:2-23 (четверо убитых); Отран, Карл VI, 289–95. Карруж

в Бретани: Фр-Л, 20: 509. Бал объятых пламенем: Фр— Дж, 2: 550–52; Отран, Карл VI, 290–303.

Мирные переговоры, Робер-Отшельник, Ричард и Изабелла: Фр-Дж, 2:584-88, 599-600. Никополь: Фр-Дж., 2:622-27; Николь, 33-71; Атия. Три компаньона Карружа (Фр-Бр, 314-15) погибли в Никополе вместе со своим старым командиром, Жаном де Вьенном, по всей вероятности, он погиб там же, как предполагает Ле Прево, Тиллеул, 112с; Деванье, 43.

Новое признание некоего мужчины: РСД, 1:466; ЖЖУ, 371. Предполагаемое самоубийство Маргариты: Минуа, 20. Ее смерть (1419?), наследство Робера: Ла Ноэ, 7. поместья Маргариты: ВА. Эвр, E.2703, Seigneurie де Carsix (копия завещания, 11 января 1451); Ле Прево, Тиллеул, 63-65, и Эвр, 3:481. Контракт с аббатством Сен-Мартен (15 марта 1396): Контадье и Маке, 83-92. Протест потомков Ле Гри: Уайт, 42-56.

Дуэль Карруж-Ле-Гри как последняя разрешенная Парламентом, более поздние поединки: Морель, 613; Годеме, 131; Коэн, 59-60; Бартлетт, 120-22; Нильсон, 17, 204-5, 304-7, 328-31; Дюкудре, 405 (пари 1388 года, запрещенное королем). Дуэль 1455 года в Валансьене: Ла Марш, 17-19; Монестье, 79. Поединок 1547 года между Жарнаком и Ла Ша-

теньером, состоявшийся в Париже перед королем Генрихом II, был не судебной дуэлью (хотя ему и предшествовали соответствующие церемонии), а дуэлью чести, возникшей из-за оскорбления, о котором судачили при королевском дворе: Монестье, 105-6. Вызов 1818 года (Англия): Фр-Бу, 10:290с; Нельсон, 328-31.

ДОПОЛНЕНИЯ: СЛЕД В ИСТОРИИ

Всеобщее ликование: Фр-М, 13:107. Неоднозначная реакция: Ле Кок, 110. Предполагаемое признание осужденного: РСД, 1:466. Исповедь больного: ЖЖУ, 371. Один из ранних комментаторов, Ла Марш, 14-17, считает Ле Гри виновным, а дуэль-единственным средством «доказать правоту».» Более поздние источники: Дидро и д'Аламбер, С. В. «Дуэль»; Вольтер, 119-20 (гл. 20); Дю Буа, 1:257-61; Ле Прево, Тиллеул, 102-4. Потомок Ле Гри, ярый его защитник: Уайт, 42-56. Современные источники: Энциклопедия Британика, 8:639а; Деванье (Кан, 1973); Фамильетти, 137–41.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

(приводятся в оригинале)

Данный список ограничен источниками, на которые я ссылаюсь в примечаниях, и не учитывает дополнительные справочные материалы, использованные мной при написании книги. Рукописные источники расставлены по городу, архиву, номеру в каталоге и в фолио, там, где это уместно. Печатные источники располагаются по автору, наименованию, городу и году издания, подзаголовки почти всегда упускаются.

РУКОПИСИ

Caen: Archives Départementales de Calvados (AD Calvados)

Série F. 6279: Charter, Mesnil Mauger, 1394

Évreux: Archives Départementales de l'Eure (AD Eure)

Série E. 2703: Carrouges-Thibouville will, 1451

Paris: Archives Nationales (AN)

Série X—Parlement de Paris

1 A 1473, fols. 145v, 224r-v, sessions of July 9, September 15 (microfilm)

2 A 10, fols. 232r–244r, Criminal register, July 9, 1386–December 1, 1386 (microfilm)

2 A 11, fols. 53r-v, 54v, 206r–210v, 211v–212r, arrêts and testimony, September 13, 1386–February 9, 1387

Paris: Bibliothèque Nationale (BN)

Dossier bleu 155, Carrouges: notes on family history

Manuscrits français:

2258: copy of 1306 decree and duel formulaire (microfilm)

2699, fols. 188v–193r: duel formulaire

21726, fols. 188r–190v: duel formulaire

23592: Alençon and Thibouville hostages for 1360 treaty

26021, nos. 899, 900: receipts for Guillaume Berengier, July 1386

n.a. 7617, fols. 265r–269r: Royal charter relating to Aunou-le-Faucon

Manuscrits Latins:

4645: Questiones Johannis Galli (Jean Le Coq's casebook, Paris copy)

Pièces originales (P.O.):

605, Carrouges, nos. 1–20: military records, etc.

2825, Thibouville, nos. 1–16: family documents

Beaumanoir, Philippe de. Coutumes de Beauvaisis. Edited by Amédée Salmon. 2 vols. Paris, 1899–1900; rpt. 1970.

The Book of Pluscarden. Edited by Felix J. H. Skene. 2 vols. Edinburgh, 1877, 1880.

Brantôme, Pierre de Bourdeilles, Abbé et Seigneur de. Discours sur les duels. Edited by J.A.C. Buchon. Paris, 1838; rpt. Arles, 1997.

Cartulaire de Marmoutier pour le Perche. Edited by L'abbé Barret. Mortagne, 1894.

Cérémonies des gages de bataille selon les constitutions du Bon Roi Philippe de France. Edited by G. A. Crapulet. Paris, 1830.

Chaucer, Geoffrey. The Canterbury Tales. Edited by Larry D. Benson. Boston, 1987.

Chronographia regum francorum. Edited by H. Moranville. Vol. 3 (1380–1405). Paris, 1897.

Du Breuil, Guillaume. Stilus curie parlamenti. Edited by Félix Aubert. Paris, 1909.

Froissart, Jean. Chroniques. Edited by J. A. Buchon. 15 vols. (= Collection des chroniques nationales françaises, vols. 11–25). Paris, 1824–26.

Chroniques. Edited by Kervyn de Lettenhove. 25 vols. Brussels, 1867–76.

Chroniques. Edited by Léon and Albert Mirot, et al.,

15 vols. (to date). Paris, 1869–.

Chronicles. Translated by Thomas Johnes. 2 vols. London, 1839.

Chronicles (selections). Translated by Geoffrey Brereton. London, 1968.

Galbert of Bruges. The Murder of Charles the Good, Count of Flanders. Edited and translated by James Bruce Ross. New York, 1960.

Homer. Iliad. Translated by Richmond Lattimore. Chicago, 1951; rpt. 1961.

Ibelin, Jean d'. Assises de la haute cour. Edited by Auguste-Arthur Beugnot. In Assises de Jérusalem, 1:7–432. Paris, 1841.

Jaille, Hardouin de la. Formulaire des gaiges de bataille. In Prost, 135–91.

Juvénal des Ursins, Jean. Histoire de Charles VI. Edited by J.A.C. Buchon. Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France, 333–569. Paris, 1838.

La Marche, Olivier de. Livre de l'advis de gaige de bataille. In Prost, 1–28, 41–54.

La Tour Landry, Geoffroy de. Le livre du chevalier. Edited by Anatole de Montaiglon. Paris, 1854.

Le Coq, Jean. Questiones Johannis Galli. Edited by Marguerite Boulet. Paris, 1944.

Le Fèvre, Jean. Journal. Edited by H. Moranville.

Vol. 1. Paris, 1887.

Lobineau, Gui Alexis. Histoire de Bretagne. 2 vols. Paris, 1707; rpt. 1973.

Ordonnances des roys de France de la troisième race. Edited by Eusèbe Jacob de Laurière. Vol. 1. Paris, 1723.

Pisan, Christine de. The Book of the City of Ladies. Translated by Earl Jeffrey Richards. New York, 1982.

Prost, Bernard, ed. Traités du duel judiciaire, relations de pas d'armes et tournois. Paris, 1872.

Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs à Paris au XIVe siècle. Edited by Louis Tanon. Paris, 1877.

Réligieux de Saint-Denis. Chronique du réligieux de Saint-Denys (1380–1422). Edited by L. Bellaguet. 6 vols. Paris, 1839–52.

The Romance of the Rose. By Guillaume de Lorris and Jean de Meun. Translated by Charles Dahlberg. Princeton, 1971; rpt. 1986.

Summa de legibus normannie in curia laicali. Edited by Ernest-Joseph Tardif. Coutumiers de Normandie, vol. 2. Paris, 1896.

Villiers, Jean de. Le livre du seigneur de l'Isle Adam pour gaige de bataille. In Prost, 28–41.

The Westminster Chronicle, 1381–1394. Edited and translated by L. C. Hector and Barbara F. Harvey.

Oxford, 1982.

ВТОРИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Anglo, Sidney. The Martial Arts of Renaissance Europe. New Haven, 2000.

Ariès, Philippe, and Georges Duby, eds. A History of Private Life. Vol. 2, Revelations of the Medieval World. Translated by Arthur Goldhammer. Cambridge, Mass., 1988.

Asse, Camille. En pays d'Auge: St-Julien-le-Faucon et ses environs. 2nd ed. Saint-Pierre-sur-Dives, 1981.

Atiya, Aziz Suryal. The Crusade of Nicopolis. London, 1934.

Autrand, Françoise. Charles V: le sage. Paris, 1994. Charles VI: la folie du roi. Paris, 1986.

Barbay, Louis. Histoire d'Argentan. 1922; rpt. Paris, 1993.

Bartlett, Robert. Trial by Fire and Water: The Medieval Judicial Ordeal. Oxford, 1986.

Bishop, Morris. The Middle Ages. New York, 1968; rpt. 1987.

Biver, Paul, and Marie-Louise Biver. Abbayes, monastères et couvents de Paris. Paris, 1970.

Bloch, Marc. Feudal Society. 2 vols. Translated by L. A. Manyon. Chicago, 1961.

Bloch, R. Howard. Medieval French Literature and

Law. Berkeley, 1977.

Bongert, Yvonne. Recherches sur les cours laïques du Xe au XIIIe siècle. Paris, 1949.

Boyer, Marjorie Nice. «A Day's Journey in Mediaeval France.» Speculum 26 (1951): 597–608.

Braudel, Fernand. The Identity of France. Vol. 2, People and Production. Translated by Siân Reynolds. New York, 1990.

Bullet, Jean-Baptiste. Dissertations sur la mythologie françoise. Paris, 1771.

Caix, Alfred de. «Notice sur la chambrerie de l'abbaye de Troarn.» Mémoires de la société des antiquaires de Normandie (ser. 3) 2 (1856): 311–87.

Canel, A. «Le Combat judiciaire en Normandie.» Mémoires de la société des antiquaires de Normandie (ser. 3) 2 (1856): 575–655.

Cantor, Norman F. The Civilization of the Middle Ages. New York, 1994.

Cassini de Thury, César-François. Carte de France. Paris, ca. 1759.

Chapelot, Jean. Le château de Vincennes. Paris, 2003.

Chardon, Roland. «The Linear League in North America.» Annals of the Association of American Geographers 70 (1980): 129–53.

Charpillon, M. Dictionnaire historique de toutes

les communes du département de l'Eure. 2 vols. Les Andelys, 1868–79.

Cohen, Esther. The Crossroads of Justice. Leiden, 1993.

Contades, Gérard, and Abbé Macé. Canton de Carrouges: essai de bibliographie cantonale. Paris, 1891.

Contamine, Philippe. La guerre de cent ans. Paris, 1968.

Couperie, Pierre. Paris au fils du temps. Paris, 1968.

Davis, R.H.C. The Medieval Warhorse. London, 1989.

Delachenal, Roland. Histoire des avocats au parlement de Paris, 1300–1600. Paris, 1885.

De Loray, Terrier. Jean de Vienne, Amiral de France, 1341–1396. Paris, 1877.

De Pradel de Lamase, Martial. Le château de Vincennes. Paris, 1932.

Deschamps, Paul. «Donjon de Chambois.» Congrès archéologique de France, bulletin monumental 111 (1953): 293–308.

Desmadeleines, A. Desgenettes. «Duel de Jean de Carouges et de Jacques Legris.» Bulletin de la société bibliophile historique 3 (1837–38), no. 2: 32–42.

Dewannieux, André. Le duel judiciaire entre Jean

de Carrouges et Jacques Le Gris: le 29 décembre 1386. Melun, 1976.

Dictionnaire de biographie française. Edited by J. Balteau et al. 20 vols. Paris, 1933–2003.

Dictionnaire de la noblesse. Edited by François-Alexandre Aubert de La Chesnaye Des Bois and Jacques Badier. 3rd ed. 19 vols. Paris, 1863–76.

Diderot, Denis, and Jean Le Rond d'Alembert, eds. Encyclopédie. 28 vols. Paris, 1751–72.

Diguères, Victor des. Sévigni, ou une paroisse rurale en Normandie. Paris, 1863.

Du Bois, Louis-François. Archives annuelles de la Normandie. 2 vols. Caen, 1824–26.

Duby, Georges. Medieval Marriage. Translated by Elborg Forster. Baltimore, Md., 1978.

. The Three Orders. Translated by Arthur Goldhammer. Chicago, 1980.

Ducoudray, Gustave. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe and XIVe siècles. 2 vols. Paris, 1902; rpt. 1970.

Dupont-Ferrier, Gustave. Gallia regia. 7 vols. Paris, 1942–66.

The Encyclopaedia Britannica. 11th ed. 29 vols. New York, 1910–11.

Fagan, Brian. The Little Ice Age. New York, 2000.

Famiglietti, R. C. Tales of the Marriage Bed from

Medieval France. Providence, R.I., 1992.

Favier, Jean. Paris: Deux mille ans d'histoire. Paris, 1997.

Ferguson, George. Signs and Symbols in Christian Art. New York, 1954; rpt. 1975.

France, John. Western Warfare in the Age of the Crusades. Ithaca, N.Y., 1999.

Gaudemet, Jean. «Les ordalies au moyen âge: doctrine, legislation et pratique canoniques.» In La preuve. Vol. 2, Moyen âge et temps modernes, 99–135. Brussels, 1965.

Gottlieb, Beatrice. «Birth and Infancy»; «Pregnancy.» Encyclopedia of the Renaissance, 1:232–35, 5:155–57. New York, 1999.

Gravdal, Kathryn. Ravishing Maidens. Philadelphia, 1991.

Guenée, Bernard. «Comment le Réligieux de Saint-Denis a-t-il écrit l'histoire?» Pratiques de la culture écrite en France au XVe siècle, 331–43. Edited by Monique Ornato and Nicole Pons. Louvain-la-Neuve, 1995.

Haskins, Charles H. The Rise of Universities. New York, 1923.

Hewitt, John. Ancient Armour and Weapons in Europe. 3 vols. 1860; rpt. Graz, 1967.

Hillairet, Jacques. Dictionnaire historique des rues

de Paris. 9th ed. 2 vols. Paris, 1985.

Gibets, piloris et cachots du vieux Paris. Paris, 1956.

Hippeau, Célestin. Dictionnaire topographique du département du Calvados. Paris, 1883.

Horne, Alistair. The Seven Ages of Paris. New York, 2002.

Huizinga, Johan. The Autumn of the Middle Ages. Translated by Rodney J. Payton and Ulrich Mammitzsch. Chicago, 1996.

Keats-Rohan, K.S.B. Domesday Descendants. Vol. 2, Pipe Rolls to Cartae Baronum. London, 2002.

Keen, Maurice. Chivalry. New Haven, Conn., 1984.

ed. Medieval Warfare: A History. Oxford, 1999.

The Penguin History of Medieval Europe. London, 1991.

Lacordaire, Simon. Les inconnus de la Seine. Paris, 1985.

Lagrange, Louis-Jean, and Jean Taralon. «Le Château de Carrouges.» Congrès archéologique de France, bulletin monumental 111 (1953): 317–49.

La Noë, René de [= Louis Duval]. Robert de Carrouges. Alençon, 1896.

La Roque de La Lontière, Gilles-André de. Histoire généalogique de la maison de Harcourt. 4 vols. Paris, 1662.

Lea, Charles Henry. The Duel and the Oath. (Orig. in Superstition and Force, 1866.) Edited by Edward Peters. Philadelphia, 1974.

Lebreton, Charles. «L'Avranchin pendant la guerre de cent ans, 1346 à 1450.» Mémoires de la société des antiquaires de Normandie (ser. 3) 10 (1880): 12–172.

Le Fort, V. «L'Affaire de Carrouges.» La revue illustrée du Calvados 7.7 (July 1913), 98–99.

Lehoux, Françoise. Jean de France, duc de Berri. 4 vols. Paris, 1966–68.

Leonard, John K. «Rites of Marriage in the Western Middle Ages.» In Medieval Liturgy, edited by Lizette Larson-Miller, 165–202. New York, 1997.

Le Prevost, Auguste. Histoire de Saint-Martin du Tilleul. Paris, 1848.

Mémoires et notes pour servir à l'histoire du département de l'Eure. Edited by Léopold Delisle and Louis Passy. 3 vols. Évreux, 1862–69.

Long, Brian. Castles of Northumberland. Newcastle upon Tyne, 1967.

Loth, Yan. Tracés d'itinéraires en Gaule romaine. Dammarie-les-Lys, 1986.

Mabire, Jean, and Jean-Robert Ragache. Histoire de la Normandie. Paris, 1976.

Malherbe, François de. Oeuvres. Edited by M. L. LaLanne. 5 vols. Paris, 1862–69.

Maneuvrier, Jack. «L'affaire de Carrouges au Mesnil-Mauger.» Histoire et traditions populaires 56 (December 1996): 29–35.

Mariette de La Pagerie, G. Carte topographique de la Normandie. Paris, ca. 1720.

Mauboussin, Christophe. La première révolte de Godefroy d'Harcourt. Master's thesis. Caen, 1993.

Mériel, Amédée. Bellême: notes historiques. 1887; rpt. Paris, 1992.

Minois, Georges. Histoire du suicide. Paris, 1995.

Monestier, Martin. Duels: les combats singuliers des origines à nos jours. Paris, 1991.

Morel, Henri. «La fin du duel judiciaire en France et la naissance du point d'honneur.» Revue historique de droit français et étranger (ser. 4) 42 (1964): 574–639.

Moricet, Marthe. «Duel de Legris et de Carrouges.» Cahier des annales de Normandie 2 (1963): 203–207.

Neilson, George. Trial by Combat. Glasgow, 1890; rpt. 2000.

Nicolle, David. Nicopolis 1396. Oxford, 1999.

Nortier, Michel. Documents normands du règne de Charles V. Paris, 2000.

Odolant-Desnos, Pierre Joseph. Mémoires historiques sur la ville d'Alençon. 2 vols. Alençon, 1787; rpt. 1976.

The Oxford English Dictionary. Edited by J. A.

Simpson and E. S. C. Weiner. 2nd ed. 20 vols. Oxford, 1989.

Palmer, J. N. N. England, France and Christendom, 1377–99. London, 1972.

Pernoud, Régine. Blanche of Castile. Translated by Henry Noel. New York, 1975.

Peters, Edward. Torture. 2nd ed. Philadelphia, 1996.

Petit, Ernest. Séjours de Charles VI: 1380–1400. Paris, 1894.

Prieur, Lucien. «Château d'Argentan.» Congrès archéologique de France, bulletin monumental 111 (1953): 84–90.

Reinhard, J. R. «Burning at the Stake in Mediaeval Law and Literature.» Speculum 16 (1941): 186–209.

Rougemont, Denis de. Love in the Western World. Translated by Montgomery Belgion. Rev. ed. New York, 1956.

Rousseau, Xavier. Le château de Carrouges. 4th ed. La Ferté-Macé, 1955.

Saunders, Corinne. Rape and Ravishment in the Literature of Medieval England. Cambridge, England, 2001.

Seward, Desmond. The Hundred Years' War. London, 1978.

Shennan, J. H. The Parlement of Paris. Rev. ed.

Stroud, 1998.

Stevenson, Kenneth. Nuptial Blessing. New York, 1983.

Summerson, Henry. Medieval Carlisle. 2 vols. Kendal, 1993.

Sumption, Jonathan. The Hundred Years' War. 2 vols. Philadelphia, 1990, 1999.

Talbert, Richard J. A., et al., eds. Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton, N.J., 2000.

Terrier, Claude Catherine, and Olivier Renaudeau. Le château de Carrouges. Paris, 2000.

Tournouër, H. «Excursion archéologique dans le Houlme.» Bulletin de la société historique et archéologique de l'Orne 22 (1903): 349–95.

Van Kerrebrouck, Patrick, et al. Les Valois. Villeneuve d'Ascq, 1990.

Vanuxem, P.-F. «Le duel Le Grix–Carrouges.» Le pays d'Argentan 6 (1934): 197–205, 236–43.

Veillerys: légendes de Basse-Normandie. Argentan, 1933; rpt. 1967.

Verdon, Jean. La femme au Moyen Age. Paris, 1999.

Vérel, Charles. «Nonant-le-Pin.» Bulletin de la société historique et archéologique de l'Orne 22 (1903): 157–205.

Viollet-le-Duc, Eugène-Emmanuel. Dictionnaire raisonné du mobilier français. 6 vols. Paris, 1854–75;

rpt. 1926.

Voltaire. Histoire du Parlement de Paris. Amsterdam, 1769.

Warner, Philip. Sieges of the Middle Ages. London, 1968.

White, F. Le Grix. Forgotten Seigneurs of the Alençonnais. Penrith, ca. 1880.

Wise, Terence. Medieval Warfare. New York, 1976.

Wolfthal, Diane. Images of Rape. Cambridge, Eng., 1999.

Yule, Henry, ed. and trans. Cathay and the Way Thither. 2nd ed. London, 1914.

Ziegler, Philip. The Black Death. New York, 1969; rpt. 1971.

БЛАГОДАРНОСТИ

На создание этой книги я потратил десять лет, с тех пор как мне на глаза впервые попалась история ссоры между Карружем и Ле Гри в «Хрониках Фруассара», спустя тысячи часов исследований, писанины, после нескольких поездок в Европу и многочисленных дискуссий с людьми, которые помогли воплотить этот проект из мечты в реальность.

Прежде всего, хочу поблагодарить мою жену Пег, которая вместе со мной изучала архивы, документировала исследования фотоотчётами, несколько раз тщательно перечитала рукопись и сделала в ней множество важных правок, с любовью поддерживая это начинание на каждом его этапе. Без её поддержки я никогда бы не справился, и с любовью посвящаю ей сей труд.

Также я признателен бесподобному редактору Чарльзу Конраду, вице-президенту и исполнительному редактору «Бродвэй-Букс» в «Рэндом-Хаус». Чарли довёл эту книгу от черновика до

законченного произведения. Благодарю его за ценные стратегические советы и полную энтузиазма поддержку. Мне невероятно повезло работать с этим человеком, опыт, полученный от нашего сотрудничества — бесценен.

Выражаю признательность моим потрясающим литературным агентам Глену Хартли, Линн Чу и Кэти Спринкель из «Представительства литераторов», они разглядели в моём творении коммерческий потенциал и умело продвинули на литературном рынке произведение начинающего писателя.

Благодарю всю бродвейскую команду, которая довела мой труд от рукописи до полноценного издания. Элисон Пресли, снабдившую текст иллюстрациями, фотографиями и картами; Луизу Фрэнквилл, координатора рабочих процессов; Джанет Билл, умело оцифровавшую рукопись; а также редактора Шона Миллса. Отдельное спасибо Деборе Кернер за дизайн книги; Джин Трейн — за красивую обложку, Джону Бергойну — за великолепную отрисовку карт; а также Джерри Говарду, Джеки Эверли-Уоррен и Оливеру Джонсону за веру в меня и проявленный энтузиазм.

Отдельная благодарность родителям за то, что ещё ребёнком возили меня на экскурсии в евро-

пейские замки и мудро пресекли моё решение бросить изучение французского в восьмом классе, позволив моей замечательной учительнице мадам Морден основательно подготовить меня по этому предмету. Увы, моя мама Мерилин умерла за двадцать пять лет до издания этой книги, думаю, она гордилась бы мной. Поэтому мне было вдвойне приятно отправить один экземпляр рукописи моему отцу Марвину, любителю исторического чтива.

Также я в неоплатном долгу перед своими многочисленными друзьями и коллегами. Благодарю профессора Генри А. Келли из филиала Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе за то, что прочёл мою рукопись и снабдил её щедрыми комментариями, делясь своими обширными знаниями по средневековому праву, религии, латыни и в прочих сферах, избавив книгу от многих неточностей. Все прочие ошибки — исключительно на моей совести.

Андрэа Гроссман, основательницу и директора Блока литераторов в Лос-Анджелесе, за то, что познакомила меня с нужными людьми в издательском бизнесе, с увлечением прочла рукопись, дав ценные советы по изданию, и была добрым другом для нас с Пег.

Кэтрин Риго, у которой мы остановились ненастным мартом во время поездки в Нормандию, за то, что показала старинные замки, древние укрепленные усадьбы и прочие средневековые достопримечательности. Джека Маниврэ, местного историка, писавшего некогда о деле Карруж — Ле Гри, за то, что он со своей женой Дэни любезно принял нас в своём доме и охотно ответил на все вопросы, снабдив ценными сведениями по истории тамошних мест, не теряя со мной связи даже в Калифорнии.

Тома Уортэма, заведующего кафедрой английского языка в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, и Линн Баттен, зам. декана за то, что предоставили своевременный отпуск и оптимизировали под меня график обучения. Кэролайн Си, давшую мне ценный совет по первым шагам в публикациях. Благодарю профессора Ричарда Роуза за советы по пользованию парижскими архивами. А также всех моих коллег по Калифорнийскому университету Лос-Анджелеса, за то, что делились со мной своим бесценным опытом: Криса Басуэлла, Эль Браунмюллер, Джонатана Гроссмана, Гордона Киплинга, Дель Колву, Роберта Мэникьюса, Клер Макихерн, Дэвида Родэса, Дебору Шугер и Стивена Йенсора. И ещё: Джанет

Гилкисон, Дорис Ванг, Нору Элиас и Рика Феджина, за то, что помогли мне уладить логистические шероховатости. Кристину Фицжеральд и Андреа Фицжеральд-Джонс, за то, что обратили моё внимание на ускользнувшие библиотечные артефакты и дали ценные намётки.

Также я бесконечно благодарен Говарду Шлессу из Колумбийского университета, по чьей рекомендации впервые прочёл Фруассара; Джиму Шапиро и Энди Дельбанко из того же университета за обмен опытом в публикациях; Маргарет Розенталь (УЮК), Говарду Блоху (Йель), Майклу Дэвису (Маунт-Холиок), Джону Ленгдону (Альберта, Канада), Келли Девриз (Лойола-Балтимор), Мартину Бриджу (Университетский колледж, Лондон), Стюарту У.Фирру и Дональду Ла-Рокка из департамента по оружию и доспехам художественного музея «Метрополитен». Стелле Пол (тоже «Метрополитен») и Джеймсу Бернардзу из Университета Лонг-Айленда, давним друзьям, давшим мне ценные рекомендации и контакты знающих людей. Марку Весси и его коллегам из Университета Британской Колумбии за то, что порекомендовали дружественный лекционный форум, весьма полезный в создании книги, а также за гостеприимство.

Благодарю многочисленных архивариусов в Париже и Нормандии, любезно разрешивших мне ознакомиться с ценными документами. Особая благодарность Франсуазе Хильдесмэйер и Мартину Сину Блима-Барьё из Государственного архива (CARAN); квалифицированным сотрудникам Национальной библиотеки; Архивному департаменту в Кальвадосе (Кан), Эр (Эвре) и Орн (Алансон); Моник Лакруа, Франсуазе Гиндоле и Мари-Франсуазе Беллами из парижской Ассоциации историков (Марэ); Лорану Буассу из Венсенского замка; Тьерри Девинк из библиотеки Форни. Выражаю благодарность за предоставленные фотографии и гравюры Пьеру Созански д'Алансезу из Бодлианской библиотеки, Доминику Хангеру из Базельского университета, Изабель Ле Ме и Изабель Пантаначче из Управления национальными памятниками; Ребекке Акан из музея «Метрополитен» и Кристин Кэмпбелл из Британской библиотеки.

Помимо этого, хочу поблагодарить за оказанную помощь библиотекарей Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе: Викторию Стил, руководителя Специальных коллекций библиотеки Юных исследователей; Барбару Шедер из Биомедицинской библиотеки; Кристофера

Коулмана из справочного отдела БЮИ, Джонни Харгиса и Дэвида Декельбаума из Картографической коллекции Генри Дж.Брумана; а также Октавио Ольвера из Специальных коллекций. Благодарю межбиблиотечный офис Калифорнийского университета за эффективную, слаженную работу и доступ ко множеству редких источников.

Моя признательность доктору Теренсу Бертеле за предоставленные медицинские сведения. Борису Кушниру из Фехтовального клуба в Беверли-Хиллз за то, что при помощи маски и рапиры дал мне понять, каково это — скрестить шпаги с опытным противником. Кола Джорджа Ньюберри (ВВС США) за предоставленные военные карты. А также множество сотрудников из издательств, киноиндустрии и юристов за ценные профессиональные советы: Надю Эвад, Филиппа Бенуа, Терезу Дросте, Рэнди Фрида, Рика Гроссмана, Лизу Гамильтон, Дэйва Джонсона, Джо Джонсона, Сару Келли, Керрин Кун и Кэтлин Макдермотт.

И наконец, хочу поблагодарить своих студентов из Калифорнийского университета. Став неисчерпаемым источником вдохновения, они научили меня, в частности, как передать средневековые эмоции: удивление, волнение и страх за

собственную жизнь.

ЭРИК ДЖАГЕР
ЛОС-АНДЖЕЛЕС
АПРЕЛЬ 2004

ОБ АВТОРЕ

Эрик Джагер, почётный профессор английского языка в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, имеет докторскую степень Мичиганского университета, а также является доцентом Колумбийского университета. Автор ранее издававшихся книг, в том числе «Книги сердец» (исследование изображений сердца в средневековой литературе) и многочисленных статей для популярных научных журналов. Живёт в Лос-Анджелесе.

ПОБЛАГОДАРИТЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Понравилась книга?

Поблагодарите переводчиков

Карта 5599005046981994 Яндекс Деньги 410011291967296

PayPal

и др: https://vk.com/translators_historicalnovel?w=app5727453_-76316199